

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького
Исторический факультет
НПМП «ВОЛОТ»

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
историко-филологического факультета
Уральского университета
1945 — 1956

Екатеринбург
2010

ББК Ч448.7(2Р36) + Г1-1(2Р36)
УДК [378.4(470.54-25).96:9](09) + 930(470.5)
Ч 494

Черноухов А. В.

Ч 494 Историческое отделение историко-филологического факультета
Уральского университета. 1945 — 1956. Екатеринбург: Изд-во
«ВОЛОТ», 2010. — 180 с.
ISBN 978-5-89088-049-9

В книге отражен послевоенный период жизни исторического (историко-филологического) факультета. Повествование охватывает время с 1946 по 1956 годы. Период, изобилующий сложными событиями в жизни страны, университета и факультета.

Книга адресована студентам, сотрудникам и преподавателям исторического факультета, университета в целом, широкому кругу читателей, интересующихся историей развития исторического образования.

ISBN 978-5-89088-049-9

© А. В. Черноухов, 2010
© НПМП (ВОЛОТ), 2010

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1.	
ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД. В СТРАНЕ И В ВУЗЕ.....	8
1.1. Реальная жизнь и политико-воспитательная работа	8
1.2. Кадры. Дела учебные, научная деятельность	35
1.3. Деканы. Громкий скандал. Итоги пятилетки.....	86
Глава 2.	
ОБШИРНЫЕ ПЛАНЫ И СКРОМНЫЕ ИТОГИ.....	103
2.1. Дела житейские, учебные, научные.....	103
2.2. Жизнь студенческая: общественная и личная	134
2.3. Вновь деканы, жаркие скандалы, радостно-грустные итоги.....	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
Источники и литература.....	177

ВВЕДЕНИЕ

Прошло два года со времени выхода в свет первой книги по истории факультета. В заключительной ее части автор предложил заинтересованным лицам создать на факультете архив-музей, представить в деканат замечания и предложения по написанию последующих глав, воспоминания, документы о преподавателях, сокурсниках, выпускниках факультета, работе кафедр, кабинетов и лабораторий. Увы, откликов было немного, в основном высказывались пожелания видеть продолжение истории.

Поэтому автор собирал архивный и иной материал для очередной книги. Когда дело дошло до классификации, самой увесистой оказалась папка с заголовком «идеологическая работа». При ее разборе выделились четыре ключевых термина: борьба с буржуазной идеологией, троцкизмом, коммунистическое воспитание преподавателей и студентов, критика и самокритика. Встала проблема: как уместить этот материал в рамках данного исследования и не заслонить им реальную жизнь историков? И тогда взгляд упал на другую папку с рабочим заголовком «склоки на факультете». Она оказалась не менее объемной. Это неудивительно, так как критика и самокритика отдельных личностей и групп автоматически переливалась в перманентный процесс скандалов и всевозможных, выражаясь сегодняшним языком, «разборок». Трудно писать об этом. Особенно во введении. Но сделать это необходимо. Возможно, кто-то, прочитав написанное выше, вообще не станет читать книгу. Но это не интрига. Это суровая реальность жизни.

Изучаемый период был, наверное, самым сложным в истории факультета. Автор, работающий здесь уже 40 лет, уверен, что такого количества склок, скандалов, откровенных доносов и следовавших за этим разбирательств на всех уровнях и оргвыводов, которые уложились в 11 лет истории, ни ранее, ни позднее не было. Поэтому, как и в предыдущей книге, работа представлена в автор-

ской редакции — автор несет полную ответственность за изложенные факты.

Бернард Шоу говорил, что «свобода — это ответственность». У этой фразы драматурга есть и продолжение: «Вот почему все ее так боятся». Свобода творчества не может чем-либо быть ограничена. Но в свободе самовыражения, которая равнозначна свободе слова, есть ограничения, которые предусматриваются законами. Нельзя злоупотреблять. Нормальное, честное употребление — это и есть ответственность.

Автор не пытался избегать таинственности повествования и сюжетных интриг. Главное стремление заключалось в том, чтобы была соблюдена историческая достоверность и точность изображения жизни, функционирования коллектива отделения факультета. Было стремление отобразить то, что творилось в описываемый период, чтобы текст был посвящен конкретным наблюдениям. Цитируемые документы помогут читателям дать собственную оценку событиям. Она может и не совпадать с позицией автора. Только с этой целью в работе приводится обильное цитирование архивных материалов из фондов двух областных архивов и архива университета. Музейные документы вуза также важны, хотя воспоминания всегда субъективны.

По изучаемому периоду появились новые виды источников — планы и отчеты о работе кафедр и факультета в целом, а также протоколы заседаний Ученого совета. Отчеты за первые четыре года не сохранились, имеется документация только с 1949 г.

Отчеты (полугодовые и годовые) по учебно-методической и воспитательной работе объемны, иногда до 40 страниц машинописного текста, но в них много общих фраз, а фактического материала мало, часто случалась ситуация, что «взять нечего». Планы и отчеты по науке характеризовать проще — из года в год обширное планирование, а в итоговых отчетах чаще всего приводятся лишь объективные причины невыполненных планов.

Одним из недостатков предыдущей книги по истории факультета являлось слабое использование материалов газеты «Сталинец». Последний номер газеты с таким названием вышел 12 апреля 1956 г. А 21 апреля появился первый номер газеты «Уральский университет». Кстати, редколлегия не объяснила читателям причину смены названия. Лишь в передовой статье «Жить по Ленину»

присутствовала фраза: «XX съезд КПСС полностью восстановил ленинские нормы партийной жизни, продемонстрировал сплоченность партийных рядов, верность партии ленинизму». Всё!

В этой части работы данный пробел ликвидирован. Автор добросовестно изучил все сохранившиеся экземпляры газеты за 1945—1956 годы. И очень долго не мог дать характеристику материалов. Подсказал В. А. Саматов — студент-отличник 1948—1953 гг., Сталинский стипендиат, председатель СНО, секретарь и член комитета ВЛКСМ университета. В 1952 г. он написал: «Наша газета еще мало отражает повседневную жизнь университета, так как она мало связана с жизнью факультетов, не опирается на широкий актив»¹.

Автор полностью согласился с этим высказыванием. Но вспомнил слова незабвенного декана 70-х — начала 80-х годов В. И. Шихова (в 50-х годах студента). В своих блестящих лекциях он советовал читать тексты газет «между строк». Помня это пожелание, автор попытался «почитать между строк». Безуспешно. Отметим лишь, что члены редколлегии газеты часто менялись, их критиковали на заседаниях партбюро, партийных собраниях университета. Редколлегия всегда была под жестким контролем.

Литературы по этому загадочному и малоисследованному периоду истории страны, по истории высшего, в том числе исторического образования, немного. А события искажены по причине идеологической компании — разоблачения культа личности. Компания не ставила задачу понимания предшествующей истории, восстановления справедливости, решались практические задачи — любыми средствами принизить роль предшественника, который при жизни был обожествлен. Люди, работавшие под руководством вождя, должны были или понести наказания за злодеяния, или же отмежеваться от этих явлений, предстать спасителями. Они не собирались отвечать за содеянное. Уничтожая следы, Н. С. Хрущев в докладе (который не был опубликован более 30 лет) на закрытом заседании XX съезда КПСС использовал недостойный прием —

---

¹ Сталинец. 14 марта 1952 г.

ложь в отображении ушедших в историю событий, в том числе и по послевоенному периоду¹.

К этой книге очень долгое время подбирался заголовок. Исторического факультета не было, историко-филологический факультет выносить на обложку нельзя. Название получилось длинным, но оно отображает суть изучаемых событий. Книга разделена на две главы. Но ввиду того, что исследуемый хронологический период небольшой, некоторый материал (НСО, физкультура и спорт, художественная самодеятельность и др.) расположен компактно в той или другой части книги.

Автору помогали те же сотрудники исторического кабинета, что и в предыдущей книге — О. В. Замятина и И. В. Земскова (компьютерный набор сложного текста и корректирование рукописи). Они отлично справились с работой: большое спасибо. Автор выражает благодарность директорам и сотрудникам ГАСО и ЦДООСО, архива УрГУ, хранителю университетского музейного комплекса В. А. Мазур.

Продолжил спонсировать издание Георгий Лонияевич Гозалишвили, который не учился на историческом факультете, имеет иное высшее образование, но дружен со многими преподавателями исторического факультета уже более 20 лет. Ему также наша искренняя благодарность.

А. В. Черноухов, выпускник исторического
факультета 1969 года

---

¹ См. напр.: *Ферр Г.* Антисталинская подлость. М., 2008; *Прудникова Е.* Хрущев. Творцы террора. М., 2009; *Кожин В.* Россия. Век XX (1939—1964). М., 2002 и др.

Глава 1.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД. В СТРАНЕ И В ВУЗЕ

1.1. Реальная жизнь

и политико-воспитательная работа

Первую часть книги автор завершил приказом о зачислении в 1945 году 34 студентов-историков и о выделении городскими властями помещения для университета. С этого и начнем изучение нового этапа истории факультета.

Но сначала небольшое отступление. Что-то давно не видно людей, которые бы носили Знак об окончании университета. И новый, российского образца, «не прижился». В чем причина? Ведь было время, когда этим Знаком люди гордились.

Первые дни первого послевоенного учебного года. Студенты всех курсов прочитали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1945 года:

«1. Учредить нагрудный знак для лиц, окончивших государственные университеты.

2. Утвердить Положение о нагрудном знаке для лиц, окончивших государственные университеты, образец нагрудного знака и его описание.

ПОЛОЖЕНИЕ

О нагрудном знаке для лиц, окончивших
государственные университеты

1. Нагрудный знак выдается лицу, окончившему государственный университет.

2. Вручение нагрудного знака производится одновременно с вручением диплома об окончании курса государственного университета.

Лицам, окончившим государственные университеты в период с 1918 по 1945 год, нагрудные знаки выдаются теми государственными университетами, в которых они обучались.

3. Нагрудный знак вручается ректором университета.

4. Нагрудный знак, для лиц, окончивших государственные университеты, носится на правой стороне груди ниже орденов и медалей СССР»¹.

Автор уверен — довольны были многие. Хотя жизнь была очень трудной, в том числе и для университета, для студентов-историков. Но закончилось военное лихолетье. Многое должно было измениться.

Студенты пришли учиться. Получать духовную пищу. Но без материальной основы впитывать ее сложно. Поэтому сначала отразим условия обучения и жизни, а позднее займемся проблемами освоения учебных планов, азов науки, всего многообразия незабываемых студенческих дней. Недаром практически во всех воспоминаниях историков тех лет присутствует объемная фраза: «жизнь студентов была сложной в материальном отношении, но зато очень интересной и насыщенной».

Напомним, в марте 1945 г. университету было передано здание школы (ул. Белинского, 71 / Куйбышева, 48-а), где в годы войны размещался эвакогоспиталь. Комиссия, принимавшая здание, констатировала, что хотя оно построено в конце 20-х годов, но «находится в неудовлетворительном состоянии, требуется полная перестилка полов, полная замена электропроводки, всей электроосветительной системы»...². Но это было большое здание, все студенты, кроме химиков (они остались в доме на ул. Ленина, 13-б, там у них был и учебный корпус, и общежитие) переехали в свой «особняк».

Это был действительно своеобразный «особняк». Учебные площади занимали не более половины территории. Остальную часть корпуса выделили под жилье — здесь кроме студентов поселились и преподаватели. В итоге уже в первом учебном году университет с двухсменного режима работы вынужден был перейти на работу в три смены. Последняя начиналась в 19 часов 30 минут и заканчивалась за полночь³. Это походило на ситуацию военных лет.

---

¹ Свод законов СССР. Т. 3. М., 1985. С. 416.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 7. Л. 39—40.

³ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 279. Л. 32.

С первых дней нового учебного года руководство вуза стало добиваться возвращения и законно принадлежавшего университету здания по ул. 8-е Марта, 62, а также всех общежитий. Описание этой эпопеи может занять много страниц. Отметим лишь, что дело дошло до Совета Министров СССР. Были и специальные постановления от 5 апреля 1946 г. и 17 февраля 1947 г. этого органа власти. Но и через полтора года дело не сдвинулось с “мертвой точки”. В июле 1948 г. ректор констатировал: «завод не выехал, ремонта помещений не предусматривается»¹.

Ситуация, на первый взгляд, парадоксальная — не выполнялись решения правительства. Но с житейской точки зрения ситуация понятна. Постановления невозможно было выполнить. И руководство вуза понимало — выехать оборонному заводу было некуда. Освободить четыре университетских общежития тоже не просто — рабочим также нужны хотя бы элементарные условия для жизни. А возможностей у городских властей не было — эвакуированные в годы войны заводы и персонал оставались в Свердловске. Замкнутый круг.

Только во второй половине 1948 — начале 1949 гг. из здания университета по ул. 8-е Марта начал выезжать завод. В военную годину он работал на пределе возможностей. В итоге здание было изношено, требовался не косметический, а капитальный ремонт всех помещений. Он занял более года. Но в феврале 1950 г. в здании с далеко незавершенным ремонтом праздновал новоселье историко-филологический факультет. А в течение еще пяти лет одновременно с занятиями шли и ремонтные работы.

Общее состояние общежитий первого послевоенного года охарактеризовала на партсобрании врач университета Волынская. Цитата несколько длинновата, но необходимо привести ее без пропусков: «Быт определяет сознание. А быт студентов очень скверный. Нам нет никаких оправданий, чтобы студенты жили в нечеловеческих условиях. Студенты живут в тесноте, 15 человек живет в одной комнате. У нас может получиться эпидемия из-за тесноты. Если возникнут случаи гриппа, конечно, все студенты будут страдать. Студенты должны быть культурными, а среди них свирепствуют вши и клопы. Это получается из-за тесноты в общежитиях.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 363. Л. 21—25.

Между кроватями нет интервалов. В комнатах исключительная грязь. Студенты сами за собой не следят. Санитарное состояние чрезвычайно тяжелое. Нужно воспитывать студентов, разъяснять им, как нужно жить...»¹.

Общую картину можно конкретизировать. В 40-х годах студенты жили в трех общежитиях. Главное, на ул. Чапаева, 20, где могли устроиться более 300 студентов, было возвращено заводом только в середине 50-х годов. Во втором здании, на ул. 8-е марта, 3, жили главным образом преподаватели, студентам-историкам там мест практически не дали, как и в главном корпусе. Осталось последнее — общежитие на ул. Карла Либкнехта, 9. Оно чужое, пединститута. Но на втором его этаже еще во время войны разместились историки. И жили здесь вплоть до середины 50-х годов.

На партийных собраниях 1946 г. это общежитие характеризовалось следующим образом: «Ужасное общежитие. Нет минимальных условий для нормальной жизни и учебы. Нет дров, горячей воды, постельное белье не меняется месяцами. В пустой, холодной комнате без белья, на тюфяках спят участники, инвалиды Великой Отечественной войны». Студент факультета, инвалид войны Кокорышкин прямо заявил: «О занятиях думать не приходится, решаем вопрос — где ночевать, здесь невозможно».

Второй фронтовик, Ворожейкин, уточнял: «В общежитии по ул. К. Либкнехта студенты живут в нечеловеческих условиях. Уборная и умывальник закрыты, в комнатах клопы, грязь. После фронта в таких условиях мы жить не можем...».

Но жили, а «безрадостную картину дополняли стада огромных, какой-то особой породы, крыс». Студенты даже песню сочинили. Вот один куплет:

*«Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы комнат студенческих жителя
От крысиных атак не страдал»².*

Если читатель не поверил куплету песни, автор приводит поддержку из воспоминаний студента-историка выпуска 1951 г.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 43. Л. 1—2.

² Сталинец. 1 марта, 23 апреля, 18 июня 1946 г.; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 43. Л. 1—2.

Л. А. Марголина. Они написаны через полвека, а Леонид Абрамович работал доцентом кафедры философии Нижнетагильского педагогического института. В описании фигурирует Николай Александрович. Это однокурсник, фронтовик, Н. А. Тараторкин, сведения о нем есть в данной книге.

«Рискну рассказать об одном эпизоде из жизни жильцов общежития, к которому Николай Александрович имеет прямое отношение. Хотя меня и могут упрекнуть в некотором натурализме.

Дело в том, что мы очень страдали от нашествия крыс. По ночам они становились хозяевами комнат. Шныряли всюду, и держать в тумбочках какую-либо провизию было невозможно. Голодные, мы спали мертвым сном, а они рыскали по комнате, не боясь даже шнырять по постелям. Бороться с этими тварями не было никакой возможности.

Младший брат Николая — Вячеслав был страстным охотником. И на прииске у него были всякие приспособления для охоты. В том числе и капканы. Николай взял у него капкан на зайцев и привез в общежитие. Все ребята довольно скептически отнеслись к затее, но не возражали, чтобы Николай поставил ловушку у одной из дыр, которые в изобилии имелись во всех комнатах общежития.

И вот глубокой ночью вдруг раздается лязг, а затем дикий визг. Все проснулись и спросонья даже сразу не сообразили в чем дело. Наконец, поняли, что в капкан угодила одна из крыс. Нашему ликованию не было конца. Все повскакали с постелей и как были в нижнем белье, высоко подняв капкан с его жертвой, ринулись в коридор, издавая победоносные крики. Проснулось все общежитие. Мужчины из других комнат присоединились к нашему шествию, чтобы узнать из-за чего переполох. Да и двери комнат, где жили студентки, приоткрывались и осторожно высовывались полусонные девушки, чтобы понять, в чем дело»¹.

Прошло четыре года. В 1950 г. отзыв об общежитии был следующим: «на последнем месте в культурно-бытовом отношении, а там проживают и студенты-иностранцы. При таких отвратительных условиях они могут увезти с собой ложное представление о вузе»².

---

¹ Музей УрГУ. Рукописная коллекция истфака.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 110. Л. 41—43.

Возвращенный заводом в 1950 г. старый двухэтажный дом — общежитие на ул. Белинского, 165 — оказался также дряхлым, непригодным для жилья: «Жалок его внешний вид. Весь он в пятнах и трещинах, и трудно догадаться, что это общежитие студентов. И внутри этот дом ничем не богат, осенний холод и ветер проникают сквозь окна, умывальников нет, на кухне титан холодный».

Далее, видимо, конкретных материалов не нужно. Все общежитское хозяйство охвачено. Можно лишь дополнить — все описанные помещения не предназначались для жилья. Это были учебные помещения. Поэтому в больших комнатах и размещалось по 30—50 коек, вынужденно нарушались установленные нормы жилой площади на человека, за это налагались штрафы. Горком партии вынужден был принять специальное решение — до стабилизации обстановки штрафных санкций не применять¹.

Университет «снимал» и частные квартиры для студентов. Они находились на окраинах города, были неблагоустроенны, плата была высокой, а вузовская казна не столь богатой. Например, в 1948 г. университет оплачивал более 400 частных квартир. И все-таки жилья не хватало, поэтому нередко участники различных собраний могли слышать слова: «студенты спят часто на вокзале или в аудиториях»².

Чтобы вселиться в общежитие, студентам было необходимо пройти «санобработку». В городе работали специальные «санпропускники», они и выдавали медицинскую справку. Общее правило. Хотя выполнить его было хлопотно, но с ним все соглашались. Но «санобработка» мало что значила. Нехватка постельных принадлежностей, элементарного мыла, общая антисанитария, отсутствие прачечных, сводили «на нет» санитарные усилия. Поэтому и ректор, и партбюро университета практически ежегодно были вынуждены констатировать: «Многие, абсолютное большинство, живут в плохих условиях, положение с общежитиями для студентов и квартирами для профессорско-преподавательского состава продолжают оставаться тяжелыми»³.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 279. Л. 103.

² Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 95. Л. 117; Д. 112. Л. 153 об.

³ Там же. Д. 52. Л. 8; Д. 95. Л. 113; Д. 104. Л. 32 и др.

Нет необходимости повторять многочисленные свидетельства о том, что в первые послевоенные годы в стране очень остро стояла проблема питания. Не хватало самого необходимого. Недаром 9 февраля 1946 г. ЦК ВКП(б) издал специальное постановление, в котором констатировал: «индивидуальное и коллективное огородничество рабочих и служащих в послевоенный период является так же как и в годы войны одним из серьезных источников дополнительных продовольственных ресурсов»¹. Оно требовало от руководителей всех уровней принятия мер по расширению посевов картофеля, овощей, бобовых культур, повышения урожайности.

Конечно же и в Свердловске появились решения обкома, горкома, райкомов партии, где в огромном количестве присутствовали слова: обязать, организовать, обеспечить, установить, добиться, предложить, возложить руководство... Но все понимали, что реально улучшить состояние крайне сложно. И в 50-х годах преподаватели и сотрудники занимались огородничеством, университету выделялась земля — более 200 соток под посадку картофеля.

Университетское подсобное хозяйство в Богдановичском районе, в деревне Белейка в 80 км от города, располагало 40 га земли. Здесь выращивали не только овощи, но и зерновые культуры, содержался даже крупный рогатый скот. В марте 1946 г. парторганизация обсудила отчет о его работе. Обширная цитата позволит отказаться от комментариев: «Картина подсобного хозяйства неприглядная. Кажется, что оно существует только для директора... Скот стоит на холоде. Кормят скот плохо. Отношение к животным бездушное, надо строить скотный двор. Овощехранилище неудовлетворительное, нет вентиляции, сыро, картофель гниет ... Пшеница смешана с овсом, горох не отсортирован ... Еще не отчитались за ссуды 1945 г. С инвентарем дело тоже плохо. Нет ведер, нет плугов, борон, окучников... постоянной земли нет, земли прошлого года отобраны, нет сенокосных угодий. Политработы нет. Процветает воровство ... Директор пьянствует, к посевной мы не готовы. Удобрений нет. Подсобное хозяйство дает убытки...»².

Долго решали руководители — отказываться от такого хозяйства или просить помощи у областных властей. И единодушно

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 22. Л. 19.

² Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 23—29.

признали, что нужно любыми путями держаться за возможность получить дополнительное питание.

Все, что было выращено в подсобном хозяйстве, поступало в ОРС (отдел рабочего снабжения). Там в 1946 г. наблюдалась такая же картина. Судим по выдержкам из протокола партийного бюро: «Начальник, пользуясь служебным положением, занимался само-снабжением. Благодаря преступной халатности сгнило более 40 тонн картофеля... Отсутствовал учет получения и расходования промтоваров. Работники ОРСа широко пользовались таким положением, получали товары из магазина и склада по запискам, устным распоряжениям и т. п. В результате не только большое количество промтоваров растаскивалось, но часто студенты и научные работники не получали промтовары по имеющимся у них ордер-ам»¹.

Начальник отвечал: «Когда я пришел сюда работать, здесь не было даже помещения. Зуйкова с должности начальника подсобного хозяйства я не мог снять, так как назначил его ректор, ректорат систематически мешал мне работать»².

И на этом хозяйственном участке «круг замкнулся». Далее следовали магазины и столовая. О магазинах 1946—1947 гг. можно привести краткую, но совершенно верную цитату для этого времени: «Пусты полки в магазинах ОРСа, люди не получили мясо и масло за август, нет ни сахара, ни крупы»³.

О столовой писать еще сложнее. Во второй половине 40-х годов историки питались по месту учебы — в здании на ул. Куйбышева. Все попытки автора отыскать положительные отзывы об этом важнейшем объекте жизнеобеспечения студентов, преподавателей и сотрудников не привели к успеху. В отчетах постоянно встречаются такие фразы: «В аппарат столовой подбирались люди случайные. За 1945/46 учебный год сменилось 6-7 директоров сто-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 30—33.

² Там же. Фигурирует фамилия историка В. Н. Зуйкова, будущего профессора, преподавателя истфака. Он, будучи студентом, в годы войны возглавил ОРС. И не смог справиться с порученным делом. Во время приема в партию ему прямо говорили, что занимался не своим делом, поэтому совершил много ошибок, а вокруг него орудовали нечистоплотные люди. В конце 1945 г. В. Н. Зуйков был отстранен от работы в ОРСе.

³ Сталинец. 22 октября 1947 г.

ловой, непрерывно меняется прочий обслуживающий персонал, обкрадывание и обвешивание студентов является систематическим, помещение не отвечает минимальным санитарным требованиям. При столовой влачит жалкое существование буфет с грубым невежественным работником»¹.

Газета «Сталинец» дополнила выводы партийных лидеров 1947 года: «В прошлом году четверть заготовленного картофеля «исчезла в неизвестном направлении, картофель ушел «налево». И в этом году такая же картина — воруют. Почти полмесяца студентов кормили одной селедкой с картофельным пюре»².

Больно писать о том, что ежегодно фиксировалось: «в столовой грязно и холодно, нет сахара», «столовая прекратила работу из-за недостатка топлива», «в столовой высокие цены, однообразное меню и малые блюда, нет картофеля и других необходимых продуктов питания, студенты привыкли к грязным столам, плохо вымытой посуде, грубости и неряшливости официанток»... очень скучно и больно³.

Да, до 1954 г. в столовой работали официантки. Обслуживать бедных студентов у них не было никакого стимула. Поэтому приведем лишь короткий разговор:

Официантка: Кто заказывал гуляш?

Студент: Я.

Официантка: Возьмите колбасу. Гуляш числится только в меню.

Не нужно улыбаться. Студенту сильно повезло. Он получил на второе колбасу. А «обычно колбаса уходит по знакомым, на бутерброды для студентов не достается»⁴.

С переездом историков в новое, перманентно ремонтируемое здание проблемы с питанием стали более острыми. Первые три года работал только буфет. Щи и кашу возили в термосах из главного здания. Плиты в буфете не было, так что питались почти холодной пищей. В конце 1953 г. столовая была открыта. Руководство факультета отмечало: «С переходом на новый метод — само-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 42—47.

² Сталинец. 22 октября 1947 г.

³ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 10—11, 42—45; Д. 43. Л. 1—3; Д. 45. Л. 74—75 и др.; Сталинец. 27 февраля 1948 г.

⁴ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 136. Л. 200—201; Сталинец. 23 мая 1953 г.

обслуживание — студенты гораздо быстрее, чем раньше, имеют возможность пообедать. Но качество питания в столовой плохое. Готовят невкусно, погоня за планом, меню однообразно, нет совершенно молочных и мучных блюд. Буфеты работают плохо. Часто в столовой бывают яйца, но это блюдо делают для студентов недоступным. Его готовят с корейкой, стоимость его больше 3 рублей»¹.

Частенько столовая вообще закрывалась, так как от питания «у студентов расстраивались желудки» — «в столовой нарушались элементарные требования санитарии и гигиены, мясо хранилось в ларях, а канализационная труба, предназначенная для стока воды от таяния льда, засорялась, и нередко в ларь проникали нечистоты»². И тогда студенты «носятся по городу в поисках, где бы поесть»... Вот на этой ноте закончим с проблемами трапезы и подведем итоги.

Для итогов слов много не нужно — холод в общежитиях, учебных аудиториях, конспектирование лекций в пальто, холодный обед в столовой. На этом общем фоне тяжелейших бытовых условий удивительными выглядят факты недобросовестного отношения студентов по обеспечению своих же нужд. Возможны оправдания. Но на партийных, профсоюзных, комсомольских собраниях, на страницах стенной печати и «Сталинца» с завидной регулярностью отмечалось: «плохо работают студенты на заготовке торфа, значит зимой в общежитиях будет холодно», «ректору необходимо проявить законную строгость к уклоняющимся от работы для нужд университета», «привлечь всех студентов на самозаготовки дров и выделять промтовары в первую очередь хорошо работающим студентам»³.

Здесь автор откроет причину, почему глава началась с описания материальных трудностей. Война, это величайшее бедствие, выстроила своеобразную систему ценностей. Желание людей было одно — Победа, а набор «благ» мог быть минимальным. И вот война закончилась.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 136. Л. 200.

² Сталинец. 13 апреля 1954 г.

³ Сталинец. 18 июля 1946 г.; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 42. Л. 47 об.

Люди ждали перемен, изменился психологический климат. Вопросы большой политики интересовали небольшую часть студентов. Большую часть преподавателей и студентов тревожили простые и насущные проблемы — как «отovarить!» хлебные карточки, купить необходимую одежду, работа коммунальных служб, городского хозяйства, когда будут регулярно работать бани, выдаваться необходимое количество мыла... Студент-историк 1940-х гг. Л. А. Марголин вспоминает: «Помню утро того первого дня, когда была отменена карточная система. Сообщение о постановлении правительства было передано по радио еще накануне вечером. И мы всей комнатой вскочили на рассвете и помчались к ближайшему хлебному магазину, где уже большая очередь ждала открытия. Непередаваемое ощущение держать в руках большую двухкилограммовую буханку липкого, недостаточно пропеченного черного хлеба после того, как несколько лет получал по карточке мизерную пайку в триста грамм».

Улучшения наступали крайне медленно. И общий психологический климат не мог не отражаться на работе и учебе. Власть же начала заменять реальную действительность пропагандой. Начало проявляться глубокое противоречие между агитационно-массовой работой и реальной жизнью. Радужное далекое и реальная нищета были несовместимы. Но без преувеличения можно констатировать, что в послевоенные годы важнейшим направлением работы университета было определено политико-воспитательное. Уже в декабре 1945 г. бюро горкома партии приняло постановление «О политической работе среди студентов УрГУ». В преамбуле было отмечено, что коллектив «серьезно отстает от задач, поставленных правительством перед университетом». Перечислены конкретные недостатки: нет постоянного состава агитаторов, политинформации носят формальный характер, доклады на политические темы почти не читаются, не проводятся теоретические конференции, вечера вопросов и ответов, встречи с героями войны и труда, вообще руководство и парторганизация «слабо знают студентов, глубоко не изучают их настроения и запросы».

В постановляющей части было зафиксировано: «указать Седлецкому, Адамову (ректору и секретарю партбюро — А. Ч.) на недопустимость беззаботного отношения к вопросам политического воспитания студентов», «потребовать осуществлять воспитание

через всю систему учебной и политико-массовой работы, регулярно бывать в группах и общежитии, шире практиковать лекции по вопросам внутреннего и международного положения, вопросам марксистско-ленинской теории, истории Родины, коммунистической морали, усилить руководство комсомольской и профсоюзной организациями»¹.

Задачи поставлены грандиозные. В этой связи необходимо представить хотя бы короткие справки о структурных изменениях в общественных организациях историко-филологического факультета. Структура партийной организации факультета неоднократно видоизменялась: созданная еще в 1944 г. партгруппа с февраля 1946 г. объединилась с филологами, но осталась самостоятельной у журналистов. В мае 1948 г. все организации стали отдельными, а в феврале 1950 г. все три объединились в одну². До середины 50-х гг. было солидное число студентов-коммунистов (в 1950 г., например, 21 человек, — больше, чем преподавателей). Однако уже к 1955 г. ситуация изменилась — в университет приходили в основном вчерашние школьники. Не было ни одного года, когда в состав партбюро университета не избирались преподаватели и студенты-историки.

Еще чаще менялась структура комсомольской организации — она была то по отделениям, то объединенная. Но с октября 1955 г. организации оформились окончательно по отделениям³. В послевоенный период историки практически всегда возглавляли университетскую комсомольскую организацию. В 1948—1949 гг. секретарем был А. Бакунин, после его ухода — фронтовик Ф. Ермаш, будущий партийный работник, председатель государственного комитета СССР по кинематографии, В. Копырин, В. Саматов, В. Тихонов, Т. Хлопова. Много историков, в том числе В. Викторов, Л. Загайнов, Ю. Мелентьев, И. Ефимова постоянно были членами бюро ВЛКСМ.

В 40-е годы студенческая и преподавательская профсоюзные организации были отдельными, но в 1951—1955 гг. действовала уже единая факультетская, где активистами были Н. Н. Белова и Н. С. Печатальщикова.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1857. Л. 137—140.

² Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 9; Д. 73. Л. 95; Д. 112. Л. 29, 40, 47.

³ Там же. Д. 121. Л. 22; Д. 134. Л. 214; Сталинец. 13 апреля 1955 г.

На факультете работала

Печатальщикова Ника Семеновна. Родилась 17 октября 1917 г., в 1935 г. окончила школу, студентка-историк первого набора, в 1942—1946 гг. научный сотрудник областного музея революции. С апреля 1949 г. зачислена на должность старшего лаборанта исторического кабинета, с 1969 г. — преподаватель кафедры новой и новейшей истории. Закончила работу на истфаке 15 ноября 1993 г. [Сведения предоставлены родственниками на основании трудовой книжки.]

1946 год принес новое в агитационно-массовую работу. Отметим, что в этом году выдающийся ученый П. Л. Капица написал письмо И. В. Сталину, в котором утверждал, что в отечественной науке и жизни страны в целом имеется «недооценка своих и переоценка заграничных сил», необходимо осознать собственные силы и возможности. «Успешно мы можем это делать только... когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других и на него можно смело положиться»¹. Вождь ответил Петру Леонидовичу благодарственным письмом, вскоре началась компания борьбы с антипатриотизмом. Она стала одним из идеологических направлений.

Особенно это стало проявляться после 14 августа 1946 г., когда было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», а 15 и 16 августа А. А. Жданов выступил с двумя докладами, где разъяснял суть постановления партии. Хотя оно не касалось научной, учебной, воспитательной работы вузов, руководство университета, партийная и общественные организации не только не могли обойти его вниманием, но и были обязаны руководствоваться им в своей деятельности.

Агитационную работу среди студентов можно смело разделить на две части — на факультете и вне стен университета.

В начале каждого года на 1-м курсе (на других курсах он уже был) формировался агитколлектив. Перед ним комсомольское бюро курса ставило задачи, которые четко определялись ректором и партбюро: «В центре внимания наступившего учебного года должна быть идейно-политическая, воспитательная работа, орга-

---

¹ Цит. по кн.: Кожин В. Россия. Век XX (1939—1964). М., 2002. С. 292.

тически связанная с учебной и научной работой в университете», «настойчиво и глубоко усваивать марксистско-ленинскую науку», «пронизать всю работу комсомольской организации идейно-политическим содержанием!»¹.

То есть все планировалось и целенаправленно должно было исполняться. Выполнение курировали старший агитатор и актив агитаторов факультета. Чтобы «агитаторы могли получить образец для дальнейшей работы», им читались инструктивные лекции и доклады. А работа у этой пирамиды руководителей была простая — инструктировать курсовых агитаторов, еженедельно, в определенный день, во всех студенческих группах контролировать проведение политинформаций по актуальным проблемам внутренней и внешней политики государства. Никаких отклонений в тематике не допускалось. В противном случае партбюро поправляло: «Политико-воспитательная работа на историко-филологическом факультете до настоящего времени страдает коренными недостатками — ряд политинформаций проводится вне плана, вне рекомендуемой партбюро тематики; среди части агитаторов имеется нездоровая тенденция сбиваться в работе на простое культурничество. На политинформациях должны освещаться важнейшие политические события, а беседы-доклады на другую тематику должны проводиться в другое время».

В изучаемый период практически перманентно проводились выборы во все структуры власти — начиная с Верховного Совета СССР до народных судов. Первые послевоенные выборы состоялись в феврале 1946 года. И организационно-агитационные компании, естественно, основным бременем ложились на гуманитарный историко-филологический факультет. Создавались специальные агитколлективы, где главными фигурами также являлись агитаторы и пропагандисты. Они работали вне стен университета.

По итогам работы, естественно, составлялись отчеты. Они озвучивались на различных собраниях. Здесь фигурировали цифры. Сохранилось множество цифр: «проведено 44 политбеседы», «агитколлектив состоит из 69 агитаторов в академических группах и в резерве состоит 29 человек», «создано 4 агитколлектива на предприятиях Октябрьского района, у историков 60 агитаторов,

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 140. Л. 33; Сталинец. 1 сентября 1949 г.

которыми проведено 764 политбеседы»¹. Цифры, в целом, не лукавые, потому что студенты действительно постоянно где-нибудь, кого-нибудь агитировали. А ежели «к великому стыду, оказывалось, что студенты-комсомольцы политически неграмотны, не читают газет, не занимаются повышением своего идейно-политического уровня, не желают работать на избирательных участках», то следовал вывод руководства: «мы не можем позволить им позорить честь нашего университета»².

Очень часто в отчетах звучали и иные фразы: «есть случаи, когда студенты просто отбывают повинность, а иногда уходят с политинформаций», «слабый интерес, малая активность, недостаточная посещаемость», «нет качества в материале и подготовке агитаторов», «в перерывы политинформации проводить нецелесообразно, так как студенты лишают себя небольшого отдыха»...³.

К сожалению, с 1946 г. появилось и очень негативное явление, оформленное (на основании рекомендации горкома партии) как решение партбюро вуза: «с целью усиления политического влияния на студенчество четко поставить информацию о настроениях на факультетах». То есть возродилось формирование групп людей, которых в народе называли «стукачами», «доносчиками», а в официальных документах их слова фигурировали иначе — «сигналы». Эти «сигналы» слали не только в партбюро, но и минуя первичный орган, в горком, обком, даже в ЦК ВКП(б). Создавались комиссии, всевозможные расследования...⁴ Сложная была обстановка.

Не остались без «политохвата» преподаватели и сотрудники. В июне 1947 г. на партийном собрании было жестко заявлено, что в вузе «не организована политико-массовая работа среди научных работников». Было принято решение эту ситуацию исправить и уже в ноябре 1947 г. партбюро университета открыло политшколу с основной задачей — «повышение политического уровня всех преподавателей и сотрудников»⁵.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 139; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 820. Л. 61.

² Сталинец. 22 октября 1947 г.

³ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 51. Л. 3—4; Д. 52. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 63. Л. 81; Д. 121. Л. 42—44 и др.

⁵ Там же. Д. 63. Л. 91—92; Д. 83. Л. 7.

Но последние весьма неохотно посещали семинары в политшколе по марксистко-ленинской учебе, ссылались на то, что самостоятельно изучают классиков. Последовали решительные меры — партбюро констатировало, что ссылки на «самостоятельное изучение марксистко-ленинской науки нужны сотрудникам для маскировки, они «ставят в план давно изученное произведение, лишь бы было чем отличаться»¹. И определило — открыть в 1948 г. в университете вечерний филиал городского университета марксизма-ленинизма с двухгодичным сроком обучения. А наиболее строптивым указали: «Люди, рассматривающие учебу марксистско-ленинской науке в вечернем университете обузой, лишним грузом, формально относящиеся к учебе, не должны занимать место ... у нас есть резерв преподавателей»². Резерва хотя и не было, но угроза подействовала — набор в университет пошел более активно. В 1950 г. его посещали 26 преподавателей, в том числе 8 — с историко-филологического факультета.

Да и вузовский клуб перестраивал работу — помимо вечеров отдыха здесь стали проводиться встречи со стахановцами, знатными людьми города, вечера-диспуты о моральном облике студента. Редко, но приезжали известные артисты, например, в 1949 г. лауреат конкурса эстрады Людмила Лядова³. А в отчетах устойчиво звучали слова: «Общественные организации сумели создать на факультете крепкий, работоспособный коллектив. Студенческий коллектив подхватывает начинания руководства учебной части и ректора, умело мобилизует молодежь на решение очередных поставленных задач, борется с проявлениями аморальности, аполитичности»⁴.

В 1948 г. историки стали инициаторами создания студенческих отрядов по налаживанию творческих связей с молодежью. Это также стало требованием времени. В стране появился лозунг: «сотрудничество с производством». Они первыми завязали дружбу с коллективом оптико-механического завода, обещали «повышать общее и политическое образование рабочих, обмениваться худо-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 60. Л. 5—6; Д. 137. Л. 127—129.

² Там же. Д. 93. Л. 143; Д. 137. Л. 127.

³ Там же. Ф. 161. Оп. 15. Д. 359. Л. 156.

⁴ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 219. Л. 67.

жественной самодеятельностью». Вполне естественным было желание студентов «не только передавать знания своим новым друзьям, но и учиться у них искусству преодолевать трудности, организовывать труд, дорожить каждой минутой своего времени». Лекции, политинформации, политбеседы на заводе проводили в основном студенты, лучшие, например, Энгель, Лузянина, Карпов, были первыми, которых отметило специальными грамотами руководство завода¹.

Со временем расширилась и география встреч — заводы Пневмостроймашина, № 217, велосипедный. В 1949 г. студенты впервые пришли и на Уралмашзавод. В этом же году студенты-историки пришли работать пионервожатыми в школы Октябрьского района»².

В шефской работе встречались курьезы. 15 мая 1950 г. на факультетском партсобрании прозвучали слова: «мы имели шефство над общежитием горного института, где живут девушки. Но наши студенты оказались не на высоте положения, студком покровительствовал вечерникам, проводившимся часто в общежитии вплоть до утра. Это позорнейший факт». Документ не сообщает, входили ли в состав шефов историки³.

Историки всегда отличались активностью в чтении лекций среди населения, на подшефных предприятиях. С 1947 г. эта работа проводилась через созданное общесоюзное общество «Знание», на факультете была создана специальная историко-партийная группа лекторов⁴. Большая часть лекций оплачивалась, но были и бесплатные выступления. А студентам выдавались специально изготовленные путевки.

Специфической особенностью лекционной пропаганды с 40-х годов (на долгое время!) стало оформление когорты лекторов-международников. Очень немногие решались разрабатывать лекции по внутриполитическим проблемам страны. Начало складываться впечатление, что студентов и население стали больше беспокоить ситуация в Китае или США... Открыто обсуждать внут-

---

¹ Сталинец. 27 марта 1948 г.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 103. Л. 49.

³ Там же. Д. 110. Л. 41.

⁴ Там же. Д. 61. Л. 44.

рение проблемы было небезопасно. Поэтому было негласное умолчание. Быть лектором-международником в то время было относительно легко, поскольку можно было обходить внутренние проблемы страны, хотя была опасность быть уличенным в неверном истолковании миролюбивой политики государства, недостаточной критике империализма.

В октябре 1947 г. в Москве прошел всесоюзный съезд работников высшей школы. От университета в его работе принимал участие Г. И. Чуфаров. Об итогах съезда он доложил на заседании партийного бюро, подчеркнул главную задачу: улучшение учебной и общественной работы среди студентов — необходим резкий подъем качества работы всех общественных организаций, в том числе преподавательского и студенческого профсоюзных комитетов. О партийной и комсомольской организациях речь впереди.

А работа профсоюзных организаций была очень слабой. Особенно среди студенчества. Исполняющий обязанности начальника управления Министерства государственной безопасности по Свердловской области 15 августа 1947 г. направил в Москву и обком партии представление о неблагоприятном положении — фактах «морально-бытового разложения среди отдельных преподавателей и студентов Уральского государственного университета». Эти «отдельные», к сожалению, учились и работали на историко-филологическом факультете, но студенты-историки в документе не фигурируют.

Приведем некоторые выдержки из документов. Они уже 15 лет рассекречены. Заинтересованные лица могут познакомиться с подробностями¹. Нас интересуют только два субъекта — один из них связан с работой студенческого профсоюза, член преследуемого властями литературного кружка «Рыцари круглого стола», активист, со страниц университетской газеты призывающий студентов регулярно читать учебник по истории партии и строить коммунизм.

Но прежде чем познакомиться с ним, необходимо авторское отступление. Автор уверен, что читатели простят такую вольность.

---

¹ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 23—38. Документ любезно предоставил автору профессор В. П. Мотревич.

В тексте неоднократно отмечалось, что в основе исследования истории факультета лежат документы. Значимы как уже опубликованные документы, так и впервые вводимые в оборот. В первой части книги документы использованы без комментариев. Работа над этой частью исследования потребовала вновь просмотреть хрестоматии и сборники документов¹, и автор считает, что комментарии необходимы.

В предисловии «Книги для чтения по истории» авторы дали читателям много сложных пожеланий и предложений. Вот два из них: «...самостоятельный поиск новых документов», а по биографическим справкам мини-энциклопедии, «об исторических лицах-участниках и свидетелях происходивших событий», провести собственное расследование для дополнения².

При работе с документом, советуют авторы, необходимо обращать внимание на датировку источника, на то, «кто автор документа, какова его социально-политическая позиция». Сразу появилось много вопросов к авторам, но мы отметим только те, которые касаются только истории университета и конкретно истфилфака.

На стр. 418—419 под заголовком «...Избавиться от ... возмутителя спокойствия...» опубликован фрагмент из воспоминаний В. П. Кадышева. Сразу вопрос — цель публикации? Показать борца за чистоту партийных рядов, критическое выступление которого громом аплодисментов поддержали участники областной партконференции? Но при тайном голосовании секретарь обкома партии по кадрам, с критикой на которого обрушился В. П. Кадышев, обвинив его в том, что тот «почти в открытую пропивал руководящие должности», набрал 75% голосов? Можно, конечно, поразмыслить, как такое случилось.

И сразу возникают два вопроса: почему не указана дата написания воспоминаний? Кто автор? Заглядываем в мини-энциклопедию (с. 475). Цитируем читателям: «Кадышев В. П. (год рождения 1911) — выпускник геологического факультета Пермского университета (1941). Партийный работник...». Уверены, что

---

¹ См. Урал XX век. Книга для чтения по истории. Екатеринбург, 1997; Общество и власть. Российская провинция. 1917—1985. Свердловская область. Документы и материалы. Т. 2. 1941—1985. Екатеринбург, 2006.

² Урал XX век... С. 24—25, 27.

не каждый читатель знает, что геологический факультет функционировал в Свердловском университете, студент В. П. Кадышев учился здесь. В 1938 г. факультет был переведен в Пермь.

Следуем рекомендациям авторов — самостоятельно углубляем исследование. Студент — сын кустаря-сапожника, по социальному положению — рабочий слесарь, член партии с 1931 г., в апреле 1937 г. был избран членом парткома университета, а 16 сентября — секретарем. Из характеристики следует: «Политически грамотный и устойчивый большевик. Вместе с парторганизацией разоблачал врагов народа и их прихвостней в стенах университета»¹. Именно в это время члены парткома и парторганизация вынесли решение о ректоре З. Ф. Торбаковой — «в партии она быть не может и от руководства университетом должна быть отрешена»². Решили судьбу человека. Вскоре последовал арест...

Почему авторы книги для чтения, публикуя кусок воспоминаний В. П. Кадышева о событиях конца 40-х годов, не опубликовали одновременно документы заседаний парткома и партсобраний 1937 г.? Они не секретны. Там В. П. Кадышев также борец за чистоту партийных рядов. А поле для сравнений и анализа у читателей значительно бы расширилось. После дополнительных изысканий у автора закралось сомнение в искренности воспоминаний...

В науке всегда существует главная провинность — недобросовестность. Когда это стали прощать? Когда появились «выгодные темы», когда стала в моде «эффектность» выводов, а не основательность, эрудированность, красота доказательств?... Писать о людях сложно, человек индивидуален. Страшно, что хорошие, душевно богатые люди мало когда были в почете, совсем не часто или вообще не писали воспоминаний... Публикация документов — очень ответственное дело. Плохо, когда нужна не вся правда, а лишь та, которая нужна «на сегодняшний день». Трудно было в 40—50-х годах прошлого века прививать пропагандой идеологию, которая не отражала реальную действительность.

И еще один документ из этой книги для чтения. Он прямо относится к факультету. «...Впереди новая жизнь ... завершение строительства коммунизма...» (с. 417—418). Это заголовок доку-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 10. Л. 213.

² Там же. Л. 182—190.

мента — краткая выдержка из статьи «О нашем облике» в университетской газете студента С. Мяготина. (Именно этот персонаж нас интересует.)

Автор красиво пишет: «В едином строю с отцами мы отстояли свою Отчизну и спасли цивилизацию от фашистских костров и застенков. Теперь впереди новая жизнь, боевая задача — завершение строительства коммунизма в нашей стране. Большую роль в решении этой задачи сыграет советская молодежь и, в частности, студенчество... Надо признать, что наша студенческая творческая работа очень мала и поверхностна. В науке мы мало творим, мало дерзаем и, в частности, мало спорим. У нас существует какая-то робость...».

В мини-энциклопедии сведения о С. Н. Мяготине крайне скудны: в военные годы корреспондент в действующей армии, с 1946 г. — студент-журналист... «В мае 1947 г. арестован органами НКВД. Дальнейшая судьба неизвестна» (с. 477). Неужели цель публикации документа — именно эта фраза? Опять органы взялись за свое черное дело!

Но в 1947 году не было «НКВД»! Было два министерства — внутренних дел и государственной безопасности. Последнее выделилось из первого 14 апреля 1943 г.

И все же, кто и за что арестовал С. Н. Мяготина? Ответ — «В апреле месяце 1947 года управлением МГБ по Свердловской области, в связи с получением агентурных данных об активизации антисоветской деятельности объектов агентурного дела «Изобретатели» — Мяготина С. Н., Фалеева В. С., а также установлением местонахождения бежавшего государственного преступника Богатырева И. М., было принято решение о реализации агентурного дела и приступлено к аресту наиболее активных участников нелегальных сборищ»¹. Не правда ли, другой поворот событий. Изучим истоки.

Сотрудники органов министерства государственной безопасности (не внутренних дел) констатировали в начале 1946 года: «работа по идейно-теоретическому воспитанию студентов университета находилась на невысоком уровне, в связи с чем имело место распространение среди студентов нездоровых, подчас антисовет-

---

¹ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 28.

ских, настроений. Так в конце 1945 года в университете возник нелегальный литературный кружок под названием «Рыцари круглого стола».

Далее в записке сообщалось: «Учитывая молодой возраст студентов-участников нелегальных формирований, управлением МГБ по Свердловской области было принято решение о проведении профилактических мероприятий путем вызова и допроса основных организаторов и наиболее активных участников нелегальных кружков». Однако «в конце 1946 года в управление МГБ по Свердловской области вновь стали поступать агентурные сигналы, свидетельствующие о фактах идейно-политического и морального разложения среди студентов... На основании этих данных, в январе 1947 года 5-м отделом МГБ по Свердловской области было заведено агентурное дело «Изобретатели».

В ходе реализации агентурного дела «Изобретатели» были арестованы — Мяготин Сергей Николаевич, 1919 года рождения, из крестьян-кулаков, русский, гр-н СССР, член ВКП (б), не судимый, до ареста — студент 3-го курса факультета журналистики Уральского госуниверситета... Следствием также установлено, что Мяготин, являясь с октября 1946 года и по март 1947 года председателем профкома университета, занимался подделкой документов и расхищением профсоюзных средств, растратив за этот период около 6000 руб.».

Автор привел подробно фрагменты (надо обязательно сказать, что опущены факты связей студентов с уголовным миром, коллективных пьянок, оргий и т. д.) только потому, что в постсоветский период многие авторы любую работу органов, в том числе борьбу против «антипатриотизма», с «космополитизмом» и т.п. в послевоенные годы преподносят в духе истерии и злодейства власти, не желают вникать в проблемы. Не все было просто. Облить грязью время и власть любого периода истории не составляет труда. Разобраться в событиях, «прожить в том времени», значительно труднее.

Да, в стране, где много было безмерно идеологизировано, компании приводили и к тяжелым последствиям. Но была в это время и «другая сторона медали». Вот она — С. Н. Мяготин. Ему — студенту — обед в Доме работников литературы и искусства (функционирует и сегодня) обходился в 30—50 рублей, «а если с водкой

— до 100 рублей». Обедал он там постоянно¹. А вот меню и расценки студенческой столовой: винегрет — 85 коп., щи на мясном бульоне — 1 руб. 70 коп., макароны с мясом — 2 руб. 45 коп., чай — 25 коп. ... Можно выбрать повкуснее: селедка с гарниром — 2 руб. 80 коп., рассольник со сметаной — 1 руб. 80 коп., поросенок с жареным картофелем — 3 руб. 40 коп., компот — 35 коп.². Есть в цифрах разница?

С. Н. Мяготин — председатель студенческого профсоюза, член партии. Ему по должности «все карты в руки» требовать на всех уровнях улучшения быта и жизни студентов. Но проверка показала совершенно обратное — «в профкоме самоснабжение, попустительство, спекуляции, бесконтрольность в распределении бирок и дополнительного питания СП-2, растрата профсоюзных средств, семейственность»³.

Дополним еще — «Следствием установлено, что Мяготин С. Н., будучи враждебно настроен к существующему в СССР строю, скрыв свое кулацкое происхождение при вступлении в партию, в период учебы в университете в 1946—47 гг. среди окружающих его лиц — студентов университета и близких знакомых, проводил злостную антисоветскую агитацию, клеветал на материальное положение трудящихся Советского Союза, с антисоветских позиций отзывался о колхозном строе и восхвалял единоличный способ ведения сельского хозяйства, распространял клеветнические измышления о советской демократии, высказывая одновременно восхищение «демократией» капиталистических стран.

При этом Мяготин склонил студентов 3-го курса... на совершение уголовных преступлений и совместно с ними устраивал массовые оргии и попойки на похищенные профсоюзные средства. На этих попойках Мяготин вел антисоветские клеветнические разговоры»⁴.

Всего одна судьба взрослого студента. Члена преследуемого властями литературного кружка «Рыцари круглого стола», активиста, со страниц университетской газеты призывающего студентов

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 62. Л. 18.

² Там же. Ф. 161. Оп. 15. Д. 357. Л. 238.

³ Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 62. Л. 18 об.; Д. 93. Л. 96.

⁴ Архив УФСБ... Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 28—29. (Опущены фамилии студентов).

регулярно читать учебник по истории партии и строить коммунизм, одновременно профлидера, на деле — крупного вора студенческих денег (так нужных им в тяжелейшее время), для которого моральные принципы далеко на задворках сознания и памяти. Авторы книги для чтения могут, при случае, дополнить один этап его судьбы — областной суд лишил С. Мяготина свободы на 8 лет. Дальнейшая его судьба автору также неизвестна...

Вот такие документы. Опубликованные и архивные. Есть над чем поразмышлять читателям.

По итогам скандального дела были приняты специальные решения бюро горкома и обкома партии. Университет, а более конкретно, историко-филологический факультет, стал считаться не совсем благополучным, попал под пристальное внимание. А секретарь городского комитета партии Чесноков выступил с докладом на общеуниверситетском партийном собрании¹. Нет необходимости цитировать доклад, выступления преподавателей и студентов, жесткое решение собрания. Но собравшиеся признали, что «отчетно-выборное собрание в 1946 г. выбрало в профсоюзные органы людей без особого критического обсуждения. В результате во главе оказались люди, которые были преданы уголовной ответственности. Эти люди обкрадывали общественность, присваивали общественные деньги, использовали карточки на дополнительное питание...».

Согласились и с тем, что негативные явления среди студентов нужно в «зачатке парализовать и уничтожить». Оптимистично выступил ректор: «Невзирая на трудности, нам следует больше заниматься воспитательной работой среди студенчества, так как трудности легче порождают и обнаруживают нездоровые отношения, изъяны, проступки в поведении. Воспитательную работу нам следует перевести в низовую ячейку, в группу, где можно ближе и легче узнать студентов».

Наиболее конструктивно выступил преподаватель-фронтовик В. М. Готлобер. Он сказал: «Идейно-воспитательная работа тесно связана с учебной работой. Серьезные промахи в работе прежде всего вскрылись на факультете гуманитарных наук, который не обеспечен достаточно квалифицированными кадрами, могущими

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 61. Л. 62—68.

воспитывать студенчество. Поэтому мы прежде всего должны улучшить качество учебной работы, улучшить материальную и техническую базу нашего университета, увеличить жилищную площадь, чтобы улучшить условия быта нашего студенчества и иметь возможность пригласить хорошие кадры. В этом нам может помочь горком партии. При отсутствии жилищных фондов мы не сможем организовать культурно-массовую работу студенчества, их правильный отдых; нам нужны клубы, кружки, комнаты для клубной работы»¹.

Здесь необходимо отметить еще один скандал университетского масштаба. Начало первого послевоенного учебного года совпало с торжественными мероприятиями, посвященными 25-летию создания университета. В театре оперы и балета 26 ноября состоялось торжественное заседание, где были заздравные речи, зачитывались многочисленные приветственные телеграммы. В одной из них — С. В. Кафтанова, председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, — особо отмечалось, что труженики университета «вместе со всем советским народом проделали большую работу по укреплению обороноспособности нашей великой Родины, внесли свой вклад в общее дело разгрома врага»². Лучшим преподавателям и сотрудникам были вручены медали и подарки. А на следующий день пленарным заседанием открылась научная конференция. На исторической секции было заслушано 14 докладов, в том числе доцентов М. А. Горловского, Н. А. Бортника, Ф. П. Быстрых.

Однако сразу за юбилейными мероприятиями последовали пасмурные дни. Областным партийным и советским руководством были вскрыты злоупотребления в финансовой и хозяйственной деятельности в ходе подготовки и проведения праздника. В итоге, как отмечалось на отчетно-выборном партийном собрании в июне 1946 г., «сменилось... по существу все руководство университета: ректор, проректор по учебной работе, проректор по хозяйственной части, начальник ОРСа и его заместитель. Университет около двух месяцев работал без ректора. Этот период так называемого «не-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 61. Л. 64.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 108. Л. 133.

установившегося состояния в ректорате» продолжался до мая месяца, т.е. пять месяцев»¹.

Это нелепое дело в различных вариантах вспоминают и в начале XXI века. Поэтому необходимо, представив документы, поставить в домислах точку в этой книге потому, что в скандале фигурирует уважаемый историк, доцент Н. А. Бортник. В то время и проректор университета. Автор убежден, что работники обкома партии пошли по простому и стандартному пути — основную вину возложили на руководство вуза. Конечно, их вина есть, но не было учтено главное — подготовка к юбилею вуза занимала очень короткое время — два месяца. При громадной организационной работе уследить за всем было практически невозможно. Отсюда и итоги.

А сейчас документ от 1 марта 1946 г. — решение бюро обкома: «Ректор с группой ответственных работников систематически злоупотребляли служебным положением, занимались разбазариванием фондовых товаров, самоснабжением и хищениями, украдено более 2 тыс. метров мануфактуры, 750 литров спирта, продукты питания... Седлецкий и Бортник присвоили 178 талонов на промтовары, из них большую часть, наиболее ценных, взяли себе, агент по снабжению Соснин украл 1200 м мануфактуры, начальник ОРСа Уснич брал со склада неограниченное количество продуктов питания, для оправдания составлял фиктивные документы, бывший пом. проректора Уроженко похитил 200 литров спирта ... для скрyтия преступных действий в аппарат университета подбирались лица, явно не внушающие никакого доверия. Пом. проректора по адмхозчасти был принят некий Кляйнер, сын торговца, агентом по снабжению — австриец Келлер, начальником торгового отдела ОРСа — Равич, недавно вышедший из тюрьмы ... Седлецкий допустил преступную безответственность в хранении и выдаче документов строгой отчетности: дипломов об окончании университета, продовольственных карточек, ордеров и талонов на продукты питания и промтовары»².

Читатель, наверное, согласится с автором — не нужно было ректору и проректору столь громадное количество ни талонов, ни

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 43. Л. 16.

² Там же. Ф. 4. Оп. 41. Д. 22. Л. 11—12.

мануфактуры, ни тем более спирта. Все ушло на юбилейные торжества и оргмероприятия. Но все-таки за чистоту кадров отвечает руководство ... Даже работники райкома партии констатировали: «В столовой ОРСа на место одного жулика иногда принимали другого. Органы прокуратуры по существу не вылезали из ОРСа университета»¹.

Да, в мае 1946 г. университет возглавил новый ректор — Г. И. Чуфаров. Он руководил вузом 10 лет. В работах, изданных к 90-летию университета, есть его подробная биография².

Университетом руководил

***Чуфаров Григорий Иванович.** Родился в 1900 г. в пос. Каслинский завод. В 1928 г. окончил Уральский политехнический институт, в 1939—1946 гг. был директором института химии УФАН СССР. В мае 1946 г. возглавил университет, был ректором до декабря 1956 г. Член-корреспондент АН СССР. Удостоен многих правительственных наград, в том числе двух орденов Ленина. Умер в 1984 г. [Уральский государственный университет в биографиях. С. 212—214.]*

Уже в первом докладе «О подготовке к новому учебному году» на партийном собрании ректор отметил, что прежнее руководство коллектива определило нереальные обязательства по улучшению материально-технической базы, бытовых условий преподавателей и студентов и многим другим проблемам. Ректор резюмировал: «Выполнение взятых обязательств встретило ряд трудностей, так как за время недалекого прошлого администрация УрГУ сделала много долгов и составляла такие договоры, которые тормозили выполнение многих обязательств...»³.

За этой обтекаемой фразой скрывалась острая нехватка учебных площадей, общежитий для студентов, полное отсутствие жилплощади для преподавателей, топлива, транспортных средств и много другого. Поэтому неудивительно, что в докладе прозвучали

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 61. Л. 3 об.

² Уральский университет в биографиях. Екатеринбург, 2010. С. 212—214; Ректоры Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2010. С. 134—143.

³ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 42. Л. 45—47.

десять задач, которые необходимо было решить в ближайшем будущем. Главные из них: возвращение зданий, отданных оборонным предприятиям; организация новых лабораторий, кафедр; развертывание ремонтных работ; изыскание транспорта и самообеспечение топливом; наведение элементарного порядка в питании, бытовых условиях студентов и преподавателей.

Действительно, прошел год со времени окончания войны. А жизнь вуза была по-прежнему сложной.

1.2. Кадры. Дела учебные, научная деятельность

Обратимся к учебным делам. Летом 1945 г. впервые в истории советской школы учащиеся 10-х классов сдавали экзамены на аттестат зрелости. Были введены приемные конкурсные испытания для всех абитуриентов (с льготами для медалистов и фронтовиков). Руководство вузов отмечало, что это «является единственно возможной мерой, обеспечивающей работоспособный и подготовленный контингент студентов»¹.

В городе функционировало 12 вузов. Кроме консерватории и университета, институты — юридический, медицинский, педагогический, лесотехнический, горный, политехнический, сельскохозяйственный, театральный, учительский, иностранных языков.

Общая картина студенческого состава в 1946/47 учебном году была следующей. В университете обучался 1161 студент². Распределялись они следующим образом: биологический факультет — 119, географический — 49, геолого-почвенный — 109, историко-филологический — 582 (в том числе историческое отделение — 139, филологическое — 186, отделение журналистики — 257), физико-математический факультет — 135, химический — 167 студентов. На факультете хотя и обучалось более половины всех студентов университета, историки составляли чуть более 20%. Набор на первый курс составлял всего лишь 25 человек. Было две исторические кафедры, 4 филологических, 3 журналистских, общий

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1879. Л. 47.

² Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 60. Л. 56.

историко-филологический кабинет, кабинеты археологии, диалектологии¹. Деканом был доцент, филолог Л. С. Шептаев.

Г. А. Кулагина, характеризуя положение на исторических кафедрах пединститута и университета первого послевоенного десятилетия, упоминает многие, сегодня забытые, фамилии — Н. Ф. Рымарев, Е. Г. Мохов, Н. С. Меерович, С. Г. Лившиц, О. Е. Вайнер...². В этой части книги будут представлены более подробные справки о многих людях и, естественно, событиях, связанных с работой. Но в целом отметим — практически на всех общеуниверситетских партийных собраниях звучали слова — на факультете мало высококвалифицированных специалистов, работа по подготовке кадров поставлена плохо, учебный план перегружен, библиотека не обеспечивает студентов необходимой учебной литературой, приглашать новых сотрудников из-за отсутствия жилья нет возможности...

На факультете работала

Вайнер Ольга Евгеньевна. Родилась в 1921 г. в Перми, с 1931 г. — в Свердловске. В 1939 г. поступила на историческое отделение факультета, во время войны — медицинская сестра в эвакогоспитале, переводчик в штабе действующей армии. Награждена медалями «За взятие Вены», «За победу над Германией». Вернулась в Свердловск, в 1946 г. закончила обучение, а с 1 ноября — старший лаборант кабинета истории Урала. Уволилась в январе 1948 г., но продолжала работать на факультете на условиях почасовой оплаты, читала лекционные курсы, проводила практические занятия. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 28.]

Оставим без анализа состояние кадров на других отделениях (отметим лишь — плохо было у филологов, еще хуже — у журналистов). Обратимся к историкам. В 1945/46 учебном году штатный состав преподавателей двух исторических кафедр факультета можно представить в следующем виде³:

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 7. Л. 12.

² Кулагина Г. А. Свидетель века. С. 110—114.

³ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 7. Л. 43—44.

Кафедра	Доцентов	Ст. преподавателей	Ассистентов	Итого
Истории народов СССР	2	2	1	5
Всеобщей истории	3	1,5	—	4,5

Очень скромные цифры для выполнения полного объема учебного плана. Поэтому неудивительно, что помимо приглашения совместителей и почасовиков, исполняющие обязанности заведующих М. А. Горловский и Н. А. Бортник прилагали усилия для комплектования кафедр штатными сотрудниками. Особо остро эта проблема встала в 1948 г., когда министерство вообще запретило практику совместительства. А на условиях почасовой оплаты квалифицированные преподаватели работать отказывались. Поэтому в приказах о зачислении на работу на почасовку фигурируют фамилии, которые не оставили следа в истории факультета. Например, в 1950 г. З. Г. Трапезникова читала курс истории СССР. Таким образом, все усилия венчались только временной стабилизацией.

В начале 1947/48 учебного года на двух кафедрах исторического отделения работали:

Кафедра истории народов СССР:

1. Горловский Моисей Аронович, и. о. заведующего, к. ю. н., доцент.
2. Адамов Владимир Васильевич, ст. преподаватель.
3. Гадашевич Кузиль Бертович, ассистент.
4. Галесник Лев Самуилович — к. ю. н., доцент, совместитель.
5. Сальников Константин Владимирович — преподаватель, к. и. н. с 1948 г.
6. Финкельштейн Наум Абрамович — ст. преподаватель.

На кафедре была вакантна должность профессора, а за М. А. Горловским были закреплены два аспиранта — Бажова Ариадна Павловна и Серов Андрей Иванович.

В приведенном кадровом составе кафедр уже к концу 1940-х гг. произошли серьезные изменения. Л. С. Галесник с 1948 г. работал лишь как почасовик, К. Б. Гадашевич и Н. А. Финкельштейн были уволены.

На факультете работал

Галесник Лев Самуилович. Родился в 1910 г. в г. Бобринске, в 1932 г. окончил Ленинградский институт советского права, в 1939 г., после окончания аспирантуры, защитил диссертацию. В 1939—1941 гг. — доцент Свердловского юридического института. В 1941—1946 гг. — член военного трибунала Тихоокеанского флота, награжден орденом «Красная Звезда» «за выполнение боевых заданий командования» в войне с Японией». В 1947 г. вернулся в юридический институт и 1 сентября был по совместительству принят доцентом на кафедру истории СССР. «В связи с сокращением учебных поручений» в августе 1948 г. переведен на работу на условиях почасовой оплаты. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 86]

Кафедра всеобщей истории:

1. Бортник Наум Абрамович, и.о. заведующего, к. и. н., доцент.
2. Дивинский Борис Александрович — ассистент, совместитель, основная работа — директор областного краеведческого музея.
3. Левинтов Касиэль Израилевич, ассистент.
4. Лившиц Соломон Григорьевич, ассистент.
5. Руткевич Николай Паулинович, к. и. н., доцент, совместитель.
6. Сурин Федор Иванович, к. и. н., доцент.

На кафедре были две вакансии — профессора и доцента. Аспирантов не было¹. Из отмеченного состава совместитель Н. П. Руткевич в 1949 г. умер, а к 1951 г. три человека были уволены.

У автора нет сведений о том, кто представлял ректору материалы, но 13 сентября 1949 г. в докладе о задачах университета на новый учебный год Г. И. Чуфаров был настроен очень критично к историкам. На это были только косвенные причины. В принятом

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 359. Л. 39, 53—54.

10 июля постановлении бюро обкома партии критике была подвергнута работа кафедры марксизма-ленинизма, в частности было записано: «Ректор т. Чуфаров и секретарь партбюро т. Ошивалов смирились с недостатками настоящей борьбы за выполнение партийных задач — партийности в науке, за коренное улучшение преподавания марксизма-ленинизма и усиление партийного влияния кафедры марксизма-ленинизма на другие кафедры»¹. Видимо, критику «сверху» ректор решил довести до каждого преподавателя-партийца. И на партсобрании сказал: «Качество лекций и практических занятий исторических кафедр было неудовлетворительным. Лекции преподавателя Гадашевич были аполитичными и безыдейными. Он уже несколько лет работал над темой «История еврейских поселений в Белоруссии в 60-х годах XIX века», не имеющей теоретического и практического значения. Преподаватели-историки Гадашевич и Сальников над повышением своего идейно-политического уровня работают слабо, в общественной работе участия не принимают»².

На факультете работал

Гадашевич Кусиэль Беркович. Родился в 1897 г. в Екатеринославе. В 1924 г. окончил факультет общественных наук Московского университета и до войны работал в Витебском еврейском педагогическом техникуме завучем и преподавателем истории, по совместительству — ассистентом в пединституте.

С августа 1941 г. в Свердловске — учитель школы, инспектор детской комнаты милиции, с декабря 1943 г. и 1944 г. — рядовой РККА. С 15 октября 1945 г. принят на кафедру истории СССР, освобожден от работы «в связи с отсутствием поручений» 29 августа 1949 г. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 60.]

Очень тяжелой была и концовка доклада: «очистить университет от людей, неспособных воспитывать из молодежи квалифици-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 104. Л. 14.

² Там же. Л. 19.

рованные кадры... От части людей мы избавились. Но работа в этом направлении далеко еще не закончена»¹.

Автор не ставил задачу изучить дела по «очищению» на других факультетах, но обе исторические кафедры основательно «почистили». Осталось всего лишь по 3 штатных преподавателя, а перспективного пополнения даже на горизонте не было видно. Автор уверен, что некоторые читатели ждут от него гневных слов в адрес всех, кто увольнял людей, ломал их судьбы. Разочаруем тех, кто непременно желает «жареного». Автор не обойдет проблему, в определенном месте, на основании конкретных документов, ее изложит.

А здесь лишь представим сведения об уволенных и сообщим, что в борьбе с буржуазным космополитизмом историки не проявили особой активности. Недаром в июне 1949 г. партийное бюро с неудовлетворением отмечало, что «большинство научных работников историко-филологического факультета не регулярно занимается над повышением идейно-теоретического уровня, ... вопросы коммунистического воспитания преподавательских кадров выпали из поля зрения руководства факультета. Этим только и можно объяснить, что работники кафедр истории народов СССР и всеобщей истории стояли в стороне от борьбы с реакционной идеологией космополитизма, а отдельные научные работники оказались проводниками этой идеологии»².

Несмотря на предпринятые усилия, не удалось создать биографическую справку о Касизле Израилевиче Левинтове. Известно лишь, что он родился в 1919 г., окончил Ленинградский университет, эвакуировался на Урал, с 1947 г. стал ассистентом кафедры всеобщей истории. Причина и время увольнения не известны, но в скандальных документах периода его фамилия не фигурирует. Видимо, уехал домой³.

Более сложная история с С. Г. Лившицем. Он учился в трех вузах и приехал по направлению.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 104. Л. 31.

² Там же. Д. 105. Л. 56—57.

³ Там же. Ф. 161. Оп. 13. Д. 359. Л. 53—54.

На факультете работал

Лившиц Соломон Григорьевич. Родился в 1922 г., в 1940—1941 гг. учился в Киевском университете, в 1941—1944 гг. — в Свердловском, в 1945 г. окончил МГУ и по путевке направлен вновь на Урал. Работал ассистентом на кафедре всеобщей истории и одновременно старшим лаборантом кабинета. В марте 1946 г. освобожден от должности ассистента «за отсутствием поручений», но восстановлен.

Но в 1950 г. вновь не прошел конкурсный отбор (из Москвы приехал кандидат наук) и уволен со штатной должности «в связи с отсутствием поручений». В 50-е годы работал на кафедре на условиях почасовой оплаты. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 47. Л.1—29.]

Особые «приключения» случились с Н. А. Финкельштейном, преподавателем кафедры истории СССР. В сентябре 1945 г. приказом ректора он был премирован ценным подарком в связи с 25-летием педагогической и научно-исследовательской деятельности. Предлагалось возбудить ходатайство о его награждении знаком «Отличник народного просвещения». В то время такой знак имел только один историк — Н. А. Бортник¹. Через год Ученый совет вуза ходатайствовал также о присвоении Н. А. Финкельштейну звания доцента. Но уже в следующем году он получил от заведующего кафедрой почему-то нелестную характеристику. А при приеме в партию М. А. Горловский на вопрос о состоянии дел на кафедре отозвался о коллеге еще конкретнее: «Я считаю, что кафедра допустила ошибочно к руководству кружками старшего преподавателя Н. А. Финкельштейна..., он знающий человек, но не может ясно и доходчиво излагать свои мысли на лекциях, его надо было бы заменить, но специалистов нет»². Специалисты так и не появились, но преподаватель был уволен. Претензий к университету с его стороны не последовало.

Более скандальная история случилась в связи с увольнением Б. А. Дивинского. Основанием к этому послужила докладная за-

¹ Архив УрГУ. Личный состав. Оп. 1. Д. 94. Л. 67—68; Сталинец, ноября 1945 г.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 98.

писка декана в ректорат: «штатные преподаватели недогружены, в то же время ответственные курсы перепоручаются недостаточно квалифицированным преподавателям, что вызывает постоянное недовольство со стороны студентов и общественных организаций факультета».

На факультете работал

Дивинский Борис Александрович. Родился в 1912 г. на Украине, в 1931 г. окончил Херсонский педагогический техникум, в 1938 г. — истфак Одесского университета. Работал в музее, читал курс отечественной истории в местном институте советской кооперативной торговли, который в 1941 г. был эвакуирован в Свердловск. В 1942—1945 гг. — на фронте. В августе 1945 г. принят доцентом на кафедру всеобщей истории, читал курс «История западных и южных славян». Одновременно исполнял обязанности директора областного музея. Освобожден от работы в августе 1948 г. в связи с сокращением штата. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 46.]

Так как Б. А. Дивинский работал фактически на двух должностях (одновременно исполняя обязанности директора областного музея), то уволить его не составляло большого труда. Но Б. А. Дивинский подал жалобу в рабочую конфликтную комиссию университета (работала в вузе в 1940—50-е гг.), но не получил поддержки. Следующая записка была им направлена в суд, но и там истца не поддержали. Материалов суд собрал много (увольняемый приводил негативные факты о факультете и университете). Нет необходимости их исследовать. Удивляет лишь жесткая характеристика секретаря партийной организации университета: «Дивинский Б. А., несерьезный, хвастливый, самовлюбленный человек, способный на что угодно в целях узко личных интересов. К педагогической деятельности относился несерьезно, а порой безответственно. Он потерял всякий авторитет среди преподавателей и студентов». Совсем тяжелая концовка: «Судебное дело, которое возбудил против университета, является наглостью, недостойной честного советского гражданина»¹.

---

¹ Архив УрГУ. Личный состав. Д. 46; ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 95. Л. 129.

Автор не склонен полностью доверять характеристике, данной секретарем парторганизации Б. А. Дивинскому. Офицер-фронтовик, награжденный орденом «Красной Звезды», медалью «За боевые заслуги», на наш взгляд, просто отстаивал педагогическую работу в вузе. Работать в музее директором было престижно, но в материальном и ином плане преподаватель вуза в то время котировался значительно выше.

Не верить гневным словам М. М. Степановича о том, что судебное дело является «наглостью, недостойной честного советского гражданина», заставляет и то, что через год громко прозвучало дело, в котором фигурировала и фамилия секретаря парторганизации, преподавателя кафедры марксизма-ленинизма. Суть этого дела в следующем. 11 октября 1949 г. бюро областного комитета ВКП (б) рассмотрело вопрос «О незаконном получении дипломов группой руководящих работников». Было отмечено, что секретарь партийной организации М. М. Степанович, проректор по учебной части Н. П. Попов и некоторые другие крупные руководители вуза «незаконно используя служебное положение, а также приятельские связи, получили дипломы об окончании в порядке экстерната отделения журналистики УрГУ»¹.

Они «допустили явно антипартийные поступки, ... показали себя недобросовестными, нечистоплотными людьми». Естественно, все уличенные получили строгие взыскания «за обман партии и недостойное поведение». А так как к этой сфере были причастны многие преподаватели, обком партии потребовал от ректора и секретаря партийного бюро «разъяснить профессорско-преподавательскому составу, что факты семейственности, беспринципности, либерализма ... противоречат политике партии в строительстве высшей школы и наносят огромный ущерб делу подготовки высококвалифицированных специалистов».

Такое «разъяснение» и получили на собрании 2 ноября 1949 г. почти 200 членов партии. Вновь избранный секретарь парторганизации Д. В. Ошивалов сказал: «Во всех этих нечистоплотных грехах уж не так был узкий круг людей, способствовавших в незаконном получении дипломов. Этой руководящей группе работников в угодничестве и подхалимстве помогала не так уж маленькая груп-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 127. Л. 22—23.

па из преподавателей и беспартийных. Щедро разбрасывались своей подписью в подписании экзаменов члены партии К. В. Боголюбов, М. А. Горловский, Б. В. Павловский, С. Г. Лившиц, Б. Ф. Закс, Л. Н. Коган, Б. С. Коган, беспартийные доценты Н. А. Бортник, М. Т. Китайник, П. А. Вовчок»¹. В прениях выступили 27 человек. Нет нужды цитировать их, отметим лишь, что все возмущались, искали почву этого «чудовищного дела». Нашли — «отсутствие критики и самокритики, угодничество, семейственность».

Выступали все примерно так, как Ф. П. Быстрых, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма: «Позорно, что к подобному делу причастны более десятка партийных работников, а также немало и беспартийных... Я должен признать, что я не мог не догадываться, что группа руководящих работников университета незаконно получила дипломы, ибо были сигналы. Обком ВКП (б) правильно указал мне, что я допустил нетерпимое отношение к подобным фактам, но я не отношу себя к семейственной группе...»².

Итогом стала раздача не очень жестких партийных и административных взысканий провинившимся. Никто не был уволен. Только С. Г. Лившицу, при очередной проверке факультета в 1950 г., видимо, вспомнили прежние грехи.

В заключение описания конфликта нужно отметить, что выступавшие на партсобрании преподаватели указывали: в университете, кроме экстерната, есть и заочное отделение, где порядка и контроля также очень мало. А «министерство уже давало приказы о безобразиях на заочном отделении в других университетах»³. С 1945 г. университет начал подготовку специалистов по заочной форме обучения. Ниже мы остановимся на этом вопросе. Здесь же лишь отметим — трудности были огромные, но вышеописанных скандалов не случалось.

Вот и все увольнения. Простые, скандальные и не очень. Они не ухудшили обстановку в учебном процессе по простой причине — преподаватели практически все были из числа эвакуированных. И долго в городе все равно бы не задержались. Беда в ином — очень медленно готовились собственные кадры. Лишь

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 104. Л. 76—79.

² Там же. Л. 52—53.

³ Там же. Л. 59.

И. Н. Чемпалов после окончания обучения сумел прочно закрепиться в преподавательском коллективе. А по направлениям министерства приезжали в город единицы.

Продолжим разбирать учебные дела. В первые послевоенные годы на историко-филологическом факультете кроме основных специальностей появились две новые. Существовали они короткое время, но отметить их необходимо. Хотя бы потому, что первая играла большую роль в общем климате исторического отделения, а преподаватели второй активно участвовали в скандалах 40—50-х годов.

На основании приказа ВКВШ при СНК СССР от 5 января 1946 г. на историческом отделении со второго семестра текущего учебного года была открыта специальность «История ВКП (б)» (в документах часто фигурирует как отделение или специализация)¹. А в 1948 г. состоялся первый выпуск. В числе первенцев была и бывшая студентка отделения журналистики Л. И. Переверзева. Она вспоминает: «После 3-го курса мне (как члену КПСС) было предложено пойти специализироваться на историко-партийное отделение при истфаке. Это отделение создавалось впервые. Я согласилась и перешла на исторический факультет, который закончила в 1948 году. Была оставлена на работу на кафедре марксизма-ленинизма, которая затем стала называться кафедрой истории КПСС. На кафедре я проработала непрерывно с 1948 г. по 1970 г. Работала преподавателем, а затем зав. кабинетом истории КПСС. Последний год — 1970 — была освобожденным зам. секретаря парткома УрГУ по оргработе»².

И вообще с середины 40-х годов сложилась парадоксальная ситуация. Нуждаясь в собственных кадрах, специалисты «отдавались на сторону». Более того, студенты этой специальности уже с первого курса оказывались в привилегированном положении по сравнению с другими. Но на них ложилась и большая ответственность и нагрузка в плане политико-воспитательной работы.

Уже с 1950/51 учебного года деканат поставил на Ученом совете вопрос об упразднении специальности «История ВКП (б)». Разгорелись жаркие споры. Ф. П. Быстрых, заведующий партий-

---

¹ Архив УрГУ. Приказы. Д. 96. Л. 80; Сталинец, 23 апреля, 30 мая 1946 г.

² Музей УрГУ. Рукописная коллекция истфака.

ной кафедрой, гневно заявлял, что «деканат, снимая такую нужную специальность, поступает неправильно». А большинство преподавателей соглашались с В. В. Адамовым, который убеждал: «Уж очень малочисленны курсы историков. По 25 человек для 3-х специальностей, в результате не подготовить достаточного количества работников по каждой специальности»¹.

Дискуссия завершилась компромиссным решением — выйти в ректорат с предложением о том, что все поступившие студенты завершат обучение по специальности, но нового набора не проводить. Новый спор в ректорате, в котором участвовала и поддержала партийная организация, завершился не в пользу предложения руководства факультета. Однако и ректорат был озабочен качеством подготовки специалистов. Он вынужден был констатировать: «На подготовку историков партийного профиля необходимо обратить самое серьезное внимание, привлечь к этому лучших преподавателей кафедр социально-экономических дисциплин»².

Улучшения не наступило. Кафедры социально-экономических дисциплин не могли выполнить задачу. Кадров не было. Достаточно сказать, что за шесть послевоенных лет кафедра марксизма-ленинизма не подготовила ни одного кандидата наук. Как метко подметил член партбюро — «планы составляются, но для архива»... Заведующего критиковали на различных уровнях. Но у Ф. П. Быстрых всегда были свои «козыри», он «выкладывал» объективные причины и трудности³. А в начале 1950-х гг. вообще был направлен в Китай и работал там до осени 1955 года. Исполнять его обязанности поручили выпускнику-историку, совсем молодому кандидату наук, И. М. Сушкову.

Качество преподавания, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Не проглядывалась перспектива... Будучи заместителем декана, еще не имеющий ученой степени, И. Н. Чемпалов неоднократно говорил: «На факультете нет специалистов высшей квалификации, которые бы являлись ядром на кафедрах... надо готовить кафедры из лиц, имеющих опыт, прошедших армейскую школу, талантливых»⁴.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111. Л. 103—104.

² Там же. Д. 121. Л. 16.

³ См., напр.: Там же. Д. 96. Л. 24—25.

⁴ Там же. Д. 121. Л. 67.

Споры о партийной специальности продолжались еще четыре года. Только в феврале 1955 г. И. Н. Чемпалов, уже декан факультета, с характерной ему прямоотой и жесткостью в полугодовом отчете о работе факультета вновь поставил вопрос о закрытии специальности. Представим этот документ без сокращений. Здесь ярко проявился характер декана. Читая его, не забывайте — на дворе 1955 год — время, когда КПСС практически одержала победу над государственными структурами за лидерство в управлении страной. Н. С. Хрущев всевозможными способами устранил всех, кто стоял на его пути. Роль партии крепла во всех эшелонах власти. И кадров ей требовалось очень много...

Вот этот документ: «Непонятно, по каким соображениям на нашем факультете до настоящего времени помимо двух вышеуказанных специальностей (история СССР, всеобщая история — А. Ч.) сохранена еще историко-партийная специальность.

В прошлые годы лица, оканчивающие наш университет по этой специальности, обычно направлялись на работу в вузы в качестве ассистентов кафедр основ марксизма-ленинизма. Возросший уровень задач высшей школы и вместе с тем отсутствие острой нужды в ассистентах для кафедр основ марксизма-ленинизма вузов ведет к необходимости пересмотра порядка подготовки такого рода специалистов. Не случайно было принято решение о ликвидации в университетах экономических и философских факультетов. Для средних школ такие специалисты не нужны, а для работы в высшей школе недостаточно подготовлены. Такое же положение создалось и с нашей историко-партийной специальностью.

Необходимость в дальнейшем существовании особой историко-партийной специальности в нашем университете отпала. Тем более, что подготовка студентов по этой специальности не стоит на должной высоте. Учебный план по этой специальности, утвержденный министерством высшего образования от 15 сентября 1949 года, систематически, из года в год, полностью не выполняется. Так, например, не читаются следующие дисциплины: источниковедение и историография, просеминар по марксистской философии, нет подготовленных ни одного спецкурса, ни одного спецсеминара (эти курсы читаются на недостаточном идейно-

теоретическом уровне и в сокращенном по сравнению с учебным планом объеме).

Кафедры общественных наук нашего университета не имеют предусмотренных учебным планом подготовленных специальных курсов и семинаров. По всем специальным дисциплинам, курсам и семинарам нет программ и методических разработок, не определен перечень обязательной и рекомендуемой литературы. Преподаватели, ведущие курсы, читают их по своему усмотрению без должного контроля со стороны общественных кафедр университета. Часто дублируют материал, изложенный в других курсах.

Деканат историко-филологического факультета ставил в ноябре месяце 1954 года перед ректоратом вопрос о необходимости прекратить, начиная с нынешнего третьего курса, подготовку студентов по этой специальности, но ректорат отклонил это предложение. Больше того, ректорат вошел в министерство высшего образования с ходатайством о сохранении в Уральском госуниверситете специализации по истории партии. Подобная установка ректората, противоречащая постановлению партии и правительства о высшей школе, порождает среди части студентов, специализирующихся по истории партии, нездоровые настроения. Вместо подготовки к работе в качестве учителей средней школы, они думают о том, как бы устроиться в высшей школе. Исходя из вышеуказанных соображений, деканат историко-филологического факультета вновь ставит вопрос о необходимости прекращения специализации студентов по историко-партийной специальности, начиная с нынешнего третьего курса»¹.

На первый взгляд удивительно, что в этот раз И. Н. Чемпалова не осаждали, а поддерживали. Наборы на специальность с 1955 г. были отменены. Автор считает, что не осаждали, а поддерживали потому, что партия к этому времени организовала более солидные учреждения для подготовки партийных кадров. Очень скоро их вновь будет недостаточно. Работы станет больше. И в вузах, в том числе и на нашем историческом факультете, вновь будет функционировать партийная специальность. Но не будем забегать вперед. Всеу свое время.

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 126. Л. 53—55.

С 1947 г. на факультете появилось еще одно отделение — логики и психологии. Было набрано 25 студентов. Но уже через год стало окончательно ясно, что преподавательского состава для выполнения учебного плана явно не хватает, перспектив на развитие очень мало. Отсюда и отношение руководства — было приказано открыть, но помощи для его развития ни откуда получено не было. Кафедрой логики заведовал профессор Георгий Алексеевич Курсанов, обязанности заведующего кафедрой психологии на общественных началах исполнял Вольф Соломонович Мерлин. Кафедры были малочисленными, работалось преподавателям здесь очень сложно¹.

В конечном итоге с 1953/54 учебного года наборы на отделение были прекращены, студенты 1-3 курсов переведены на филологическое отделение. Через два года, с выпусками 4-5 курсов, отделение логики и психологии прекратило существование. Так что перед коренными изменениями в 1955/56 учебном году факультет состоял из трех отделений: исторического, филологического и журналистики. Дополним лишь, что в 1947 г. в университет впервые приехали учиться иностранные студенты — венгры, румыны, корейцы, поляки, чехи. В изучаемый период их было немного — от 40 до 70 человек, большая часть училась на историко-филологическом факультете. Это были обыкновенные парни и девушки, они «не любили физкультуру и им было трудно с русским языком». Никакой особой воспитательной работы с ними не проводили, дополнительных забот не было. Хотя и прикреплялся специальный студент-наставник от комитета комсомола.

Вместе с русскими студентами они учились, ходили на экскурсии, работали на субботниках, проводили беседы в рабочих коллективах о своих странах, отдыхали на турбазах, сполна перенесли все бытовые неурядицы. Летом все, за исключением корейцев, уезжали на каникулы домой. Состоялись и первые браки — девушки выходили замуж за иностранных студентов².

---

¹ Более подробно см.: ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 359. Л. 54; Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 82.

² Об иностранцах см.: ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 18. Д. 352. Л. 42—45; Ф. 285. Оп. 3. Д. 105, 132, 136, 138 и др.; Сталинец. 16 марта 1951 г.

Из корейцев выделялся Борис Александрович Ним, член партии, он часто выступал на собраниях с гневными речами. Но это был не «иностранный» кореец, а наш, приехавший с семьей с Дальнего Востока через Казахстан учиться на историка. После окончания вуза в 1951 г. защитил диссертацию и работал в вузе Тюмени.

Как же учились и проводили свободное время студенты первой послевоенной поры?

В 1946 г. историки вновь перешли на 5-летний срок обучения. А вскоре появился и новый основополагающий документ. Представим учебный план, утвержденный министерством 15 сентября 1949 г. Он включал в себя 3906 часов, из них 2180 лекционных, 1726 — практических или семинарских занятий. По нему учились студенты до 1955 года¹.

№	Наименование дисциплины	Количество часов			Отчетность	
		всего	лекций	практ.	экз.	зач.
1.	Основы марксизма-ленинизма	270	150	120	2, 4	1, 3
2.	Политическая экономия	200	115	85	6, 7	5
3.	Диалектический и исторический материализм	140	90	50	7, 8	
4.	История философии	70	70		9	
5.	Педагогика	70	70		4	
6.	Методика преподавания истории	30	30			8
7.	Педагогическая практика	70		70		9
8.	Древнерусский язык	30		30		1
9.	Латинский язык	170		170	3	1, 2
10.	Иностранный язык	270		270	4	1, 2, 3
11.	Основы археологии	50	50		1	
12.	История первобытного общества и основы этнологии	70	70		2	
13.	История СССР	334	150	184	2, 4, 6	2, 4, 6
14.	История древнего мира	186	120	66	1, 2	2
15.	История средних веков	170	110	60	4	4
16.	История нового времени	344	220	124	6, 8	6, 8
17.	История южных и западных славян	100	100		5	
18.	История зарубежных стран Востока	200	200		3, 6, 8	
19.	История советской литературы	70	70		3	

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 116. Л. 1—2; Д. 118. Л. 23—25.

20.	Основы советского государства и права	50	50		9	
21.	Физвоспитание и спорт	136		136		1, 2, 3, 4
22.	Дисциплины по специальности	720	360	360	6, 7, 8, 8, 9	5, 6, 7, 8, 9

Специализация (или специальность) начиналась с 3 курса, она включала в себя 4 направления: история СССР, история древнего мира, история средних веков, новая и новейшая история. Здесь студенты были обязаны изучить по всем направлениям историографию, источниковедение и 3 специальные курса, пройти производственную практику. Помимо этого специализирующиеся по истории древнего мира слушали курсы истории эллинизма, вспомогательных исторических дисциплин, осваивали еще один, специальный, язык. По истории средних веков — история Византии, латинский язык, вспомогательные исторические дисциплины. По новой и новейшей истории — история одной из стран мира, история социалистической мысли и рабочего движения на Западе, второй европейский язык. По истории СССР — история одного из народов СССР, палеография, один из европейских или один из языков народов СССР.

Студенты писали 4 курсовые работы «по одной из дисциплин, проводимых на соответствующем курсе», проходили в 6-м и 9-м семестрах, помимо педагогической практики, в зависимости от специальности, археологическую, этнографическую, архивную, музейную, библиотечную практику. Государственные экзамены сдавали по основам марксизма-ленинизма и истории (по специальности). Заключительным этапом обучения являлась защита дипломной работы.

В 1953 г. в дополнение к учебному плану в качестве обязательной была введена дисциплина — история одного из народов СССР, а также факультативы — историческая география, русская литература, литература народов СССР, славянская литература, всеобщая литература, литература народов зарубежных стран Востока, искусство народов СССР. Часть из них также стала обязательной для изучения¹.

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 116. Л. 1—2; Д. 118. Л. 23—25.

Программы по основным дисциплинам учебного плана также присылались министерством. Кафедры их обсуждали, но серьезных корректив внести не могли. Поэтому главное направление в учебно-методической работе состояло в разработке программ и пособий по специальным курсам и семинарам. Необходимо сказать, что были случаи, когда из министерства приходили только проекты программ, и у кафедр появилось более широкое поле деятельности. Они детально обсуждали их, отправляли в Москву рецензии с предложениями и замечаниями. Но такая возможность представлялась крайне редко.

Методическое управление министерства очень редко заказывало ведущим преподавателям написание методических рекомендаций. Писал их, например, Н. А. Бортник — «об опыте по организации методики руководства курсовыми работами по истории средних веков». Но итогов этой работы найти не удалось.

В первом семестре 1947/48 учебного года историки неожиданно показали самую низкую успеваемость по университету — чуть более 80% положительных оценок. Главной причиной явилась частая смена преподавателей и несвоевременное начало занятий. Дело в том, что в это время было запрещено штатное совмещение в вузах. Высококвалифицированные преподаватели работать на условиях почасовой оплаты отказывались. Особенно «больно» это ударило именно по историкам. А занятия начинались позднее обычного потому, что оформилась традиция участия студентов в уборке урожая. Но об этом чуть позднее.

Особым камнем преткновения было посещение занятий по военному делу и иностранному языку. После окончания жестокой битвы, хотя средства информации и сообщали «о новых приготовлениях агрессоров», студенты не любили войну. Юноши последовали за девушками — им с 1946 г. занятия по военному делу отменили. Ругали за прогулы многих, в том числе и студента-коммуниста М. Главацкого¹.

С изучением иностранного языка — особая история. Ее образно отразил студент-отличник, фронтовик Л. Худорожков: «Я считаю, что с иностранным языком плохо не только у студентов, но и

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 15.

на кафедре. Все боятся иностранного языка, и это дело не случайное»¹.

Особо «отличался» 1 курс. На всевозможных заседаниях постоянно звучали слова, что «вчерашний школьник, попадая в высшее учебное заведение, которое представляет относительную свободу, часто теряется, упускает драгоценное время»². То есть с 40-х годов на повестку дня вышла проблема выживания первокурсников, проблема куратора группы. Этот вопрос дискутировался на всевозможных уровнях. Преподаватели уверяли: «куратор не может охватить весь курс, он должен возглавлять актив курса». Партийные же организации зафиксировали обратное — куратор отвечает за каждого студента. Кураторы и преподаватели контролировали самостоятельную работу — консультации, коллоквиумы, практические, семинарские занятия, наличие конспектов по обязательной литературе. «Иногда просто проверяли раз в неделю каждого студента курса о том, что он сделал за неделю». А «наиболее ленивых и недисциплинированных» вызывали на заседания профсоюзного, комсомольского, партийного бюро, где они получали «необходимые припарки».

У кураторов были помощники. Уже с 1946 г. практиковались постоянные беседы отличников-старшекурсников с молодежью на тему «мой опыт работы». Но и они, видимо, мало помогали. Хотя студент 1 курса 1948 г., ныне преподаватель университета, Владимир Петрович Викторов в воспоминаниях утверждает обратное: «В течение всего времени пребывания на первом курсе мы ощущали на себе повышенное внимание и заботу о нас со стороны старшекурсников, интерес к нам: кто вы, первокурсники-историки? Чем мы можем помочь вам? Они поделились с нами «секретами» учебы на отлично, опытом участия в тех или иных формах учебы и видах общественной работы»³.

Не будем дискутировать. Тем более, что в целом историки середины 40-х — начала 50-х годов были лидерами и примером во многих делах факультета. Предоставим лучше более обширное слово В. П. Викторovu.

---

¹ Там же. Д. 96. Л. 203.

² См., напр.: ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 44; Д. 95. Л. 3 и др.

³ Материалы, цитируемые автором, предоставлены В. П. Викторovым в 2009 г.

«Первого сентября 1948 года в небольшой аудитории № 19 на четвертом этаже главного учебного корпуса университета по ул. Белинского, 48 собрались 27 человек, зачисленных на I курс исторического отделения. После вступительной беседы замдекана по историческому отделению Ивана Никаноровича Чемпалова (он рассказал об учебном плане отделения, обратил внимание на особенности некоторых преподавателей, их методики) сразу же начались занятия. Первую лекцию по истории древнего мира провел доцент Виноградов Александр Иванович, а вторую — доцент Константин Владимирович Сальников — по введению в археологию. В последующие дни мы познакомились с преподавателями по всем другим предметам. Мы сразу же ощутили на себе высокую организованность учебного процесса: не было никаких переносов, срывов занятий, не было «окон» в расписании, замен преподавателей. Многие предметы, в том числе основы марксизма-ленинизма, мы слушали на потоковых лекциях вместе со студентами других отделений факультета.

В первые же два-три дня мы включились в весьма активную общественную жизнь на факультете и в университете в целом. Буквально на второй день после лекций к нам на первый курс пришли секретари партбюро и бюро ВЛКСМ отделения вместе с другими активистами, познакомили со структурой и жизнью общественных организаций отделения. Тут же было проведено комсомольское собрание, сформирована партийная группа из 3 человек (Саматов В. А., Табиханов Н., Викторov В. П.).

Лекции и семинарские (практические) занятия преподаватели проводили на достаточно высоком, даже по современным меркам, теоретическом уровне. Особенно запомнились лекции доцента В. В. Адамова по истории СССР (период империализма), в которых он дал глубокий теоретический анализ процессов, происходивших в России в конце XIX — начале XX вв., а также лекции доцента Н. А. Бортника по истории средних веков. Весьма своеобразными и по содержанию, и по форме были лекции доцента М. Я. Сюзюмова по истории западных и южных славян (период средневековья).

Общее впечатление о своих студенческих годах — незабываемое! Мы, студенты исторического отделения, получили глубокую и всестороннюю профессиональную подготовку по истории и дру-

гим социально-экономическим наукам. Вместе с этим мы были включены в активную общественную жизнь своей страны, своего общества, прошли большую школу общественной, пропагандистской и организаторской работы.

С первых дней пребывания на историческом отделении нам бросилось в глаза большое количество студентов-участников Великой Отечественной войны. Особенно много студентов-фронтовиков было в наборе 1946 года. Немало было и студентов-коммунистов. Этот фронтовой и партийный актив задавал тон и в учебной, и особенно в общественной работе».

Прервем здесь на время воспоминания В. П. Викторова, так как он затронул очень важную тему — фронтовики на историческом отделении. Действительно, во второй половине 1945 г. появилась серия приказов ректора о восстановлении в число студентов возвращавшихся с войны. На 3-й курс пришли историки Е. В. Лесников, Е. Ф. Рябухина, И. М. Кокорина, Ф. Р. Филиппов, студентами 4 курса вновь стали О. Е. Вайнер, Э. Т. Смейкал, на 1 курс восстановилась П. М. Кокорина¹.

А 17 апреля 1946 г., когда в актовом зале университета состоялось первое вручение медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», их получили 74 преподавателя, сотрудника и студента. В мае их количество возросло до 106².

В 1950 г. в университете было более 130 студентов-фронтовиков. И хотя основной контингент составляли опаленные войной школьники, справедливо все-таки считать, что военные определяли время, это был период фронтовиков. Вот как написал о том времени историк, выпускник 1951 г. Л. А. Марголин: «Характерной особенностью нового набора студентов 1946 года в УрГУ была его большая пестрота. Впрочем, это было характерно для всех факультетов. Даже на вид сразу бросались в глаза более взрослые молодые люди в военных гимнастерках со споротыми погонами. Это демобилизованные из армии, только что закончившие войну. И рядом совсем зеленые мальчики и девочки, пришедшие в университет со школьной скамьи. Никто этого не счи-

---

¹ Архив УрГУ. Приказы. Д. 92. Л. 21, 105, 116, 167, 170 и др.

² Сталинец. 23 апреля, 7 мая 1946 г.

тал, но наверное на историческом отделении историко-филологического факультета демобилизованных было особенно много. Это было видно даже на глаз. Разве что журналисты могли с историками в этом отношении поспорить. Но примерно при одном и том же возрасте и большем опыте жизни, среди демобилизованных тоже не было какого-то инкубаторского сходства. Каждый из них представлял индивидуальность, каждый на особицу»¹.

В нашем распоряжении есть неравноценные по объему сведения о 36 студентах-историках — фронтовиках. Уверены, что нужны дополнительные изыскания. Поэтому здесь не ставится задача отражения биографий и творческого пути, а лишь делается попытка коротко (по алфавиту) отметить этих фронтовиков-студентов. Они внесли вклад в Победу, пришли учиться. И все поколения историков должны помнить этих людей².

Очень многих студентов-фронтовиков второй половины 40-х — первой половины 50-х гг. мы отметим в последующих частях книги в качестве преподавателей и руководителей кафедр. Автору хочется выделить здесь только одного из них — Виктора Андреевича Саматова. Он, наверное, один из немногих преподавателей утверждал, что изучать курс истории советского общества необходимо очень углубленно, этот курс не идентичен курсу истории партии. И на протяжении всей своей преподавательской деятельности проводил эту свою верную линию. Автор долгие часы беседовал с ним в 90-е годы. Преднамеренный развал великой державы явился одной из причин его преждевременной смерти в 1998 году. Он любил свою страну. Но рухнула держава, подкосилось и его здоровье...

Бабушкин Сергей Михайлович. В 17 лет курсант пехотного училища. Курско-Орловская битва — орден Отечественной войны

---

¹ Музей УрГУ. Рукописная коллекция истфака.

² Краткие данные представлены на основании: ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 3—6, 34, 79—80; Д. 42. Л. 11; Д. 43. Л. 11; Д. 61. Л. 18; Д. 96. Л. 169; Д. 103. Л. 82, 95; Д. 105. Л. 97—98; Д. 107. Л. 14 об., 19, 27, 49; Д. 110. Л. 159; Д. 111. Л. 122; Д. 133. Л. 16; Архив УрГУ. Личный состав. Д. 92, 215; Сталинец. 29 июня 1946 г.; 5 декабря 1947 г.; 23 февраля, 3 апреля 1948 г.; 7 ноября 1950 г.; 22 февраля, 1 мая 1952 г.; 21 февраля, 10 июня, 23 сентября, 7 ноября 1953 г.; Уральский университет, 4 ноября 1956 г.; Музей УрГУ. Рукописная коллекция истфака; алфавитная картотека.

II степени. Зима 1944 г. — тяжелейшее ранение, лечение в госпиталях, домой вернулся без левой руки и с парализованной правой. Пришел учиться на историка, успешно окончил университет, направлен в аспирантуру, защитил диссертацию и с 1953 г. — преподаватель общеуниверситетской кафедры политэкономии.

Балакин П.Ф. — фронтовик, выпускник 1951 г.

Бакунин Александр Васильевич. С 1946 г. — студент, активист, был секретарем комитета ВЛКСМ университета. После окончания университета — преподавательская работа в вузах, защита двух диссертаций. Этого человека знали очень многие в 50—90-е годы.

Бамбуров Александр Кириллович. Родился в 1924 г. Фронтовик с июня 1943 г. Ранение, ампутация ноги, в 1950 г. окончил университет, аспирантура, защитил диссертацию, с 1954 г. — на партийной работе.

Березин Василий Григорьевич. Участвовал в боях с Финляндией, Германией, с 1947 г. — студент-историк.

Бровин Валерьян Александрович. В 1941—1942 гг. — фронт, после ранения демобилизован, студент, руководил комсомольской организацией университета, после окончания в 1946 г. — аспирант.

Гафаров Хатмулла Абдулович. С 1943 г., из детдома, на фронте, офицер, выпускник 1960 г.

Гришанов Петр Васильевич. Фронтовик, прошел немецкий плен, окончил университет в 1951 г., защитил две диссертации, долгое время вел на истфаке курс истории КПСС.

Ермаш Филипп Тимофеевич. С 1941 г. — рядовой, командир отделения, помощник командира взвода на фронтах войны. Орденосец. В 1951 г. окончил историческое отделение. Был на партийной работе, в 1972—1986 гг. — председатель государственного комитета Совета Министров СССР по кинематографии.

Иткин Исаак Борисович. Лейтенант медицинской службы, окончил историческое отделение в 1951 г., позднее — доцент.

Квасов Сергей. Поступил на истфак в 1939 г., призван в армию, всю войну на фронте, в вузе вновь с 1946 г., защитил кандидатскую диссертацию, доцент.

Козлов Анатолий Григорьевич. Родился в 1925 г. Доброволец, пехотное училище, младший лейтенант, тяжелое ранение в январе 1944 г., демобилизация, художественное училище, с 1950 г. — на историческом отделении, в 1962—1975 гг. — преподаватель истфака, доктор наук.

Колесник Николай Константинович. Фронтовик, прошел немецкий плен. Выпускник 1951 г.

Косов Анатолий Федорович. Родился в 1924 г. В 1941 г. поступил на историческое отделение, в октябре 1942 г. призван в армию. Курсант училища, с 1943 г. в мотоциклетном батальоне действующей армии. Кавалер ордена Красной Звезды, награжден медалями «За взятие Праги», «За взятие Берлина». В 1945 г. вернулся на факультет, после окончания — аспирантура.

Куприянов Павел Максимович. Воевал в составе Уральского добровольческого танкового корпуса, с 1945 г. — студент-историк, выпускник 1954 г.

Лушников Александр Максимович. На фронте в 1942—1945 гг. После окончания университета — проректор Свердловского пединститута, профессор, заслуженный учитель школы РСФСР.

Мазихин Владимир. На фронте с 1942 г., авиационное училище, оборона Ленинграда, дошел до Одера, 5 фронтовых медалей. После войны — работа на Соликамском калийном комбинате и продолжение учебы в школе. Только в 1951 г. стал студентом-историком.

Новоселов Леонид. На фронте в 1941—1945 гг. Окончил университет в 1951 г.

Патрушев Василий. В 1941—1945 гг. фронтовик, в 1950 г. поступил учиться, «имея большой жизненный опыт», был председателем университетского студенческого научного общества.

Петерюхин Александр. В 1939 г. поступил на истфак. Но сразу был призван в армию и только через 7 лет старший лейтенант был вновь зачислен в историки. Фронтовик учился только на отлично, вел общественную работу, получал Сталинскую стипендию. А после окончания факультета в 1951 г. работал, учился в аспирантуре, доцент, преподавал в университете на кафедре истории КПСС.

Першаков Николай Николаевич. В мае—сентябре 1945 г. — фронт, выпускник 1952 года.

Плотников Иван Федорович. Фронтовик, окончил университет в 1951 г., защитил две диссертации.

Плотичкин Вячеслав Алексеевич. Кавалер двух боевых орденов, многих медалей. 30 июня 1941 г. студент института журналистики подал заявление об отправке на фронт. А далее Ленинград, Сталинград. В боях за этот город солдаты сочинили песню, и фронтовик часто ее вспоминал:

*Фашисты долго укрепляли
Илларионовский плацдарм,
Наш полк нанес фашистской швали
Там сокрушительный удар.*

*Под Сталинградом мы сломали
Сопротивленье вражеских сил.
За те бои великий Сталин
Нам благодарность объявил...*

Далее Курская битва, еще ранение, и старший лейтенант был демобилизован. С 1943 г. фронтовик обучался двум специальностям, стал журналистом и историком. Активнейший общественник и агитатор. История перевесила. Далее поступил в аспирантуру, защитил в 1953 г. диссертацию, работал преподавателем на общегуниверситетской кафедре истории КПСС.

Видимо первой из фронтовиков-историков умерла **Евгения Филипповна Рябухина**. Ее краткая биография есть в предыдущей части книги. В 1948 г. она закончила обучение, оставлена преподавателем на кафедре марксизма-ленинизма, поступила в аспиран-

туру, но 3 декабря 1952 г. скоропостижно скончалась. Ей было 32 года...

Саматов Виктор Андреевич. Родился в 1923 г. с 7 июля 1943 г. курсант авиационной школы, летчик штурмовой авиации. Демобилизовался в 1948 г., стал студентом. Первым на факультете, да и наверное в университете, выдвинул перед курсом задачу — «учиться без завалов — это очень мало. Надо поставить задачу — учиться без троек. Вот эта задача более мобилизующая». Почему-то эту идею не поддержали студенты... Может быть, стоит сегодня вернуться к ней! Тем более, что автор идеи учился блестяще, был Сталинским стипендиатом, активным общественником. Далее аспирантура, защита диссертации, преподавательская работа в вузах.

Сивков Василий Александрович. Родился в 1924 г. С ноября 1941 г. — авиационное училище, далее фронт, тяжелое ранение. Окончил университет в 1950 г. и почти 30 лет работал директором государственного архива Свердловской области.

Смирнов Иван Руфимович. В 1942—1945 гг. на фронте, выпускник 1951 г.

Стеклянов Сергей. На фронте с 1942 г. Сержант, разведчик-парашютист, кавалер ордена Славы, Красного Знамени, медали «За отвагу». После войны работал на заводе в Каменск-Уральском, был секретарем горкома комсомола, в 1950 г. пришел учиться в университет.

Сушков Иван Митрофанович. Поступил учиться в 1939 г., но только после войны удалось завершить обучение рядовому горно-стрелкового батальона. Далее аспирантура, защита диссертации, работа в университете, в том числе был секретарем партбюро.

Тарасов Петр Кузьмич. С ноября 1943 г. по апрель 1951 г. в армии, младший лейтенант. После окончания истфака в 1956 г. — учитель, директор школы, в 1960—1971 гг. — доцент, декан исторического факультета.

Тараторкин Николай Александрович. Воевал в Крыму, на Кавказе, в Восточной Пруссии, окончил факультет в 1951 г., далее аспирантура, защита диссертации, ученое звание доцента.

Тимофеев Юрий Николаевич. Родился в 1924 г., фронтовик. Студент с 1949 г., выпускник 1954 г.

Тихонов В. — секретарь комитета ВЛКСМ...

Третьяков Леонид Ильич. На фронте летчик, в послевоенные годы — студент, аспирант.

Филиппов Фридрих Рафаилович. В 1948 г. окончил факультет. Поступил в университет в 1941 г., но ушел работать на завод, а с 1943 г. — в действующей армии. Зенитчик под Москвой, командир батареи, позднее радист, «участвовал в прикрытии Крымской конференции». На первой научной студенческой конференции 1948 г. доклад пятикурсника был оценен первой премией, а автора хвалили даже математик — профессор С.В. Вонсовский.

Худорожков Леонид. Техник-лейтенант, артиллерист, окончил университет в 1951 г. В 1947 г. на научной конференции сказал: «Позади остались памятные дороги войны, ратный труд, впереди — открытая дорога к вершинам науки». Защитил кандидатскую диссертацию.

Чемпалов Иван Никанорович. Историк с 1938 г., фронтовик, только через 10 лет завершил обучение, и вся его последующая жизнь связана с факультетом.

Ширинкин Владимир. Поступил учиться в 1940 г., но призван в армию. Далее война, университет окончил в 1951 г., долгое время заведовал отделом областного музея.

Учиться было очень сложно. С зимы 1947 г. установилось правило, что студенты, получившие неудовлетворительную оценку на сессии, а также не явившиеся по неуважительной причине на отчетность, лишались стипендии на очередной семестр. Весной режим еще более ужесточился — декан В. В. Адамов оповестил студентов: «с будущего семестра стипендию будут получать лишь те, кто будет иметь отличные и хорошие оценки»¹.

А получать только хорошие и отличные оценки в те годы было очень трудно. Были пропуски занятий, которые старосты «в ряде случаев сознательно скрывали». Они объяснимы — более полови-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 83. Л. 2 об.

ны студентов-историков работали, помощи от родителей ждать не приходилось. Упомянутый уже Л. А. Марголин вспоминал: «Голодное время заставляло нас искать любые возможности подзаработать. Студенческой стипендии, конечно, не хватало. До сих пор помню и ощущаю тяжесть громадных семидесятикилограммовых металлических листов, которые мы грузили на машину из склада, расположенного где-то у плотинки на улице Ленина. Когда на спину ложится громадный вес листового железа и на подгибающихся ногах ползешь к машине, — ощущение не из приятных. Но приходилось это делать».

Но было и элементарное разгильдяйство, желание чуть более поспать. А деканатские работники сообщали в отчетах и иную причину: «Немало студентов пытается под свои пропуска подвести известную базу» в виде неудовлетворенности чтением лекций отдельными преподавателями. В действительности проявление недисциплинированности, не изжитая еще известная разболтанность отдельных студентов является результатом, с одной стороны, несвоевременного реагирования на случаи нарушения дисциплины со стороны деканата и ректората, а с другой — слабого воздействия со стороны студенческой общественности. Беспомощность студенческой общественности в большинстве случаев проявляется там, где сам актив не занимает авангардной роли в отношении дисциплины. Нарушение дисциплины активистами является заразительным примером для других студентов»¹.

И еще весомая причина — студент не получал необходимого объема знаний не по своей воле... Немного лукавили работники деканата. Очень часто студенты критиковали преподавателей. Например, по спецкурсу «Стратегия и тактика Коммунистической партии Советского Союза» преподавателя кафедры марксизма-ленинизма Майковскую, О. Е. Вайнер по истории южных и западных славян, Н. Ф. Рымарева, А. И. Серова по отечественной истории и других. Чтобы не быть голословными, приведем цитаты: «Доцента Ф. И. Сурина не беспокоит то, что часто он не успевает рассказать студентам намеченный по плану материал, комкает выводы, не заботится о дисциплине студентов. На его занятиях студенты занимаются чем угодно: беседуют, переписываются, читают

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 817. Л. 61.

постороннюю литературу, иногда совершают прогулки по аудитории. А преподаватель в это время монотонно читает конспект лекции».

«Актный зал во время лекции преподавателя Дружковой по истории СССР представляет зрелище, мало похожее на деловую аудиторию... поведение студентов все ухудшается, выходя за рамки всякого приличия»¹.

А на справедливые замечания о том, что «студенты не настолько подготовлены, чтобы критиковать качество лекций преподавателя», они заявляли: «Мы коммунисты и должны указывать на недостатки»².

Преподаватели исправлялись. А студенты на указанные недостатки не реагировали. Многие из них не изжиты и сегодня. Вот заключение партийного бюро 60-летней давности: «на экзаменах вскрыты позорные случаи подсказок и пользования шпаргалками, курсовые работы выполняются в спешном порядке, незадолго до сессии, что, естественно, снижает качество этих работ, много пропусков без уважительных причин»³.

Прочитав эти строки, невозможно удержаться от примеров студенческого лексикона тех времен: «курсовка», «курсовушка», «курсовушечка»; «стипеха», «стипеша», «стипендиха»... «Лекции — не волки, в лес не убегут», «очень пунктуальный студент — сбегает с лекций в одно и то же время», «дипломная работа — не камень, но споткнуться можно», «монография — не телефонная книжка, ее надо не листать, а читать», «не говори, что декан добрый, все равно тебе никто не поверит»...⁴.

А лозунг «вести ежедневную борьбу со шпаргалками» можно прочесть в документах и статьях в газете ежегодно, по крайней мере, дважды в год, во время сессий. Студентов осуждали и поучали, стыдили и внушали: «В студенческой среде бытует добродушно-ироническое отношение к шпаргалке и «шпаргальщикам»... Между тем сдача экзамена по шпаргалке — недобросовестность, обман преподавателя и в его лице — государства. Это также вредно, как выпускать негодную продукцию под видом доб-

---

¹ Сталинец. 3 марта, 25 марта 1949 г.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. ... Д. 136. Л. 196.

³ Там же. Д. 133. Л. 39.

⁴ Сталинец. 3 января, 17 января 1953 г.

рокачественной, делать приписки к отчету о выполнении плана». А в новогоднем номере университетской газеты за 1948 год были также стихи:

<i>«Для нее шпаргалка,</i>	<i>Предупреждаем,</i>
<i>Как хромоту палка.</i>	<i>что в Новом году</i>
<i>Отвечая, еле дышит,</i>	<i>Метод шпаргалок</i>
<i>Если ничего не спишет.</i>	<i>не будет в ходу».</i>

Не все пользовались шпаргалками. Явно не списывал студент-историк, когда заявил преподавателю на экзамене через две недели после публикации в газете стихов, уже в январе 1949 г.: «товарищ Сталин является секретарем партбюро Верховного Совета СССР»¹.

Вечная беда студентов — курсовые работы. Пик непосещения занятий регулярно приходился на апрель-май — время, когда нужно было представлять работу к защите. А ее у многих не было. Хотя темы регулярно «вывешивались на специальной доске объявлений в сентябре месяце». И преподаватели в начале учебного года напоминали студентам — «необходимо приступить к написанию курсовых работ».

Причин долгой «раскачки» множество. Преподаватели и студенты их прекрасно знают. Но две, на наш взгляд, важнейших, следует отметить. Первая — на руководство курсовой работой выделялось всего 3 часа, поэтому преподаватели «прохладно» относились к этому виду учебной деятельности. Несмотря на многочисленные просьбы, министерство не пересмотрело нормы в исследуемый период.

Вторая — требование учебного плана выполнять курсовые работы по одной из дисциплин, читаемых в определенный учебный год приводило к тому, что студенты вынуждены были писать работы не в зависимости от научных интересов и наклонностей, а «через силу», для отчетности. Эта ситуация приводила к другим неприятностям — при такой системе к 5-му курсу у большинства студентов не было базы для написания дипломного сочинения. Темы итоговых работ вновь в сентябре месяце «вывешивались на доске объявлений». Все приходилось начинать сначала...

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 50.

Подлинная активность студентов проявлялась в выпуске стенгазет¹. Значение «стенной литературы» было велико. Хотя содержание статей и контролировалось партбюро, здесь была свобода творчества, помещались карикатуры, шаржи, стихи.

В первом послевоенном учебном году каждое отделение факультета имело свою стенную печать. Но уже в 1946 г. партбюро решило «в силу общности интересов» объединить творчество студентов исторического и филологического отделений в единой стенгазете. Она получила название «Знание», редактором стал историк Ф. Филиппов. Ее хвалило руководство, правда, и рекомендовало «улучшить идеологическую целеустремленность материалов». Содружество продержалось два года.

Хотя и была «общность интересов», но желание иметь «свою газету» перевесило. И с 1948 г., одновременно с общефакультетской (она уже называлась «Знание — сила»), сформировалась еженедельная газета «Историк». Ее редактором стал студент 3 курса Чакин.

Джолли-Нард Павлович Чакин — удивительный общественник, отличник учебы. Был частным корреспондентом газеты «Сталинец». В зажигательных студенческих спорах второй половины 40-х годов о смысле жизни, сочетании «личного» и «общественного», выразил свою точку зрения: «Жить интересами своего коллектива, коллектива университета — это значит жить, в конечном счете, интересами всей страны, всего народа...». Он не отошел от этого принципа. Получил в 1951 г. диплом с отличием, вся его последующая жизнь была связана со школой. Одновременно на факультете читал лекции по методике преподавания истории. Один из немногих (если не единственный выпускник истфака!), кто был отмечен высшей наградой Родины — орденом Ленина.

И не удивительно, что на первом общеуниверситетском смотре стенных газет она заняла первое место. Особо отмечалось, что редколлегия «умеет выдвигать и решать важные вопросы жизни отделения», здесь много фельетонов, критических зарисовок, карикатур на нерадивых. Не отстала, а даже перегнала ее и общефа-

---

¹ Там же. Д. 51. Л. 1—2; Д. 52. Л. 3—4; Сталинец. 31 мая 1948 г., 23 апреля, 16 ноября, 21 декабря 1949 г.

культетская газета (редактор Прахье) — она получила все три выделенные вузом премии для стенгазет.

В 1950 г. появилась многоформатная, в 6-10 листов ватмана, стенная газета «За советскую науку». Это был первый опыт создания общефакультетской газеты студентов и преподавателей. Она выходила раз в десять дней, также получала первые и призовые места в общеуниверситетских конкурсах (редактор — А. Краснобаев).

Здесь были представлены многие направления жизни коллектива: качество учебы и роль кабинетов, обмен опытом по методике самостоятельной работы, важнейшие темы научной работы студентов и преподавателей. Сформировать такую газету было сложно. Поэтому она, действуя в первой половине 50-х годов, то являлась лидером, то «угасала». По итогам смотров ее либо хвалили: «хорошее впечатление оставляет дискуссия «Поговорим на чистоту» — о моральном облике советского студента», «верно реагирует на вопросы жизни факультета, бичует недисциплинированность, распушенность отдельных студентов», либо ругали: «в номерах стенной газеты видно несколько безыдейных, проникнутых есенинщиной, символизмом стихов и статей»...¹

И еще одной формой студенческого творчества был выпуск «Молний», выполненных мелом на доске в аудитории, — злободневной информации. Предлагался широкий простор: «Критикуйте, не взирая на лица! Бичуйте недостатки!», но согласовывайте материал с членом партбюро, отвечающим за политико-воспитательную работу.

Вывод студенты сделали быстро. И одна из «Молний» была предельно краткой:

*«Критикуй, не взирая на лица,
Но взирай на лицо мое»...*

Не найдено пока сведений о выпуске курсовых газет. Но они были. Например, в 1954 г. у второкурсников функционировала «Оса». Название говорит само за себя. И, наконец, до 1949 г. выпускались «Боевые листки». Видимо, заголовок не нравился партбюро, они прекратили свою жизнь.

---

¹ Сталинец. 7 апреля, 5 мая 1950 г.; 24 декабря 1952 г.; 11 мая 1954 г.; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 16 и др.

Участвовали историки и в выпусках университетской сатирической газеты «Наш крокодил». Ее редактором одно время был студент-журналист И. Тарабукин.

1947 год, наверное, можно определить как стартовый в длиннейшей эстафете студенческих колхозных эпопей. До этого времени студенты ездили к селянам. Но эти поездки были эпизодическими. А вот в решениях февральского пленума ЦК ВКП (б) 1947 г., где были определены задачи подъема сельского хозяйства страны, студенты вузов впервые не были обойдены пристальным партийным вниманием. Им отводилась почетная роль помощников, и, как оказалось, надолго. Она заключалась не только в помощи селянам в посевной, прополочной, уборочной компаниях, но и в развертывании на селе культурно-просветительской работы. В марте 1947 г. партийное собрание университета обязало «всех студентов-коммунистов, особенно физико-математического факультета и исторического отделения, на деле быть вожаками беспартийных студентов»¹.

Историкам был выделен подшефный колхоз «Красное село» в 40 км от Красноуфимска, были сформированы первые бригады на посевные работы, а также на ремонт клуба, восстановление избы-читальни, которая не функционировала «в связи с отсутствием книг». После посевных работ последовали летние работы на сенокосе и прополке, а в сентябре — уборка картофеля и других овощей.

Выезд на колхозные поля, хотя и приносил огромную пользу (университет получал от колхоза картофель, овощи для столовой практически бесплатно), имел и негативные последствия. Весенние и осенние работы тяжело сказывались на учебном процессе, выполнении учебного плана. Намеченные сроки колхозных работ (не более 10-15 дней) по разным причинам растягивались до месяца. Так уже в первый, 1947 год, несмотря на то, что студенты трудились отлично, «по-томиловски», ручная уборка картофеля заняла 25 дней. А расшифровать фразу «по-томиловски» не составляет особого труда. Учился в то время студент-историк Павел Томилов. Сегодня это Павел Семенович — здравствующий пенсионер. Автор уверен, что его лекции на факультете и административную ра-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 60. Б/л.

боту в вузе уважительно, с придыханием, вспоминает подавляющее число студентов и преподавателей 1950—1980-х годов. Он вместе с супругой, тоже историком, написал скромные воспоминания, они будут использованы в этой части книги.

Колхозные дела спланировали студентов, позволяли проверить силы и жизненные способности. Но необходимо отметить и иное — с первого года стали фиксироваться «факты дезертирства студентов». Работники деканата вынуждены были писать и такие фразы: «как только объявили о поездках в колхоз, некоторые принесли справки о болезни, в том числе ложные».

Сегодня трудно восстановить «культурно-массовое оформление» поездок, но в сентябре 1950 г. у студентов-историков появилась, видимо, первая песня «колхозников». Ее авторами были студенты набора 1948 года. Текст восстановил участник поездки, упоминаемый уже Владимир Петрович Викторov:

*Как-то раз собрались студенты
Развеселый третий курс в колхоз,
К практике поближе, зная формы ренты,
Посмотреть на разных кур и коз.*

*Рано утром небо замутилось,
Грянул с неба мелкий серый дождь.
Мы идем по полю вслед за «мацепурой»,
И студентов пробирает дрожь.*

*Больше всех картофеля собрали,
Раньше всех уехали домой,
Но не унывали — песни распевали,
Всюду были дружною семьей!*

Постоянно в лидерах находиться, естественно, было невозможно, поэтому последний куплет легко менялся:

*Меньше всех картофеля собрали,
Позже всех уехали домой,
Но не унывали — песни распевали,
Всюду были дружною семьей!*

Что означает слово «мацепура» знает каждый, кто бывал в колхозе. Для несведущих оставляем это на самостоятельное изучение. И предоставим возможность В. П. Викторову продолжить рассказ о студенческой жизни рубежа 1940—1950-х гг. В качестве подсказки отметим, что в феврале 1949 г. заместитель декана И. Н. Чемпалов, характеризуя курсы историков, дал им следующие оценки: 1 курс — 26 студентов, «есть хорошее ядро на курсе», на доску почета рекомендованы И. Плотников, В. Виктор, В. Саматов, Г. Затевахина; 2 курс — из 45 студентов только 4 отличника, «курсу нужна помощь, полнейшая организационная неразбериха», на доску Почета рекомендованы Калугин, Узбекова, Янушпольская; 3 курс — «хороший, дружный коллектив, из 43 человек 17 отличников, лучшие общественники отделения». Среди них Бакунин, Чакин, Иткин, Петерюхин, Куликов, Ним, Худорожков, Скоморовский, Ершова; 4 курс — «стоцентная успеваемость, 6 отличников», среди них Бамбуров, Поздеев, Петрова, Протасова; 5 курс — «стоцентная успеваемость, 5 отличников, активные общественники Косов, Сушков, Русских»¹.

«В университете в эти годы проводилась активная политико-воспитательная работа. В каждой группе был агитатор — наиболее подготовленный в этом отношении студент; еженедельно проводился семинар агитаторов, где их знакомили с последними политическими событиями преподаватели общественных наук. Большое внимание идеологическому содержанию, политической грамотности, моральному облику уделялось партийной, комсомольской и профсоюзной организациями. Перед студентами и преподавателями, перед партийным и комсомольским активом неоднократно выступали участники революционных событий, многие старые коммунисты, а также секретари обкома, горкома и райкома партии. Преподаватели и студенты жили одной жизнью со страной, активно участвовали во всех общественно-политических событиях.

Практически все студенты исторического отделения выполняли те или иные общественные поручения — в группе, на отделении, в университете, в общежитиях. Студенты-историки часто привлекались к выступлениям среди населения, на предприятиях,

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 107. Л. 1 об., 24.

на избирательных участках. Группа историков-старшекурсников работала агитаторами в рабочих коллективах Октябрьского района. Были студенты-историки и пионервожатыми в школах района. После создания в 1947 г. Общества «Знание» некоторые студенты-лекторы были приняты в члены этой организации.

На протяжении всей нашей студенческой жизни мы ощущали большое внимание и интерес к студентам-историкам со стороны кафедр общественных наук университета. В то время в университете еще не было ни экономического, ни философского факультетов, а потребность в преподавателях этих наук была весьма острой. Поэтому студентам-историкам как нашего курса, так и других наборов, уделяли большое внимание. Не случайно более половины студентов набора 1948 г. стали преподавателями философии, политэкономии, других общественных наук Свердловских и иногородних вузов и техникумов».

В 1947 г. гостем университета был А. Твардовский. Он беседовал с преподавателями и студентами, читал стихи. Этот фрагмент поэмы «За далью даль» в тот год он не читал. Им открывался мартовский номер 1954 г. журнала «Новый мир». Да и на первой полосе мартовского номера газеты «Сталинец» была помещена большая статья к первой годовщине смерти И. В. Сталина. То есть власть, убравшая Л. П. Берию, возглавляемая Г. М. Маленковым и Н. С. Хрущевым, пока даже подумать не могла выступить против покойного вождя.

А. Твардовский написал:

*«И все одной причастны славе,
Мы были сердцем с ним в Кремле.
Тут ни убавить, ни прибавить —
Так это было на земле...*

*Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле»¹.*

---

¹ Цит. по кн.: Кожин В. Россия. Век XX-й (1939—1964). М., 2002. С. 259.

Историки, филологи, подготовленные читатели могут возразить автору, что после 1956 г. А. Твардовский стал писать иначе, а цитируемый фрагмент в 1960 г. вообще переписал заново. В ответ можно заметить, что будущий «маститый» демократ-либерал Е. Евтушенко в начале 1950-х годов даже засыпал весьма своеобразно:

*«В бессонной ночной тишине
Он думает о стране, о мире,
Он думает обо мне.
Подходит к окну, любясь солнцем,
Тепло улыбается он.
А я засыпаю, и мне приснится
Самый хороший сон»¹.*

Автор не ведает, как можно любоваться ночью солнцем. А представил он фрагмент поэмы и стихов с одной целью — отразить время. Так было — все происходящие события в стране связывали с одним именем. В университете, на факультете, как только появлялась новая работа И. В. Сталина или постановления партии и правительства, сразу же следовала соответствующая реакция всех структур, в том числе деканата, преподавателей, сотрудников, студентов. В качестве примера представим фрагменты выступлений людей на митингах и отчетов о работе факультета за учебный год.

Ежегодно в начале марта в 1948—1953 гг. в университете и на факультете проводились митинги преподавателей и студентов, посвященные публикации государственных документов о снижении цен. Нет необходимости цитировать все слова выступающих на этих митингах. Приведем лишь два выступления историков. Думается, что они были искренними: «На те же самые 300-400 рублей в месяц, которых тогда хватало только на питание, можно не только питаться, но и чаще посещать кино, театр, покупать книги». Доцент Н. А. Бортник сказал в 1950 г.: «Наши сердца преисполнены чувства глубокой благодарности мудрому учителю, родному Сталину»².

На траурном митинге 6 марта 1953 г. выступил старший преподаватель В. В. Адамов: «От нас ушел величайший гений челове-

---

¹ Цит. по кн.: Кожин В. Россия. Век ... С. 263.

² Сталинец. 8 марта 1950 г.

чества, мудрейший стратег всемирной битвы за коммунизм Иосиф Виссарионович Сталин. Высоко держал он в своих крепких руках знамя партии. После смерти Ленина товарищ Сталин вел нас через невзгоды и бури к сияющим вершинам коммунизма»¹.

В числе многочисленных митингов упомянем еще ежегодные и, наверное, специфические. Они состоялись сразу же за публикацией в газетах сообщения о государственном займе. И призыв, начиная с 1946 г., был традиционно один: «ни одного члена нашего коллектива без облигаций нового займа!». Следовало разъяснение: «каждый знает, что небольшая часть в общей сумме взносов всех трудящихся послужит укреплению обороноспособности и дальнейшему повышению благосостояния народа»².

После митинга начиналась более серьезная работа — от преподавателей на каждый курс назначался партуполномоченный. Он вместе с двумя студентами-уполномоченными убеждал студентов в необходимости данной акции. И итог всегда был положительный — планы сбора денег в долг государству перевыполнялись на 20—30%.

Справедливости ради необходимо отметить, что в течение 10 лет государство хотя бы частично гасило свои долги. А вот «великий мороз», который объявил «по желанию трудящихся» в 1957 г. Н. С. Хрущев в г. Горьком, являлся открытым грабежом народа. «Заморозив» на 20 лет выплату по облигациям займов, он обманул население всей страны, а руководители государства, в конечном итоге, в очередной раз потеряли доверие людей.

Жизнь связывали с одним человеком. Поэтому в различных отчетах факультета всегда следовала преамбула: «Вся учебно-методическая и научная работа профессорско-преподавательского и студенческого коллектива историко-филологического факультета строилась в свете указаний И. В. Сталина, данных в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания». В течение двух лет после выхода сталинской работы на факультете была проделана большая работа по перестройке преподавания всех дисциплин». В чем заключалась перестройка? Прежде всего, по всем кафедрам

---

¹ Сталинец. 7 марта 1953 г.

² См., напр.: Сталинец. 5 мая 1950 г.; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 54. Л. 16; Д. 112. Л. 60; Д. 133. Л. 51 и др.

были пересмотрены программы и учебные планы, переработаны лекционные курсы, пересмотрена тематика курсовых и дипломных работ».

«В лекциях и семинарах по новой и новейшей истории подчеркивалось особое внимание политической власти как надстройки на ход событий. При чтении лекций по истории западных и южных славян подчеркивалось сталинское положение об устойчивости языка и его грамматического строя, как *основного славянского запаса*. Это положение иллюстрировалось тем фактом, что, несмотря на многовековую политику отуречивания южных славян, проводимую турецкими феодалами и онемечивания западных славян немецкими баронами, славяне сохранили свой язык и культуру».

Выполняя указание И. В. Сталина о том, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики», кафедра всеобщей истории совместно с кафедрами истории СССР и политической экономики провела творческую дискуссию на тему «О пережитках рабства»¹.

Естественным было следующее заключение «вступительного слова» отчета: «Обсуждение актуальных теоретических и политических вопросов помогает выяснению спорных и неясных вопросов, способствует развитию критики и самокритики. Из сказанного следует, что кафедры проделали большую работу по перестройке преподавания в свете указаний И. В. Сталина. Однако перестройка далеко не закончена. Об этом говорят крупнейшие недостатки, вскрытые при обсуждении докторских диссертаций доцентов Вовчка и Горловского. Об этом говорят факты талмудизма и начетничества в отдельных лекциях, семинарах, дипломных и курсовых работах. Критика и самокритика еще не стала основным методом всей учебной и научной работы».

В таком ключе писалось начало готовых отчетов из года в год, все 11 лет, которые исследуются в данной книге. Менялись лишь «выдающиеся события». Например, годовой отчет за 1952/53 учебный год открывали такие слова: «На всех отделениях и курсах было обеспечено изучение гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», его речи на XIX съезде партии и решений XIX съезда Коммунистической партии Со-

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 824. Л. 137—138.

ветского Союза. В свете этих указаний шла перестройка учебной и научной работы»¹.

Цитирование можно продолжить. Уверены, что без подобных начальных фраз в то время любой отчет любого факультета мог стать предметом разбирательства на заседании партбюро. Написано очень мудро. Жаль только, что делалось в этом плане значительно меньше...

Для примера — истинное положение: «По специальности «история СССР» — не читается курс «История одного из народов СССР», с опозданием, в сокращенном объеме был прочитан курс «Источниковедение». Кафедра в течение многих лет не имеет утвержденного и оплачиваемого, а следовательно, и ответственного за свое дело и за работу заведующего кафедрой. Она нуждается в пополнении преподавательского состава, особенно для чтения и ведения специальных курсов и дисциплин.

По специальности «Новая и новейшая история» не читаются «Источниковедение» и «Историография», «История социалистической мысли и рабочего движения на Западе». Имеющийся в наличии преподавательский состав кафедры всеобщей истории не может обеспечить чтение дополнительных, наиболее трудных специальных дисциплин без длительной предварительной подготовки.

Кафедра всеобщей истории нуждается в пополнении состава. Из 5 штатных работников кафедры по новой и новейшей истории работает всего 2 человека, каждый из них ведет в году по 5-6 дисциплин, что естественно, не может не отразиться на качестве читаемых курсов.

В 40-х — начале 50-х гг. работало много преподавателей на условиях почасовой оплаты. Они «закрывали» ведущие курсы — история древнего мира, отечественная история до XVIII века и другие. Работали короткое время, определить их «принадлежность» к истории факультета крайне сложно. Вот, например, на кафедре всеобщей истории читал лекции и. о. доцента В. П. Полевой, на истории СССР — З. Т. Трапезникова. Приняты — уволены. Большого следа они не оставили.

А в отчетах справедливо отмечалось: «Привлечение к чтению лекций и проведению практических занятий большого числа пре-

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 824. Л. 86.

подавателей совместителей и почасовиков приводит к частому изменению расписаний занятий, затрудняет контроль над их работой со стороны кафедр, а также к ослаблению контроля со стороны преподавателей-совместителей над самостоятельной работой студентов. В дальнейшем следует стремиться к полному заполнению вакантных мест штатными преподавателями».

Познакомимся с двумя штатными преподавателями — один местный, а другой только что приехал работать. Всех контролировали и критиковали одинаково. Обязательным было наличие конспектов лекций (их обсуждали на заседаниях кафедр), открытые лекции, хотя и «не были в почете», но проводились и также постоянно подвергались «принципиальной критике и самокритике». Для преподавателей был и особый контроль — стенографирование (часто без предупреждения лектора) лекций с последующим обсуждением на всех административных уровнях. Этот вид контроля качества лекций приводил к тому, что преподаватели читали лекции строго по конспектам, аудитория часто для них была вне поля внимания. Такая же ситуация наблюдалась при проведении «открытых» лекций — здесь присутствовали преподаватели-коллеги, сотрудники деканата, члены партбюро, лекторы с соседних кафедр. А иногда были и сотрудники ректората.

В качестве примера приведем обсуждение лекции М. А. Горловского на Ученом совете факультета. Тем более, что этот орган факультетского управления еще не освещен.

Документы дают основание утверждать, что 21 июня 1949 г. был создан Ученый совет историко-филологического факультета. В этот день состоялось его первое заседание. До этого времени все кардинальные вопросы решались на общеуниверситетском совете. Заседание прошло относительно спокойно. Был заслушан и обсужден отчет о работе кафедры всеобщей литературы, аттестованы аспиранты. До 1955 г., когда была проведена коренная реорганизация состава Ученого совета, этот орган был весьма своеобразным. Его заседания представляли собой не что иное, как ежемесячные общие собрания коллектива. С различными повестками дня.

Это подтверждает отчет за 1950 год: «Ученый совет факультета не имеет оформленных каким-либо образом членов, а собирается на заседания обычно в составе всех штатных преподавателей, входящих в следующие 8 кафедр: всеобщей истории, истории

СССР, зарубежной литературы, истории русской литературы, логики и психологии, классической филологии, русского языка и общего языкознания, кафедры теории и практики советской печати. На заседания Ученого совета приглашаются также лаборанты кабинетов, в том числе и лаборантка общеуниверситетской кафедры педагогики. К недостаткам состава ученого совета надо отнести неучастие на его заседаниях представителей кафедр марксизма-ленинизма и философии, хотя эти дисциплины занимают большое место в работе факультета»¹.

На заседания Ученого совета традиционно выносились четыре блока проблем: организационные вопросы, научно-преподавательская, политико-воспитательная и учебно-методическая работа. Заслушивались отчеты кафедр, отдельных научных работников, обсуждались наиболее важные проблемы работы факультета. Совет обсуждал учебную и самостоятельную работу студентов, итоги экзаменационных сессий, утверждал тематику курсовых, дипломных работ, итоги практик. Многие протоколы заседаний утрачены, не переданы в архив. А информация уцелевших протоколов очень скудна, она деканами практически полностью включалась в полугодовые и годовые отчеты по учебно-методической, научной и политико-воспитательной работе. Примечательно то, что во всех сохранившихся протоколах есть фраза (в различных вариациях): «К недостаткам в работе Ученого совета следует отнести слабую проверку исполнения решений». То есть работа Совета часто строилась по схеме — собрались, обсудили проблему, приняли решение, но его не выполнили. Нет в протоколах ни одного заседания, где бы был поставлен вопрос «об итогах выполнения принятых решений».

Организационное несовершенство и неэтичность некоторых выносимых на обсуждение вопросов (методология и идейное содержание лекций преподавателей, «вскрытие ошибок» в опубликованных статьях) приводили к серьезным конфликтам и даже скандалам. Можно понять регулярное обсуждение невыполнения планов научной работы преподавателями (например, А. И. Серова, который, в конечном итоге, не прошел очередной конкурсный отбор). Но пристрастно обсуждать в присутствии лаборантов и

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 817. Л. 263.

«неостепененных» преподавателей лекции заведующего кафедрой, на наш взгляд, не следовало.

Именно такое обсуждение лекции М. А. Горловского прошло на втором заседании совета 15 сентября 1949 г. Вот выдержки из протокола: «Горловский М. А. выступил с резким протестом обсуждения на заседании Ученого совета факультета лекции, причем усомнился в праве декана давать свои заключения по поводу любой лекции. По мнению Горловского, лекция предварительно должна быть обсуждена в узком круге специалистов. То отношение, которое было применено к нему в данном случае, Горловский расценивает не иначе, как сведение личных счетов, так как он не получил даже предупреждения, что его лекция будет стенографироваться»¹.

Заключительные слова М. А. Горловского о том, что он «против хамского отношения к лектору», вызвали, судя по протоколу, «дружный отпор ряда членов Ученого совета». Приведем только три выступления — «отпора» — преподавателя А. В. Дружковой, работавшей на кафедре всего лишь полгода, ректора Г. И. Чуфарова, присутствовавшего на заседании совета, декана факультета.

Первая сказала: «Вместо того чтобы искренне сознаться в своей неподготовленности к лекции, Горловский обращается с неосновательными претензиями к декану факультета. Лекция действительно несостоятельная, ... Горловскому не следует переоценивать самого себя»². Суровая оценка ассистентом лекции заведующего кафедрой!

Ректор выступил дипломатично: «Отдельные члены совета факультета не любят критики и не доросли до нее. На кафедрах нет здоровой критики. Между тем без критики нет духовного роста. Поэтому нужно иметь терпение выслушивать и иметь уважение к другому мнению». Да и декан мирно отреагировал: «Выступление Горловского носило слишком эмоциональный характер... никаких «личных» отношений у меня нет, а контроль над лекциями не только мое право, но и прямая обязанность»³.

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 817. Л. 328—330.

² Там же. Л. 330.

³ Там же. Л. 331—332.

Вспышки эмоций станут постоянными на заседаниях совета, но об этом позже. Здесь же вновь повторим важный момент — с конца 1940-х годов именно Ученый совет стал своеобразным центром производственных собраний всего коллектива факультета. Здесь можно было получить максимум информации. Не нужно забывать, что в то время партийные собрания были закрытыми, информация по обсуждаемым там вопросам для беспартийных была недоступна. Конечно, она «просачивалась», но официальные данные и слухи — не одно и то же.

Именно здесь уместно более подробно представить участников конфликта. Документы не отражают причину ухода с факультета А. В. Дружковой. Нет необходимости убеждать читателей в том, что этот преподаватель был нужен на кафедре. Она приехала в город уже сложившимся человеком, прошедшим жизненную школу в тяжелейших условиях войны. И планы у нее, судя по документам, были обширные — осваивала новые курсы, готовила к публикации материалы кандидатской диссертации, методическую разработку. Но не сложилось. Возможно, у нее не было желания жить в Свердловске, но возможны и иные причины отъезда — скандал, связанный со снятием декана факультета (об этом в конце главы), а также конфликтные ситуации с заведующим кафедрой. По прибытию на работу (по путевке МВО на строго определенный минимальный срок) ей был определен оклад в 1750 рублей. В мае 1950 г., получив звание доцента, она стала получать 2500 руб. Но, по непонятным причинам, в августе оклад был понижен до первого уровня. Ответная реакция была естественной — 30 августа она написала заявление об увольнении. А 1 сентября, через два дня, было получено положительное решение. Факультет потерял перспективного преподавателя, а заведующий кафедрой вновь вынужден был искать в начале учебного года замену. Замену, которой не было. Ситуация явно ненормальная...¹.

На факультете работала

Дружкова Анна Владимировна. Родилась в 1918 г., в 1937—1941 гг. училась в МГУ. В годы войны работала учителем, директором школы, заведующим горно в г. Бологое,

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 158. Л. 30—32 и др.

в 1945 г. окончила истфак Ленинградского университета и поступила в аспирантуру. Защитила диссертацию. С 1 февраля 1949 г. — в Свердловске, на кафедре истории СССР, читала курс отечественной истории советского периода. В мае 1950 г. утверждена доцентом, но с 1 сентября 1950 г. была уволена, согласно приказу, «по собственному желанию». [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 55; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 158]

В предыдущей книге о М. А. Горловском представлена краткая биографическая справка. Здесь отразим более подробно его учебную, научную и общественную деятельность. Подобные краткие обзоры будут далее представляться обо всех ведущих преподавателях.

Г. А. Кулагина в книге «Свидетель века» написала: «После возвращения профессора (А.А. Введенского в 1943 г. — *А. Ч.*) в Киев во главе кафедры почти на полтора десятилетия утвердился молодой выпускник криминалистического факультета Ленинградского юридического института Моисей Аронович Горловский. В Свердловск он приехал по путевке наркомата юстиции в 1941 году. Многие факты его биографии долгие годы, как говорится, выходили ему боком: и кандидат-то он не исторических, а юридических наук, и Моисей, а называет себя Михаилом (пресловутая пятая графа!), и диссертация-то по началу XX века, а читает лекции по всему русскому феодализму и т.д. и т.п. Одним словом, когда есть неприязнь и противостояние, придаться можно ко всему. Была бы охота, а повод найдется»¹.

На факультете утвердилась позиция, что все написанное Г. А. Кулагиной об исторических факультетах города — выверенное, точное и объективное. Не совсем верно. У нее всегда были симпатии к одним и антипатии к другим. Это естественно, отсюда личная позиция. Но есть еще документы. Поэтому, уважая мнение Г. А. Кулагиной, все-таки необходимо отразить главное — М. А. Горловский окончил юридический институт. Не ставя под сомнение качество образования, заметим — это не исторический профиль. И «переквалифицировавшись» в 32 года в историки, он

---

¹ Кулагина Г. А. Свидетель века. Екатеринбург, 2005. С. 112—113.

до конца дней не смог стать маститым преподавателем и ученым. Поэтому попытаемся доказать противоположное Г. А. Кулагиной мнение — не факты биографии «выходили ему боком», а слабость в познании фактов исторических приводила к провалам, личным обидам в дискуссиях и, в конечном итоге, уходу из исторической науки.

Г. А. Кулагина не права в том, что он легко «утвердился» после отъезда в 1943 г. А. А. Введенского во главе кафедры. Это не так. Он пришел на факультет с должности заведующего учебной частью юридической школы (не института) не заведующим кафедрой, а старшим лаборантом исторического кабинета в октябре 1942 года. Точная причина резкого изменения карьеры не известна. Но уверены, что не любовь к истории определила начало этого пути. Заметим лишь, что в 1942 г. ему было предложено новое место работы — в Саратове, но уехать из Свердловска он отказался. В этом же месяце он стал руководителем воскресного университета для жителей города. Общий оклад по двум должностям составлял всего 750 рублей. Очень немного.

Лишь в марте 1943 г. он стал и. о. доцента кафедры, и только при профессоре И. И. Крыльцове, который сменил А. А. Введенского, был утвержден доцентом. С 28 июля 1944 г., с отъездом И. И. Крыльцова, М. А. Горловский стал исполнять обязанности заведующего кафедрой. Неоднократные представления руководства университета об утверждении этого назначения министерство отвергало. И только 9 октября 1953 г. утверждение состоялось. Так что очень сложным оказалось десятилетие для М. А. Горловского¹.

В подтверждение сказанного можно привести многочисленные дополнительные факты. В 1946 г. молодой, неостепененный преподаватель В. В. Адамов на партийном бюро откровенно сказал: «Руководство кафедрой истории СССР поручено не специалисту, фактически кафедра не существует, в вопросе повышения квалификации работников, не имеющих ученых степеней, существует полнейший самотек»². Совершенно справедливо. В. В. Адамов

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 98; Архив УрГУ. Личный состав. Д. 164. Л. 15—18, 26—28, 33 и др.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 57.

всего достиг самостоятельно, ценой огромного труда, без особой помощи заведующего. Но на это ушло 10 лет. А М. А. Горловский за все время руководства кафедрой подготовил лишь одного кандидата наук. Но А. П. Бажова — особая история.

Только со второй попытки М. А. Горловский стал в 1947 г. кандидатом в члены партии (пятая графа не имела здесь никакого значения). Причина была иной — при разборе первого заявления ему было четко замечено — «определиться, где он собирается работать — в университете или ином месте», а также проявить себя в общественной работе¹. А дискуссия о приеме в члены партии была очень жаркой. Ему даже был задан тяжелый вопрос (ответа в протоколе нет): «в 1941 г. все ленинградцы обороняли город, а Вы оказались на Урале».

С глубокой уверенностью можно утверждать, что в изучаемый период люди вступали в партию, руководствуясь лучшими побуждениями. Не требуя льгот и привилегий. Но, одновременно, принадлежность к партии открывала большие возможности их получения, продвижения по служебной лестнице. Конечно, не был прав Ф. П. Быстрых, когда заявлял, что М. А. Горловский «добивается личной карьеры и недобросовестно относится к работе». Но показательны другие выступления — проректор по учебной работе прямо отметил, что кафедра истории СССР должна быть ведущей в университете, а она таковой «не является ни в научном, ни в учебном отношениях». Но наиболее точно и объемно сказал И. Н. Чемпалов: «Присматриваясь к т. Горловскому, я замечаю, что его привлекает, кажется, больше показная сторона дела. Обычные же, мало выгодные или мало полезные дела его не интересуют. Он мало уделяет внимания работе со студентами, все увлекается своей научной работой, и эту кропотливую, черновую работу он препоручает другим членам кафедры»².

Итог голосования в целом был положительным. Но уже в следующем году партбюро вновь напомнило: «Горловскому следовало бы очень серьезно подумать о своей дальнейшей педагогической деятельности. Всем известно, что т. Горловский читает курс истории народов СССР неудовлетворительно. А между тем т. Гор-

---

¹ Там же. Л. 15; Д. 42. Л. 9—10.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 99, 100 и др.; Д. 96. Л. 190 об.

ловский работает до сих пор в юридическом институте, гонясь за высоким заработком»¹. Дополним — подрабатывал он и в адвокатуре.

Г. А. Кулагина права в том, что авторитет и известность М. А. Горловского росли. В несомненный актив заведующего кафедрой следует вписать работу по проведению двух конференций по истории Екатеринбурга—Свердловска. Во второй, в 1948 г., принимали участие крупные московские ученые. Член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии А. М. Панкратова вполне резонно на страницах газеты «Сталинец» от 14 июня 1948 г. заявила: «Патриотическая и научная инициатива свердловских историков заслуживает полного одобрения и должна быть всемерно поддержана». Поэтому было решено третью конференцию провести в 1949 г., к 25-летию переименования Екатеринбурга в Свердловск. Она не состоялась, причины автору неизвестны. Видимо, ежегодные научные конференции были пока не по силам коллективу кафедры. Свою роль сыграли и материальные трудности.

Не до конца подготовленной оказалась и региональная конференция 1951 года, посвященная 250-летию уральской металлургии. Ее успех был менее значим, нежели начинания 1947—1948 годов. В целом необходимо отметить иное — кафедра до приезда кандидатов наук О. А. Васьковского, Н. В. Ефременкова, защиты диссертации В. В. Адамовым, слияния с коллегами из пединститута была слабой.

И последнее. Г. А. Кулагина явно не права, утверждая, что после плохого голосования по защите докторской диссертации, М. А. Горловский «за большие и ответственные дела, как прежде, уже не брался. Бока, как говорится, не подставлял»². Запомнила она о городской дискуссии историков 1958 г. по дате основания Екатеринбурга. Она проводилась по заданию горкома партии. Здесь М. А. Горловский, не будучи специалистом по XVIII веку, попытался обосновать (специально исказив исторический документ) 1721 год датой рождения города. И вновь потерпел крупную

---

¹ Там же. Д. 96. Л. 79.

² Кулагина Г. А. Свидетель века. С. 122.

неудачу¹. Именно она, на наш взгляд, поставила точку в его научной карьере.

В 1960 г., с истечением срока конкурса, он был освобожден от должности заведующего кафедрой, ушел с факультета, стал работать доцентом, а с 1962 г. заведующим кафедрой, на новом, экономическом факультете. В этом году ему исполнилось 50 лет, ректор подписал приказ, объявил благодарность за большие успехи. Не прошло и двух лет, 4 апреля 1964 г. М. А. Горловский скончался.

Недолгая, очень сложная, с успехами и неудачами, жизнь. Прожитая с кафедрой, с факультетом. Автор уверен, что объективный читатель не заподозрит его в предвзятости в изложении фактов. Но, к слову, можно отметить — в изученных документах автор не нашел ни одного грубого, оскорбительного выступления М. А. Горловского. А его оскорбляли многие. Он лишь иногда «взрывался»...

О научной работе историков более подробно написано во второй главе. Здесь лишь отметим, что научные изыскания давались во второй половине 40-х годов с большим трудом. Печатать статьи было практически невозможно, успехов в науке было мало. И университет в научном плане представлял слабые показатели: только 42 % преподавателей имели ученую степень, доктора наук составляли лишь 7 %, за пятилетку не было подготовлено ни одного доктора и только 8 кандидатов наук. Историков среди них не было, они только готовили диссертации.

Поэтому отметим здесь лишь археологов. При этом автор не ставит задачи изучить погодные успехи, обобщить научные результаты. Это святое дело археологов. Тем более, что именно они, в отличие от кафедр и кабинетов, имеют объемный материал по своей деятельности — вполне солидной, перевалившей за 70 лет. В первой части книги упомянуты фамилии преподавателей, которые начинали чтение курса «Археология», проводили первые разведки и раскопки.

В послевоенный период археология прочно утвердилась как теоретическая дисциплина и обязательная практика в учебном

---

¹ Подробно о дискуссии см.: *Черноухов А. В., Пундани В. В.* К дате основания Екатеринбурга. (Эпизод из жизни А. Г. Козлова) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург, 2009. С. 382—394.

процессе. Без всякого преувеличения можно утверждать, что именно в это время у историков начала складываться первая научная школа. Были трудности, общие беды и успехи. Но начало было положено.

Важную роль в этом становлении сыграли Е. М. Берс и К. В. Сальников¹.

На факультете работала

Берс Елизавета Михайловна. Родилась в 1906 г., в г. Юхнове Смоленской губернии. С 1922 г. на Урале, в 1923 г. впервые участвовала в археологических раскопках. После получения среднего образования училась на многочисленных курсах, а также в Свердловском сельскохозяйственном институте.

С 1945 г. — на факультете, долгое время руководила Среднеуральской экспедицией, автор книг и рукописей об археологических памятниках Свердловска и его окрестностей, описала коллекции краеведческого музея. В 1962 г. уехала в Новосибирск, где продолжала археологические исследования Алтая. Умерла в 1981 г. [Архив УрГУ. Приказы. Д. 94. Л. 47—50; Рукописный фонд археологической лаборатории.]

Они пришли на факультет примерно в одно время. В жизненном пути много общего. Например, в 1920—1930-е годы, хотя и на разных маршрутах и в разных географических точках, они постоянно проводили археологические изыскания. Но если К. В. Сальникову удалось получить в то время высшее образование, то Е. М. Берс женщина с нелегкой, временами трагической, судьбой, хотя и постоянно училась, диплом не получила. Данное обстоятельство было непреодолимой преградой в продвижении по служебной лестнице и научном росте.

Именно Е. М. Берс, будучи вновь принятым сотрудником факультета, в августе 1945 г. провела в районе Верх-Исетского пруда археологическую экспедицию с участием студентов. А осенью того же года, пока на общественных началах, был создан кабинет археологии Урала. К концу года он обрел официальный статус, а

---

¹ Автор благодарит сотрудников археологической лаборатории за предоставленные материалы. Возможно, у них иное мнение, но автор склонен отдать первенство Е. М. Берс.

старшим лаборантам Е. М. Берс и В. Н. Вильнер ректорат объявил благодарность¹.

В апреле 1946 г. из г. Чкалова (Оренбурга) приехал в университет К. В. Сальников. И уже 2 июля «для проведения полевых археологических работ» приказом ректора была создана Уральская археологическая экспедиция. Начальником был назначен К. В. Сальников, научными сотрудниками — Е. М. Берс и группа студентов-историков.

Итоги летних раскопок 1946 г. были обсуждены на кафедре и получили название «Археологическое изучение древних памятников в Шадринском районе Курганской области и в Покровском районе Свердловской области»².

На факультете работал

Сальников Константин Владимирович. Родился в октябре 1900 г. в Самаре. Окончил высшие этнолого-археологические курсы, в 1923—1928 гг. работал в археологических экспедициях. В 1928—1930 гг. учился в МГУ, в 1933—1935 гг. — в аспирантуре в Академии материальной культуры. Далее работал в Самарском архиве, Челябинском музее, не прекращал археологическую деятельность, начал публиковать научные труды.

В университете с 1946 г. Организовал стабильные археологические экспедиции и руководил ими 15 лет. В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию. «Южное Зауралье во II—I тысячелетиях до н. э.». Читал курсы археологии и этнографии, автор книг и статей о древней истории Урала. Освобожден от работы с объявлением благодарности ректора 8 октября 1960 г. «как избранный по конкурсу старшим научным сотрудником Башкирского филиала АН СССР. Умер в 1966 г. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 285. Л. 47—50; Рукописный фонд археологической лаборатории.]

Работа археологической экспедиции стала ежегодной. Оформились два постоянных отряда. Один, под руководством

---

¹ Архив УрГУ. Приказы. Д. 96. Л. 53.

² Там же. Д. 99. Л. 78; Научная часть. Д. 20. Л. 107.

Е. М. Берс, работал на территории Среднего Урала, второй, под руководством К. В. Сальникова, осваивал громадные территории Южного Урала, Башкирии, Зауралья. Оформилось солидное фондохранилище, были налажены творческие связи с коллегами, в том числе из Казани и Москвы. Свердловские археологи были активными участниками первого общеуральского совещания, прошедшего в апреле 1947 г. в Перми. Регулярно публиковались статьи, научные книги, т.е. сложилась уральская археологическая школа, чьи достижения получили признание на всесоюзном уровне. А в «житейском» плане у студентов появилось новое серьезное увлечение — «покопать культурный слой» изъявляли желание не только филологи, но и физики, биологи, математики.

А критиковали археологов только в одном направлении — мало повышали идейно-политический уровень. Но и на этом участке работы они исправлялись. Например, К. В. Сальников не только успешно прошел обучение в вечернем университете марксизма-ленинизма, но и «неоднократно выступал с докладами на тему «Вопросы изложения первобытного общества в свете трудов т. Сталина и достижений советской науки» и даже «Значение работ товарища Сталина по языкознанию для изучения раннего периода истории»¹.

1.3. Деканы. Громкий скандал. Итоги пятилетки

Конец 1949/50 учебного года обернулся для факультета большим скандалом. Придется и автору закончить эту главу не на веселой ноте. Для начала — предыстория случившегося и проблема «космополитизма».

Назначенный 28 сентября 1945 г. деканом доцент-филолог Л. С. Шептаев не желал работать в Свердловске, до полугода находился в командировках в Ленинграде, а в январе 1947 г. добился своего — министерством был переведен на работу «в другой город». Хотя партбюро университета констатировало, что «такое поведение Шептаева свидетельствует о бессовестном его отноше-

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп 2. Д. 823. Л. 138.

нии к интересам государства и университета»¹, вынуждено было смириться со случившимся. Факультет остался без декана.

Факультетом руководил

Шептаев Леонид Семенович. Родился в 1902 г. в дер. Полдней Пермской губернии. В 1926 г. окончил филологический факультет Пермского университета, преподавал в вузах Абакана и Ленинграда. С 1945 г. — декан историко-филологического факультета, в 1947 г. уехал в Ленинград, умер в 1990 г. [Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 292.]

Подбор новой кандидатуры был недолгим. Самой знаковой фигурой в то время являлся В. В. Адамов. Он и возглавил факультет. Тяжелейшее увечье, полученное на войне, всю жизнь не давало этому человеку в полную силу реализовать свои возможности.

Факультетом руководил

Адамов Владимир Васильевич. Родился 16 января 1914 г. в г. Миценке Орловской губернии. В 1938 г. поступил на исторический факультет СГУ. В начале Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. В июле 1942 г. после тяжелого ранения вернулся в университет. Был секретарем партийного бюро вуза. С 1944 г. работал в должности старшего преподавателя кафедры истории СССР. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Горнозаводская промышленность Урала в годы Первой мировой войны». С 1956 г. — доцент, в 1966—1974 гг. возглавлял кафедру истории СССР. Умер в 1985 году. [Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 200.]

В. В. Адамов принял должность. Но работать на этой беспокойной службе было, конечно, сложно. К этому необходимо добавить громадную общественную работу в партбюро университета, учебную нагрузку, написание кандидатской диссертации. В. В. Адамов выдержал. Но как только появилась возможность

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 58; Д. 95. Л. 120.

передать факультет другому человеку, он сделал это. Новым деканом стал Н. М. Катериночкин.

Факультетом руководил

Катериночкин Николай Михайлович. Родился в 1900 г., в 1920—1926 гг. — в Красной армии, член партии с 1923 года, окончил институт и аспирантуру. В 1934 г. командирован в Свердловск в областной отдел народного образования, с 1938 г. — преподаватель педагогики пединститута, с 1944 г. — и.о. зав. кафедрой педагогики университета, 22 мая 1947 г. в академии педагогических наук защитил кандидатскую диссертацию, а 15 сентября назначен деканом. Освобожден от должности 10 июня 1950 г., а в сентябре, на основании приказа министерства, уехал в Калужский пед-институт. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 68; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111. Л. 63—64.]

Он приехал в Свердловск в 1934 г. Ко времени назначения деканом, имел степень кандидата наук, звание доцента, занимал должность заведующего кафедрой педагогики. На университетском уровне он сразу утвердился как активист-общественник, педагог-учитель. Об этом свидетельствуют выступления на партийных собраниях. Представим цитатой только одно, одновременно и торжественно-патетическое, и поучающее:

«Педагогика давно работает над созданием идеального учебника для советской школы. Товарищ Сталин дал образец такого учебника. «Краткий курс» — это изложение основ марксизма-ленинизма и история партии. Марксизм-ленинизм может быть понят только в неразрывной связи с практикой, которой является исторический опыт нашей партии. Это сочетание — единственно верное и политически, и педагогически.

История нашей партии — это марксизм-ленинизм в действии. Задача нашего преподавания истории ВКП (б) — сделать так, чтобы учебник не только учил, но и формировал мировоззрение молодежи, учил мыслить научно, диалектически.

Этот учебник мы имеем. Товарищ Сталин дает в нем совершенный кругозор, выясняет взгляды на все общественно-политические категории. Учебник товарища Сталина учит решать

все вопросы в перспективе общественного развития, показывает категории диалектики на животрепещущих вопросах истории. Учебник товарища Сталина — воспитатель. Он зажигает революционную страсть, сочетая эту страсть с научной объективностью, трезвостью мысли.

Каждая глава курса закончена. Между главами — железная логика. Введение и заключение дают стержень книге. Ясность изложения, плана — необычайно ясны. Книга товарища Сталина — образец научной глубины, точности в соединении с ясностью.

У нас часто диссертации пишутся на научно-естественные темы каким-то птичьим языком, взвинченным, профессионально-узким жаргоном. На этом же языке изъясняются и оппоненты. У Сталина надо учиться ясности, логике мысли, четкости и простоте языка»¹.

В выступлениях в прениях на партсобраниях после вступления в должность декана прослеживается иная картина — ярко проявилась его жесткая партийность, непримиримость даже к мелким недостаткам. Стали оформляться личностные неприязни и обобщения к коллегам как университета, так и факультета. Еще две цитаты. Они объемные, но необходимые. Н. М. Катериночкин часто говорил: «Критиковать надо научиться смело, без стремления принести вред, критика должна быть бережной».

На деле выходило по-иному. Вот его слова: «В своих выступлениях ни Мильнер, ни Коган и Козьменко не показали себя настоящими коммунистами. Мильнер расплакался, что статья в «Уральском рабочем» задела его самолюбие, он был убит и не мог работать. Разве так может рассуждать настоящий марксист? Когда людей критикуют, они должны принимать эту критику и работать еще лучше. В своем выступлении Вы оправдывали свою плохую работу болезнью. Причем здесь болезнь? Здесь на собрании Вы должны были рассказать нам о другой болезни — о космополитизме. Мы от Вас ждем проявления высшей формы партийности, а Вы своим трудом и поведением не оправдываете этого. Пока Вы не дали анализа своих ошибок, мы не верим Вам, что Вы будете хорошо работать»².

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 94. Л. 11.

² Там же. Д. 102. Л. 122.

«Ректорат медлил с увольнением преподавателей-космополитов потому, что не изучена была достаточно их работа. Якобсон был человеком больным, этим и объясняется некоторая мягкость моей критики.

На кафедре всеобщей литературы отсутствовала критика и самокритика, процветала семейственность. Последняя стенограмма лекции т. Давидович говорит о том, что уроков из критики на Ученом совете факультета она не извлекла. Стенограмма по лекции т. Горловского будет обсуждаться. Эта лекция недостаточно научна и имеет невысокий идейный уровень. Во вводной лекции по истории XIX в. тов. Горловский не показал приоритет русской культуры, нет в лекции национальной гордости, нет показа борьбы с космополитизмом.

В прошлом учебном году была застенографирована лекция доцента Виноградова. Четыре месяца Виноградов правил эту лекцию. И что же? Лекция не является научной, не говоря уже о том, что в ней очень мало правильно построенных предложений.

Историко-филологический факультет сейчас укреплен преподавательским составом, но недостатков в работе еще много... Мы будем бороться за производственную дисциплину, за строжайший порядок. Самое слабое звено — идейно-политический уровень развития»¹.

Особо сложные отношения сложились у Н. М. Катериночкина с М. А. Горловским. При приеме последнего в партию он говорил: «Прием в партию большая школа, мы сегодняшними прениями показали серьезность подхода к этому вопросу, и наука другим. Я не совсем согласен с тов. Чуфаровым относительно того, что кандидатом партии можно быть только 1 год. Если в этом есть необходимость, то дается отсрочка на семестр. Сегодня мы принимаем в члены партии зав. кафедрой истории СССР и мы должны предъявить ему высокие требования, проверить его готовность к вступлению в члены партии и если он еще не готов, то продлить на некоторое время его кандидатский стаж на семестр. Тогда уже спокойно примем в члены партии.

Говоря о том, что т. Горловский является чуть ли не самым крупным специалистом на Урале, Г. И. Чуфаров делает ему

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 104. Л. 3.

плохую услугу, т.к. он явно переоценивает его, хотя это дело новое и Горловский тут пионер. У нас на Урале имеются и более крупные специалисты, нежели т. Горловский. Т. Горловский не смог поставить учебный процесс на достаточную высоту. На партсобрании отделения я предлагал отложить пока прием т. Горловского в члены ВКП (б) на один семестр, чтобы за это время он смог проявить себя на учебной работе, так же, как он проявил себя неплохо на научной и общественной работе»¹.

Через год, когда разбирались прошлые провинности М. А. Горловского, Н. М. Катериночкин на партсобрании был еще более жестким: «Когда незаконное получение дипломов происходило, я не работал в университете, узнал об этом примерно с год тому назад, причем по слухам, которым мы не придавали значения... Горловский выступал здесь неискренне. Как подбирались кадры на кафедру истории СССР? Тов. Горловский взял к себе на кафедру Финкельштейна — работника хозчасти, Гадашевич — плановика. Эти люди были уволены из университета без согласия на то Горловского. Приятельский подход к людям, семейственность характерны для Горловского. Система у т. Горловского — поставить студентам отлично там, где есть хоть малейшая возможность приятельских отношений. Установка не партийная, а личная»².

Многочисленные публичные выступления Н.М. Катериночкина и дискуссии привели к появлению недоброжелателей. Им также очень хотелось покритиковать декана. Но нужен был повод. И он представился. С высоты сегодняшнего дня — повод курьезный, но на дворе был 1949 год. Год, когда всей страной начали бороться с космополитизмом.

Статью в газете «Правда» от 28 января 1949 г. «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», статьи от 29 января в «Литературной газете» и от 31 января в газете «Культура и жизнь» принято считать началом идеологической компании, которая вошла в историю как борьба с космополитизмом. Она имела глубокие корни, вызревала с 1946 года. Сразу отметим, что в нашу

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 102.

² Там же. Д. 102. Л. 122.

задачу не входит объемное изучение этой шумной пропагандистской компании против антипатриотов¹.

Разочаруем особо нетерпеливых и жаждущих «жареных» фактов читателей — не будет гневных слов осуждения в адрес всех, кто участвовал в этой компании. Будут представлены только документы. Да и домыслы, мифы, вымыслы исследователей и воспоминаний, которые заслоняют историческую реальность при выяснении личных отношений, приводить также нет смысла. Жаркие собрания и дискуссии по этой проблеме, которые состоялись на других факультетах университета также не будут затронуты. Автор их изучал, но считает неэтичным предавать материалы гласности. Об этом должны писать другие. Цитируются лишь общеуниверситетские документы, которые связаны с историками.

И все-таки отметим один момент — очень трудно определить точную дату, когда в поступках некоторых историков (и, естественно, в их трудах) стало выражаться не убеждение, а та или иная позиция, диктуемая властью. Но можно предположить, что окончательно это явление сформировалось в первое послевоенное десятилетие. Не изменилось оно, увы, и в последующие десятилетия, не является исключением и конец XX — начало XXI вв. Позиция многих историков меняется в зависимости от изменений господствующей идеологии...

На протяжении почти 20 последних лет стало модным явление — любой «уважающий себя» выступающий по любому вопросу не преминет без всяких доказательств вернуть фразу (всегда видоизменяющуюся, но суть одна): «так делается во всех передовых цивилизованных странах». И одновременно, как требует власть, рассуждает о патриотизме, уважении к своей стране. Не последует ли повторение событий 60-летней давности...

Тогда критикой театральных деятелей события не закончились. Борьба перекинулась на другие сферы культуры, науки, общественной жизни. В ней участвовали лица всех национальностей. И космополитами могли стать люди любой национальности. Вес-

---

¹ Подробно и, с нашей точки зрения, объективно события изложены в кн.: *Костырченко Г. В.* В плену красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994; *Кожин В.* Россия. Век XX (1939—1964). М., 2002.

ной 1949 г. эта борьба докатилась и до исторической науки, конкретных историков. В нашей отрасли науки лидерами необходимо признать МГУ и Институт истории АН СССР. С 24 по 28 марта 1949 г. здесь велась дискуссия. Так, с докладом о борьбе с буржуазным космополитизмом в МГУ выступил декан факультета профессор Г. А. Новицкий. В прениях участвовало 25 человек, в их числе профессора А. С. Ерусалимский, Е. А. Косминский, Н. Л. Рубинштейн, доценты Е. Н. Городецкий, С. С. Дмитриев, А. Л. Сидоров¹.

В Уральском университете также разворачивалась борьба. 22 марта 1949 г. партбюро констатировало, что «работа по разоблачению реакционной сущности буржуазного космополитизма на основе опубликованных материалов в «Правде» и «Культуре и жизни» в университете в основном проводится правильно, но еще элементы космополитизма в преподавании учебных дисциплин не вскрыты»².

Было принято решение провести расширенные заседания Ученых советов факультетов. На историко-филологическом факультете совет еще не функционировал, поэтому в апреле 1949 г. состоялось партийное собрание. Докладчиком был Н. М. Катериночкин. К великому сожалению сохранность факультетских документов заседаний партбюро и партсобраний за послевоенный период оставляет желать лучшего. Нет в документах доклада декана, протокола заседания. Поэтому сложно сегодня установить критерии определения в «формалисты», «антипатриоты», «космополиты». Непонятно, например, какие «были вскрыты космополитические ошибки у преподавателя кафедры истории СССР тов. Гадашевич»³. Ясно лишь одно — попасть «под порку» мог любой человек, любой национальности.

Вот, к примеру, 15 сентября 1949 г. на ученом совете «критике подверглись лекции доцентов Горловского и Виноградова за апо-

---

¹ См.: Вопросы истории. 1949. № 3. С. 152—155; Летопись исторического факультета МГУ (1934—1994 гг.). Авторы не указали выходные данные книги. Примечательно, что в «Вестнике Московского университета», посвященном 70-летию исторического факультета (2004, № 2) об этом событии вообще нет ни слова.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 105. Л. 33.

³ Там же. Ф. 161. Оп. 15. Д. 357. Л. 147.

литичность, некритическое отношение к источникам и пр.»¹. В итоге в годовом отчете за 1949 год зафиксировано: «В истекшем учебном году основное внимание и совета факультета, и кафедр, и общественных организаций факультета было сосредоточено на повышении идейности во всей работе, на воспитании у студентов советского патриотизма, на борьбе с космополитизмом и буржуазным объективизмом»².

Да и руководство университета представило отчет в вышестоящие органы: «За отчетный период партийной организацией и ректоратом проведена значительная работа по разъяснению сущности буржуазного космополитизма среди студентов и преподавательского состава»³. В целом за 1949 год («не беря во внимание» моральные потрясения) историки, за исключением К. Б. Гадашевич, потерь не понесли. Но, видимо, очень многим хотелось продолжения «жарких споров».

...В начале ноября Н. М. Катериночкин, выполняя служебные обязанности, присутствовал на лекции молодого преподавателя. В неофициальной беседе на кафедре лекция была признана слабой. На оправдание преподавателя о том, что «по теории фельетона нет никакого материала», декан рекомендовал ему несколько фамилий авторов фельетонов, ранее печатавшихся в «Правде», в том числе троцкистов.

Преподаватель удивился. И в порыве запальчивости, ссылаясь на В. И. Ленина о том, «что можно иногда учиться и у врагов и побеждать их», декан сказал, что необходимо изучать газетный материал, хранящийся в архивах, а «кое-чему нужно учиться и у врагов народа». Этот факт беседы мгновенно стал достоянием «общественности». И, естественно, предметом обсуждения на партийном бюро университета. Это не удивительно. Были, например, такие факты: научный руководитель дипломной работы, прочитав замечания рецензента, мог громогласно заявлять студенту: «вопиющий зажим самокритики, иди в райком, горком». И его не оста-

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 817. Л. 36.

² Там же. Д. 823. Л. 67.

³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 15. Д. 357. Л. 146—147.

навливали замечания коллег о том, что «он является преподавателем и невыдержанных поступков не должен совершать»¹.

Очень часто критика строилась на личной неприязни. Повторимся — многие партийцы в то время, минуя партком, райком, горком, сразу писали в обком и даже в ЦК партии. Это квалифицировалось вполне точно: «простой душок склочности»².

Заседание партбюро прошло в жесткой, но относительно спокойной форме. Секретарь Ошивалов, например, отметил: «Необходимо сказать, что тов. Катериночкин безусловно допустил грубейшую политическую ошибку, рекомендуя пользоваться фельетонами Кольцова и Сосновского в качестве как бы критической формы фельетона... тов. Катериночкин заслуживал бы серьезного партийного наказания. Но я считаю, что это сказано было Павловскому несознательно, и, учитывая, что т. Катериночкин Николай Михайлович, является членом ВКП (б) с 1923 года и за время пребывания в партии не имел партийного взыскания, считал бы тов. Катериночкину сделать на партбюро строгое предупреждение о недопустимости подобного рода нелепиц».

Не менее строго осудил декана и ректор университета Г. И. Чуфаров: «Я считаю, что т. Катериночкин действительно допустил политическую ошибку. Нельзя такие вещи говорить, мы имеем значительный, богатейший опыт работы во всех областях науки и культуры, и брать что-то из арсенала врагов, и тем более у троцкистов, это просто недопустимое нелепие. Считаю, что будет достаточным сделать строгое предупреждение».

Мнение «о недопустимости подобного явления», о том, что «нельзя безответственно ссылаться учиться у врагов троцкистов как лучше писать фельетон», поддержали все члены партбюро. И вынесли следующее постановление: «Обсудив вопрос об антипартийном поступке члена ВКП(б) с 1923 г. т. Катериночкина Николая Михайловича, допустившего в беседе со старшим преподавателем кафедры советской печати т. Павловским рекомендацию чтения фельетонов врагов народа Кольцова и Сосновского, партбюро считает, что т. Катериночкин допустил грубую политическую ошибку, недопустимую для члена ВКП (б).

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 132. Л. 140.

² Там же. Д. 110. Л. 136.

Партбюро решило строго предупредить т. Катериночкина Н. М. о недопустимости подобных явлений и в случае повторения подобных явлений т. Катериночкин Н. М. будет привлечен к строжайшей партийной ответственности»¹.

Все, казалось бы, закончилось строго, но, в конечном итоге, спокойно. Но кому-то очень хотелось продолжения и «до конца искоренить...», «покончить с...», «вырвать с корнем...». В воспоминаниях крупнейшего ученого Д. Лихачева об обстановке в научной среде второй половины 40-х годов приведена, на наш взгляд, совершенно точная фраза: «Проработки» являлись гласным доносительством, давали свободу озлобленности и зависти. Это был шабаш зла, торжество всяческой гнусности... Это было своего рода массовое душевное заболевание, постепенно охватившее всю страну. Люди не стыдились быть стукачами. Даже намекали на свою особую власть»².

Кстати, Д. Лихачев не обходит в воспоминаниях «острые углы». Приводя примеры «проработок», он уверенно и честно называет всех организаторов «проработок» и обвинителей по фамилиям. Одновременно поименно отмечены и защитники «обвиняемого». Немногие решаются на такие исследования, даже в форме воспоминаний.

В нашем случае не найдено точных сведений о том, кто написал заявление в обком партии. Заявление, в котором утверждалось, что мера наказания Н. М. Катериночкину вынесена слишком мягкой. Обком потребовал провести новые изыскания, была создана комиссия, работала она более четырех месяцев.

После решения партийного бюро и известия о том, что довольные наказанием преподаватели вбросили информацию о случившемся в обком партии, отношение к Н. М. Катериночкину — человеку и декану — кардинально изменилось. Особенно ярко это проявилось во время внеплановой проверки факультета в апреле 1950 г. — перечисление успехов коллектива уложилось в один абзац. У историков отмечено качественное чтение лекций И. Н. Чемпаловым, пропагандистская и общественная работа, «любовно

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 105. Л. 110—112.

² Лихачев Д. Воспоминания. М., 2007. С. 352.

оборудованный кабинет археологии» и ... практически все. Далее следовали недостатки, недочеты, упущения.

Перечислено очень много, с примерами и без них. Главный недостаток — низкий научно-педагогический уровень преподавательского состава. Заведующий кафедрой истории СССР пребывает «в самоуспокоении и самоутешении», а лекции читаются на низком уровне, план научно-исследовательской работы есть, но нет реальной научной продукции. В качестве примера был выбран молодой преподаватель — А.В. Дружкова. Ее лекцию «записывали 7 человек, остальные занимались каждый своим делом, а тов. Дружкова на это не обращала внимания, так как была прикована к конспекту».

Не лучше отзыв и о коллегах: «кафедра всеобщей истории не глубоко занимается теоретическими и методическими вопросами преподавания, ничего не сделано для пополнения учебными пособиями и наглядным материалом, качество дипломных работ оставляет желать лучшего, научной продукции мало». В качестве «слабого звена» здесь оказался С.Г. Лившиц — отмечалось, что его «бормотание на лекции трудно осваивается студентами».

Да и студенты «хороши» — регулярные опоздания, «заходят в аудитории, где занятия уже давно начались», курсовые работы пишут плохо, не имеют планов самостоятельной работы.

Естественно, итогом проверки стали нарекания в адрес работы деканата и руководителя. Здесь «бюрократизм пронизывает все сверху донизу», а между кафедрами и преподавателями постоянные склоки, критика — хорошее дело, но критиковать надо правильно». Заключение совсем конкретное и строгое: «Кружится голова от некоторых успехов на историко-филологическом факультете. Катериночкин и некоторые другие возомнили о себе, о своей собственной непогрешимости. Катериночкин, забывая о скромности, поучает всех и вся, делает все, чтобы замазывать свои недостатки... Он правильно критикует, но часто перегибает в своих выступлениях. Как старый коммунист, он должен учить и показывать пример»¹.

События стремительно развивались. В итоге оформилось дело. К слову заметим, что пока оно изучалось, Н. М. Катериночкину, в

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 110. Л. 13—32.

связи с 50-летием, ректор объявил благодарность¹. Декан оказался совсем плохим человеком, а партбюро «нужных выводов не сделало». Ему припомнили, что в 1937 г. он имел выговор за «неразоблачение врагов народа», его лекции «критиковали в горьком партии, он не сделал выводов», что «допускает зазнайство и политическую неграмотность», в дискуссии о моральном облике советского студента сказал фразу — «она прижила ребенка», «создает склоки на факультете», «уже давно потерял авторитет среди студентов», «некоторые преподаватели заявляют, что не хотят работать с Катериночкиным» и многое другое².

Ждали партийного собрания. Как отреагирует главный орган организации на подобные факты? Оно состоялось 6 июня 1950 года. Сразу отметим, что защитные слова из выступлений преподавателя Шептева о том, что «фраза Катериночкина объективно пропагандирует троцкизм, но это было сделано бессознательно» и Ф. П. Быстрых — «если бы т. Катериночкин сознательно толкал бы т. Павловского на путь пропаганды троцкистской литературы, решение бюро было бы гораздо серьезнее. Его бы расценили как врага народа» не были приняты собранием. Оно пошло по иному пути.

Б. С. Коган, журналист, заявил: «У Катериночкина имеется очень много недостатков и как преподавателя, и как декана, которые привели к этому политическому преступлению. Он не первый раз делает ошибки или неправильные заявления».

Г. И. Курсанов, преподаватель кафедры психологии, еще хлеще: «Катериночкин за 29 лет пребывания в партии не научился, как надо отвечать за свои поступки, он много раз допускал неправильные заявления, толкал тов. Павловского на путь популяризации троцкистов-фельетонистов, на путь пропаганды их взглядов». Он напомнил собранию, что Н. М. Катериночкин публично говорил о том, что маршал Г. К. Жуков был снят с постов «не за грамматические ошибки», а за ряд военно-политических ошибок. Прозвучало и обвинение — «О снятии Жукова в обкоме был информирован узкий круг людей, почему же Катериночкин выносит на

---

¹ Архив УрГУ. Д. 45. Приказ № 186 от 20 мая 1950 г.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 110. Л. 111—114 и др.

широкую публику. Кто дал ему право разглашать партийные тайны?»¹.

Сугубо личную обиду высказал и крупный ученый М. Т. Иовчук: «Катериночкин мне мстит, так как я вскрыл, что он протаскивает троцкизм. Я ставил вопрос в обкоме и горкоме партии, все это Катериночкину не нравится и он начал поход на меня»².

Своеобразный итог выступлениям подвела преподаватель кафедры философии А. Ф. Козьменко: «Катериночкин беспринципен, его политические знания не глубоки. Он не думает, что говорит, приводит недопустимые примеры о выдающихся деятелях партии как анекдоты о Крупской — «от ее бесед я уходил от нее как из бани»³...

В общем, «топили баню многие», попарили одного. В «предбанник» Н. М. Катериночкин вышел с выговором с занесением в учетную карточку и «невозможностью работать деканом». А 10 июня 1950 г. появился и приказ — освободить от должности «вследствие допущенных политических ошибок». Думаю, что читатели понимают, что с такой формулировкой в трудовой книжке новую работу найти было сложно. Но, к чести руководства вуза, а возможно, и по иным причинам, эта тяжелая фраза все-таки исчезла. Н. М. Катериночкин был направлен в распоряжение министерства и, видимо, продолжил работу в Калужском пединституте.

Исполнение обязанностей декана было временно возложено на Ф. И. Сурина⁴. В предыдущей книге представлена некоторая характеристика этого преподавателя. Вынуждены дополнить, что и в послевоенный период он остался очень сложным человеком, фатально не мог наладить нормальные, творческие отношения в коллективе. Если с начала 1952 г. компания борьбы с космополитизмом в стране пошла на убыль, то историки не собирались останавливаться. Так что весь факультет, а особенно историков, ждали новые суровые будни. А во времена, когда существует патологическая страсть ссориться, когда все воюют со всеми, общий психо-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 110. Л. 111.

² Там же. Д. 111. Л. 68—69.

³ Там же. Д. 110. Л. 115.

⁴ Там же. Д. 122. Л. 19.

логический климат не может не отразиться на работе. Она, увы, продвигалась плохо.

Переведем дух перед предстоящими баталиями... Подведем общие итоги работы коллектива в пятилетку.

Первая послевоенная государственная комиссия 1946 г. работала в два этапа — сначала проходила защита дипломной работы, далее следовали экзамены по основам марксизма-ленинизма и отечественной истории. Выпуск был скромным в количественном отношении. Все испытания выдержали 14 человек. Диплом с отличием, квалификацию научного работника, преподавателя высшей и средней школы получили 3 выпускника — О. Е. Вайнер, Э. А. Попова, Г. С. Тальская. Еще 9 человек (в их числе В. А. Плотицкий) также удостоились вышеотмеченной квалификации, только у двух в дипломе была более краткая запись — «преподаватель средней школы»¹.

Председатель государственной экзаменационной комиссии, профессор А. П. Георгиевский, заведующий кафедрой языкознания и русского языка, закончил отчет оптимистично: «студенты ... показали себя зрелыми людьми, усвоившими основы советской науки». А всем коллегам-преподавателям пожелал «всемерного усиления внимания к воспитательной работе». К месту пришлась и цитата из Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»: студент, заканчивающий университет, должен быть «бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия»².

В годы четвертой пятилетки историческое отделение окончили 107 студентов. Не найдены все сведения о людях, которые получили дипломы с отличием. Итоговые данные выглядят следующим образом:

Год	Дневное отделение	Заочное отделение	Всего
1946	14	—	14
1947	Выпуска не было		
1948	24	4	28

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 89. Л. 52—53.

² Там же. Д. 89. Л. 58.

1949	20	9	29
1950	32	4	36
Итого	90	17	107

В изучаемый период истории очень скромно отметили юбилейную дату. В 1948 г. — десятилетие. В прессе отмечалось, что «это самый большой в университете факультет. По числу студентов он превышает все остальные факультеты вместе взятые»¹. Ректор подписал праздничный приказ, участникам торжественного вечера зачитали много приветственных писем и телеграмм. Завершились торжества концертом артистов театрального института и консерватории. А гроссмейстер И. А. Болеславский, выпускник факультета, провел сеанс одновременной игры на 25 шахматных досках.

Выше было отмечено, что с 1945 г. в университете начала функционировать заочная форма обучения. Появились и историки-заочники. В число студентов были приняты в основном люди, которые уже учились в вузе, по объективным причинам прекратили занятия и возобновили их по новой форме. Всего было принято 117 человек: на физмат — 40, историков — 32, филологов — 45. К этому надо добавить 105 журналистов, учившихся на экстернате². Всего 3 штатных сотрудника обеспечивали организацию учебного процесса.

В 1948 г. первые 4 историка-заочника получили дипломы высшего образования: секретарь Чкаловского райкома ВЛКСМ А. И. Холмогоров, инженер-экономист В.Э. Руге, инструктор по физкультуре «Уралмаша» М. А. Резник, диспетчер Верх-Исетского завода Г. В. Мокроносов³. Очень сложная судьба сложилась у Вольфганга Руге. Он был активистом антифашистского объединения молодежи. Ему удалось уехать из Германии в Москву, к лету 1941 г. закончить два курса МИФЛИ. Далее он был депортирован в Казахстан, а позднее в составе трудармии работал в Сосье Свердловской области. Сохранив зачетную книжку, преодолевая трудности, все-таки поступил на заочное отделение УрГУ, полу-

¹ Сталинец. 12 октября 1948 г.; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 96. Л. 171, 174.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 7. Л. 29.

³ Сталинец. 19 апреля, 31 мая 1948 г.

чил диплом историка. С 1956 г. — в Берлине, стал известным ученым. О судьбе В. Руге есть публикации, материал в университетском музее.

Наборы на историческую специальность были постоянны, в отдельные годы даже был конкурс на вступительных экзаменах. Приходили учителя школ, советские и партийные работники, военнослужащие. Сессия проходила в летние месяцы, а с 1946 г. студентов на 10 дней собирали и зимой. Но заканчивали обучение немногие... Сложность совмещения работы с обучением, крайне малое обеспечение учебно-методической литературой, отсутствие общежитий, слабая подготовка преподавателей, при этом повышенная требовательность на экзаменах были, наверное, главными причинами большого «отсева» студентов. Штат преподавателей заочного отделения был весьма своеобразен. Это были сторонние люди — совместители, те, кто желал подработать. Преподаватели стационара практически не вели занятия на «заочке». Более десятилетия потребовалось для того, чтобы переломить это негативное явление. В итоге в 1948—1955 гг. заочное отделение окончили лишь 68 историков.

В 1953—1955 гг. проректор по заочному отделению В. В. Адамов (более 5 лет он возглавлял этот тяжелейший участок работы) постоянно констатировал: в университете до сих пор не изжит взгляд на заочное отделение как на второстепенную форму подготовки специалистов; еще XIX съезд партии дал директиву о том, что необходимо дальнейшее развитие заочных и вечерних высших и средних специальных учебных заведений; надо принять за правило, что преподаватель, ведущий курс на стационаре, должен вести его и на заочном отделении¹. Но сменившая В. В. Адамова в 1956 г. на посту проректора А. Ф. Козьменко вынуждена была повторить: на заочном отделении 300 студентов — историков, филологов, математиков, биологов, физиков, журналистов, но очень плохо с литературой, ставки преподавателей на заочном отделении мизерные, материальной базы нет, библиотеке денег на заочников не отпускается, «у меня нет даже стола»... А в планах 1956 года намечалась новая высота — открытие вечернего отделения. Здесь будут также долгие мучения. Об этом напишем в следующем разделе книги.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 4; Сталинец. 22 января, 10 июня 1953 г.

Глава 2.

ОБШИРНЫЕ ПЛАНЫ И СКРОМНЫЕ ИТОГИ

2.1. Дела житейские, учебные, научные

В начале главы напомним читателю, что в нашей стране начиная с 20-х годов XX в. установилась традиция составления пятилетних планов. Накануне новой пятилетки все учреждения и предприятия также составляли планы. Нормальная традиция. И ругать ее нет необходимости. В конечном итоге, все люди что-то планируют. Но при этой работе необходимо соблюдать одно условие — составленный план должен быть предельно реальным, с учетом возможностей. В противном случае на всех этапах его выполнения возникнут трудности, а при составлении отчетов потребуются усилия и ухищрения по объяснению причин появления «лукавых» цифр и обязательств.

В 1950 г., во время обсуждения директив развития народного хозяйства СССР на очередную, пятую пятилетку, ректорат и партийная организация составили план развития университета. Они предложили партийному собранию, в числе других вопросов, обсудить и принять решение по важнейшим проблемам. Их озвучил проректор по научной работе М. Н. Альбов. Выделим главное: «Имеется настоятельная необходимость в плане развития Уральского университета. Мы не можем далее оставаться в трех зданиях, непригодных к учебному процессу в высшей школе. Мы не можем далее терпеть, чтобы наше студенчество продолжало жить по углам на частных квартирах»¹.

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 133. Л. 63.

Заручившись поддержкой партийного собрания, ректорат возбуждал ходатайство во всех вышестоящих органах о строительстве нового университета. Разбор дела длился три года. В конечном итоге министерство отказало в финансировании. Мотивировка отказа была проста: «другие университеты в стране имеют еще худшую площадь и в первую очередь приходится ими заниматься»¹.

Тяжелое решение. Но министерство «подсластило пилюлю» — определило финансирование строительства общежития на 400 мест (его возведение началось в 1954 г. — Чапаева, 16). И пообещало выделить деньги на строительство дома для преподавателей и сотрудников. Обещания были выполнены. Хотя оба объекта вводились в строй длительное время, но в конечном итоге, дом и общежитие университет получил.

В начале 1951 г. руководство факультета представило в ректорат не менее грандиозный план-проект «местного масштаба» (и расчеты к нему) по строительству специального здания исторического факультета. На его материальной базе (также с расчетами) предполагалось даже открыть юридический факультет².

Но этим мечтам не суждено было сбыться. Хотя проблема разукрупнения факультета неоднократно ставилась в изучаемый период. Особенно упорно этого добивалась А. В. Жаркова. Приведем фрагмент ее выступления на партийном собрании университета: «Нельзя хорошо руководить факультетом при таком разнообразии отделений, надо избавиться от подобного комбината. Все соглашались, что решать этот вопрос нужно, но никто не принимает нужных мер, не ходатайствуют перед министерством». Немного неверно говорил декан — не «все соглашались». Ректор не соглашался, он четко заявлял: «Считаю нецелесообразным разукрупнять историко-филологический факультет, ибо он не так уж велик»³.

Грандиозных планов было много. Но перейдем к анализу более «земных», касающихся учебной и научной работы, бытовых условий, отдыха студентов, взаимоотношений в коллективе.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 137. Л. 23—24.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 823. Л. 219—220.

³ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 133. Л. 89; Д. 135. Л. 26—30.

В начале 1950/51 учебного года число студентов факультета выражалось в следующих цифрах¹:

Отделения	Количество студентов по курсам					
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	Всего
Историческое	25	38	26	42	41	172
Филологическое	50	71	65	30	65	281
Логике и психологии	25	23	19	44	—	111
Журналистики	50	51	48	44	40	233
Всего	150	183	158	60	146	797

Анализировать таблицу нет смысла — историки явно проигрывали в количественном отношении всем отделениям (отделение логики и психологии уже в 1954 г. прекратит существование). И все попытки увеличения приема на отделение до 1954 г. заканчивались провалом. С этого года набор был определен в 50 человек.

Напомним, что в феврале 1950 г. историко-филологический факультет переехал в свое прежнее здание на ул. 8 Марта, 62. Были отремонтированы 4 из 6 этажей. Казалось бы, наступили новые времена, можно разворачивать лаборатории, кабинеты, кафедры. Но фактического улучшения не произошло. Дело в том, что во вновь обживаемом здании 4 и 5 этажи были оборудованы под общежитие. 320 человек получили «крышу над головой». Маловато. Да и условия проживания лишь немного улучшились. В мужских комнатах на человека приходилось не более 2,5 кв. м. жилой площади. Не хватало самого необходимого в быту: прачечной, места для сушки белья, утюгов, чайников, аптечки. Регулярно выходил из строя титан — не было горячей воды, на два года растянулась работа по созданию элементарного буфета. Общую картину быта образно отразил секретарь партбюро факультета, доцент В. В. Кусков: «Пока остается здесь общежитие, порядка у нас не будет. Уберем — и не увидим пьяных горняков, которые ходят по этажам и врываются в комнаты девушек. Когда в комнатах холодно, в аудиториях холодно, это действует на психику студентов и разбалтывает их»².

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 823. Л. 226.

² Там же. Д. 13. Л. 54.

Положение не улучшилось и в 1953 году. Декан А. В. Жаркова на заседании ректората сетовала: «учебное здание историко-филологического факультета очень перегружено. В этом здании проводятся учебные занятия двух факультетов, заочного отделения, общежитие студентов, в сессии организуется общежитие для заочников, идут курсы учителей, их также помещают в это здание... Комендант здания часто пьет, работает плохо, в здании грязно. Ректорат неправильно распределяет средства на учебное оборудование. Тысячи рублей отдаются физмату, а мы не можем выпросить несколько сот, в результате наш факультет крайне бедно оборудован»¹.

Не работал гардероб. И на замечания преподавателей о том, что «неудобно заходить в пальто в аудиторию», студенты грустно отвечали: «извините, но будет менее удобно, если его украдут». А так как в здании шел перманентный ремонт и во время занятий по коридорам «все время бегают ребятишки», то настроиться на деловой лад было непросто.

Особую критику от А. В. Жарковой получили хозяйственные службы: «Как это ни странно, но историко-филологический факультет — самый крупный факультет в университете — не пользуется достаточным вниманием со стороны АХЧ и находится фактически на положении пасынка. АХЧ совершенно не вникает в нужды факультета и не заботится о создании минимальных удобств для работы преподавателей и для учебы студентов. Например, когда весной этого года АХЧ получила партию новой мебели, то историко-филологический факультет, несмотря на неоднократные просьбы и требования, не получил ни одного стола, ни одного книжного шкафа.

Неоднократно деканат факультета и комендант здания обращались в АХЧ с просьбой привести в порядок туалетные комнаты факультета, которые находятся в безобразном состоянии, но никаких мер принято не было, АХЧ в течение учебного года ни одного раза не обработала туалетные комнаты хлорной известью, не говоря уже о капитальном ремонте канализационной системы здания»².

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 136. Л. 106.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 826. Л. 96.

И к концу изучаемого периода положение было очень сложным. Предоставим слово декану, И. Н. Чемпалову: «На протяжении 1954/55 учебного года факультет испытывал острый недостаток в учебных аудиториях и кабинетах. Четвертый и пятый этажи учебного здания по-прежнему заняты под общежитие студентов, первый этаж находится в ведении общеуниверситетской кафедры. С ведома ректората в течение ряда лет были изъяты из учебного фонда и приспособлены под служебные помещения 1 аудитория на пятом этаже (кафедра физкультуры), 2 аудитории на четвертом этаже (кафедра подготовки и комната для студентов-иностранцев), 3 аудитории на третьем этаже (врачебный участок и склад коменданта), 2 комнаты на втором этаже (заочное отделение и кафедра иностранных языков). Кроме того, в ведении географического факультета находится 8 аудиторий.

Таким образом, крупнейший в университете историко-филологический факультет (с числом студентов в 870 человек) имеет в своем распоряжении всего 26 комнат, 9 из них заняты деканатом и учебными кабинетами. Кроме того, выделяются 1-2 аудитории под избирательный участок, 2-3 комнаты под общежитие студентов-заочников.

В 1954/55 учебном году создан кабинет истории СССР, расширена площадь студенческой столовой. В новом учебном году необходимо выделить помещение для архива, так как имеющееся помещение, занятое газетами, совершенно не годится для практической работы студентов. По-прежнему в неудовлетворительном состоянии находятся туалетные комнаты. В течение всего года плохо работала отопительная система. Таким образом, факультет не имеет достаточной производственной базы, это отрицательно сказывается на его работе. Неудовлетворительно обстоит дело с учебной и периодической литературой, недостает программ, методических и наглядных пособий, карт. В этом году факультет получил из библиотеки Свердловского сельскохозяйственного института 12 тысяч книг, но разместить их сложно и обеспечение факультета литературой остается неудовлетворительным»¹.

То есть второй, не менее жгучей проблемой первой половины 50-х годов, являлось обеспечение учебной литературой и оборудо-

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 826. Л. 11—12.

ванием. Не было элементарных пишущих машинок, телефонов, исторических карт, наглядных пособий, зала или аудитории для демонстрации диапозитивов и иллюстраций. Но необходимо выделить, что в исследуемый период на качественно новый уровень вышло обслуживание студентов через библиотеку и читальный зал в здании гуманитариев. В 1948 г. завершилась передача лицейской библиотеки из индустриального института, стали поступать и заграничные издания, на особом контроле была закупка учебников и учебных пособий. Но студенты, увы, продолжали портить книги. Многие «заметали следы» весьма ухищренно — вместо украденных страниц из учебников, для соблюдения объема, аккуратно вклеивали тексты из художественной литературы, наставлений по ремонту сельскохозяйственных машин и многие другие. Но бдительные библиотекари замечали подделки¹. Не будем называть фамилии «варваров». Их осуждали, писали в газете: «только забвение чувства ответственности могло привести к такому поступку»...

В годовые отчеты факультета регулярно вписывался вывод: «...ощущается острый недостаток в учебниках, учебных пособиях и различного рода хрестоматиях. Учебники в кабинетах факультета имеются в одном-двух, в лучшем случае — в трех экземплярах. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет работу студентов и преподавателей. Примером могут служить практические занятия студентов 1 курса исторического отделения, когда один экземпляр сборника документов или хрестоматии приходится на 7-8 студентов.

Особенно острый недостаток в литературе, учебниках и учебных пособиях ощущается в период подготовки к сессии, когда одновременно одним и тем же предметом занимается несколько десятков студентов».

Или такое требование: «необходимо обеспечить факультет достаточным количеством учебной мебели. Необходимо поставить еще 15 столов и 30 стульев в аудитории № 19, 10 столов и 20 стульев в ауд. 36, 10 столов и 20 стульев — в ауд. 28, пополнить стульями аудитории № 33 и № 32.

Факультету необходимо получить 10 книжных шкафов, 5 письменных столов и 5 хороших письменных приборов».

---

¹ Сталинец. 21 декабря 1947 г., 7 апреля 1950 г. и др.; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 135. Л. 47; Д. 136. Л. 94.

Конечно же, оборудование факультет получал. И необходимо, как ни больно, написать и об ином. Об отношении студентов (не только историков) к аудиторному фонду. В последний день 1948 г. в газете появилась об этом статья, где с горьким юмором отмечалось: «Скоро открывается музей орнаментированной мебели. На стенах и в залах музея будут представлены изрезанные, исписанные, исколотые, исчерченные, исцарапанные студентами в течение прошедшего года столы, стулья и пр.»¹. Музей не создали, так как «творчество» студентов не закончилось.

Прошло два года. В 1951 г. И. Н. Чемпалов, заместитель декана, на комсомольском собрании истфака отмечал: «новое здание университета укомплектовано достаточно мебелью. Отношение к ней безобразное. Ломают».

Не менялась к лучшему ситуация. В 1953—1954 гг. в университетской газете вновь в статьях боль: столы и стулья просят пощады². А в 1955 г. тот же И. Н. Чемпалов, уже декан факультета, вновь констатировал: «Необходимо пополнить учебную мебель и отремонтировать имеющуюся. Потребуется дополнительно 100 столов и 150 стульев...».

Восстановим надписи на ушедших в историю искореженных столах. Они не сохранились, хотя и было пожелание — резолюция на одном из них: «Стол запротоколировать и сдать в музей народного творчества».

Сначала грустные мотивы: «Не для меня цветы цветут», «Одиночество. Одиночество. Синоним — смерть», «Ах как сердце болит, как мне хочется плакать», «Гордый мой, ты не узнаешь...», «А он уехал, ненаглядный, и не вернется больше никогда»...

Более веселые мотивы: «Пришла весна, весна красна», «Ох! Ах! Спать хочу», «Я люблю тебя, Нелличка», «Влюбляться, право, не смешно. Но это, кажется, грешно»... Цитировать надписи можно долго, но авторы статей делали единственно верный вывод: «весна — весной, любовь — любовью, но причем здесь университетские столы?»

...Много звучало призывов о совместной борьбе за высокую культуру. К сожалению, большей частью они оставались лишь

---

¹ Сталинец. 31 декабря 1948 г.

² Там же. 8 января 1954 г.; 2 апреля 1955 г.

словами. А весной 1956 г. проректор, профессор М. Н. Альбов вновь был вынужден написать в университетской газете: «Вход в здание по улице 8-е Марта. Здесь даже нет вывески, что здание принадлежит Уральскому университету. Внешний вид настолько непригляден, что не знаешь,ходишь ли в храм науки, или в черный подъезд обреченного на слом жилого дома. Наступает весна, перед входом скоро появится глубокая лужа, через которую будет положена доска на двух кирпичах...»¹.

И в заключение этой темы повторим — строительство же нового общежития также превратилось в «эпохальное» событие. Еще в 1952 г. сотрудник обкома партии Куроедов официально заявил, что «строительства нового здания университета не будет, а общежитие на 800 мест будет построено». Два года ушло на разработку проектной документации. Летом 1954 г. было решено — «с будущей весны начнется строительство общежития на 420 мест со столовой и прачечной». Через год отмечалось, что «строительство общежития начнется с 1956 года»². Так что о новом общежитии — в следующей части книги.

Тяжелое положение было у историков с кадрами. В начале 50-х годов в Свердловске не было ни одного доктора исторических наук, было всего два доцента по отечественной истории. А 5 марта 1953 г. был издан жесткий приказ министерства о том, что доценты, возглавляющие кафедры, должны защитить в пятилетний конкурсный срок докторскую диссертацию. Невыполнение данного требования закрывало им перспективу переизбрания на новый срок³.

Штатный состав преподавателей кафедры истории СССР в 1951—1955 гг. был следующим:

Горловский М. А. — и. о. зав. кафедрой, кандидат юридических наук, доцент.

Адамов В. В. — с 1954 г. кандидат наук, старший преподаватель.

Бажова А. П. — кандидат наук, преподаватель.

Васьковский О. А. — кандидат наук, старший преподаватель.

---

¹ Сталинец. 14 марта 1956 г.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 133. Л. 91; Сталинец. 5 июня 1954 г.; 3 декабря 1955 г.

³ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 135. Л. 30.

Ефременков Н. В. — кандидат наук, старший преподаватель.
Меерович Н. С. — кандидат наук, доцент.
Рымарев Н. Ф. — ассистент.
Сальников К. В. — кандидат наук, доцент.
Серов А. И. — преподаватель.

Из приведенных сведений видно, что появились новые фамилии. Один преподаватель приехал из Москвы, один из Саратова, два пришли из пединститута. Опытным и квалифицированным лектором, прибывшим в пединститут «при каких-то неясных обстоятельствах», Г. А. Кулагина определила Н. С. Меерович¹. Немного неточная характеристика.

В пединститут она пришла вынужденно, по ходатайству обкома партии, куда обратилась с жалобой после освобождения от работы в политехническом институте. По приходу в университет кафедра истории СССР избрала ее партгрупоргом, но партбюро такой выбор не утвердило. Обиженная Н. С. Меерович заявила ректору: «Я рассматриваю это решение как политическое недоверие». Г. И. Чуфаров в ответ коротко ответил: нет недоверия, «но лидера из Вас не получится. У Вас нет даже ни одной научной статьи...»². Так что считать ее «опытным и квалифицированным лектором» немного сложно.

На факультете работала

Меерович Нeся Самуиловна (Шмуйловна). Родилась 25 сентября 1904 г. в Белоруссии. Член партии с 1929 г. В 1925 г. окончила Минский педагогический техникум, в 1930 г. — Белорусский государственный университет. С июля 1941 г. — в Свердловске, в индустриальном институте, с 1950 г. — в пединституте. В декабре 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию. В 1947 г. присвоено звание доцента. В 1955 г. переведена в университет, читала курсы истории СССР, истории Украины. Уволена 30 августа 1956 г. «по сокращению штата как не прошедшая по конкурсу». [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 171]

---

¹ Кулагина Г. А. Свидетель века. С. 110—111.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 140. Л. 18—19.

Чтобы читатель не удивлялся, поясним — в 40—50-х гг. кандидат наук мог не иметь научной продукции, к защите диссертации допускались претенденты без опубликованных научных работ. Позднее изменятся и ужесточатся требования, будут, как и сегодня, вводиться жесткие ограничения.

Автор пока не располагает биографическими сведениями о другом преподавателе из пединститута Н. Ф. Рымарева. Он пришел на факультет в начале 1950 г. В его адрес часто звучали критические высказывания о качестве чтения лекций. В итоге в июле 1951 г. он был вынужден уйти «как не отвечающий требованиям преподавателя университета».

Удивительным человеком был в 40—50-е годы А. И. Серов. Автор с 70-х годов знал этого жизнерадостного и никогда не унывающего человека. Таким он, видимо, был и после окончания вуза. Его интересовало все. Он брался за разработку всевозможных курсов. Времени, сил и знаний, видимо, не хватало. Отсюда сыпалась критика со стороны коллег и студентов. В конечном итоге, работу над диссертацией по истории восстановления промышленности на Урале после гражданской войны он так и не завершил и не прошел очередной конкурсный отбор.

На факультете работал

***Серов Андрей Иванович.** Родился в сентябре 1920 г. в г. Выкса Нижегородской губернии. С 1929 г. — в Свердловске, окончил истфак в 1942 г. в числе первых выпускников, в 1942—1948 гг. преподаватель истории в военной спецшколе, одновременно совместитель в пединституте. С 1948 г. одновременно аспирант и преподаватель на кафедре истории СССР УрГУ, диссертацию не защитил, с 25 сентября 1955 г. уволен как не прошедший по конкурсу. Но продолжал работать почасовиком, разработал курс «Основы исторической библиографии». В 70—80-х годах — вновь штатный преподаватель на кафедрах факультета. [Архив УрГУ. Личный состав. Связка 181.]*

Единственная, выращенная на кафедре аспирантка А. П. Бажова (В. В. Адамов не был в аспирантуре) стала кандидатом наук, но не задержалась на факультете, уехала в Москву.

На факультете работала

Бажова Ариадна Павловна. Родилась в 1925 г. В 1942—1946 гг. — студентка отделения журналистики историко-филологического факультета, в 1948 г. поступила в аспирантуру. С 15 декабря 1950 г. зачислена преподавателем на кафедру истории СССР 27 мая 1952 г. защитила диссертацию в МГУ. Уволена 14 августа 1953 г. «по семейным обстоятельствам». [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 120.]

Однако из Москвы приехал и надолго связал судьбу с факультетом Н. В. Ефременков. Здесь он стал в 1969 г. доктором наук, с 1970 г. — профессором, в 1964—1969 гг. занимал должность проректора по учебной работе. Старшее поколение преподавателей и студентов помнит и его обаятельную супругу — Веру Васильевну, работавшую старшим лаборантом на кафедре истории СССР.

На факультете работал

Ефременков Николай Васильевич. Родился в 1920 г. в дер. Шутово Смоленской губернии, с 1923 г. — в Москве, в 1939—1941 гг. — студент МГУ, с начала войны на трудовых работах в окружном военно-строительном управлении, в 1945—1948 гг. вновь студент, в 1951 г. окончил аспирантуру. 15 января 1952 г. защитил диссертацию и направлен в Уральский университет. В 1952—1956 гг. — заместитель декана, в 1958 г. утвержден в звании и доцента. В 1961—1964 гг. декан факультета, в 1964—1969 гг. проректор по учебной работе. С 1969 г. доктор исторических наук, с 1970 г. — профессор. В 1971 г. уехал в Калининский университет. Умер в 1993 г. [Уральский университет в биографиях. Екатеринбург, 2010. С. 277—278; Архив УрГУ. Личный состав. Д. 52.]

Из Саратова прибыл еще один молодой специалист, будущий доктор-профессор, уважаемый на факультете ученый и педагог — О. А. Васьковский.

На факультете работал

Васьковский Олег Андреевич. Родился 5 февраля 1922 г. в селе Ангелово Московской губернии. В 1940 г. поступил в МГУ, осенью 1941 г. по семейным обстоятельствам эвакуирован с семьей в Саратовскую область. Невоеннообязанный. Отец — педработник, награжден орденом Ленина. Окончил МГУ в 1946 г., до 1949 г. — учитель, завуч школы в Саратовской области, в 1949—1952 гг. — аспирант СГУ, 15 мая 1953 г. защитил диссертацию, направлен в УрГУ.

С 1958 г. — доцент кафедры истории СССР, в 1960—1965 гг. — заведующий кафедрой. В 1968 г. защитил докторскую диссертацию, основатель кафедры истории советского общества. В 1970 г. уехал по болезни в г. Калинин, но вернулся в университет и работал здесь до 1995 г. [Уральский университет в биографиях. Екатеринбург, 2010. С. 268—269.]

В 1955 г. на кафедру из пединститута пришли П. А. Вагина, В. Я. Кривоногов и другие преподаватели. О них — в последующих частях книги.

Штатный состав преподавателей кафедры всеобщей истории в 1951—1955 гг., до объединения с истфаком пединститута, был следующим:

Сурин Ф. И. — и. о. зав. кафедрой, кандидат наук, доцент.

Белова Н. Н. — кандидат наук, старший преподаватель.

Бортник Н. А. — кандидат наук, доцент.

Куканова Н. Г. — кандидат наук, старший преподаватель.

Мохов Е. Г. — ассистент.

Чемпалов И. Н. — с 1953 г. кандидат наук, старший преподаватель.

Из представленного списка видно, что три новых преподавателя поработали на кафедре всеобщей истории. Закрепился лишь один. В середине 1950/51 учебного года из Москвы (видимо вместе с мужем) приехала Н. Г. Куканова. Но работала краткий срок. Читала курс истории стран зарубежного Востока, специализировалась по Ирану, научных статей не было. Молодого преподавателя критиковали за качество лекций коллеги, недовольны были и студенты. Необходимо было набираться опыта. Однако характер, не терпящий критики, рождение ребенка, активное участие в факультетских склоках не способствовали этому. В итоге — не пройден конкурсный отбор, уход с факультета.

На факультете работала

Куканова (Фрейкман) Нихама Гершоновна. Родилась в 1923 г. в Белоруссии, в 1940—1946 гг. — студентка МГУ (в годы Великой Отечественной войны работала в эвакогоспитале в Курске, жила в Алма-Ате), в 1946—1949 гг. — аспирантка Московского пединститута им. В. И. Ленина, в мае 1950 г. по направлению министерства пришла на кафедру всеобщей истории, защитила кандидатскую диссертацию. Освобождена от работы 30 августа 1956 г. «как не прошедшая по конкурсу, который был проведен в связи с необходимостью сокращения штата». [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 303.]

Совсем иная судьба у Нины Николаевны Беловой. Она работала на факультете 30 лет, о ее успехах, всеобщем уважении, которым она пользовалась среди студентов, преподавателей и сотрудников, будет написано в следующей части книги. Сейчас лишь отметим, что молодой преподаватель, но уже прошедший суровую школу жизни, сразу органически влился в коллектив. Н.Н. Белова с первых дней работы стала на кафедре всеобщей истории незаменимой. Не обращала особого внимания на «критику», не занималась склоками, а занималась истинным делом — учила студентов, вела большую работу в профсоюзной организации, публиковала научные статьи. Многие преподаватели постоянно жаловались — трудно пристроить публикацию. А Нина Николаевна публиковала статьи даже во всесоюзных исторических изданиях.

Поэтому неудивительно, что общее собрание университета в 1953 г. выдвинуло ее кандидатом в депутаты городского Совета. Она стала депутатом, на нее свалилась дополнительная громадная работа. Дочь ленинградского рабочего несла эту ношу два срока — четыре года.

На факультете работала

Белова Нина Николаевна. Родилась 17 мая 1917 г. в Петрограде. В 1932 г., после окончания школы-семилетки, переехала в Московскую область, работала на заводе, одновременно училась в фабрично-заводском училище (ФЗУ) и на рабфаке. В 1937 г. поступила на исторический факуль-

тет МИФЛИ, во время войны — преподаватель в Мытищинской средней школе. В 1944 г. перевелась на 5 курс истфака МГУ, в 1945—1947 гг. — литературный редактор Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В 1947—1951 гг. — аспирантура в МГУ, в апреле 1951 г. защитила диссертацию «Социальные отношения в Галльских городах в I—II вв. н.э.». С мая 1951 г. — в Свердловске, на кафедре всеобщей истории.

В феврале 1953 г. избрана депутатом городского Совета. В сентябре 1954 г. утверждена доцентом. В 1959—1960 гг. была деканом факультета. Работала в коллективе до 1980 года. В настоящее время живет в Москве. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 218.]

Скандалом закончилась история пребывания на кафедре ассистента Е. Г. Мохова. Судя по документам — очень способный студент пединститута (в зачетной книжке, кроме четверки по немецкому языку, только отличные оценки), редактор газеты «Историк». Далее учился в аспирантуре. После смерти научного руководителя Н. П. Руткевича, написание диссертации «Россия и Балканский союз в 1912—1913 годах» курировал заведующий кафедрой новой истории МГУ профессор И. С. Галкин. Но защита не состоялась.

На факультете работал

Мохов Евгений Григорьевич. Родился в августе 1925 г. в г. Свердловске. В 1943—1944 гг. работал на заводе, невоеннообязанный. В 1944—1947 гг. учился в пединституте, в 1950 г. окончил аспирантуру без защиты диссертации. 1 сентября 1953 г. избран ассистентом кафедры всеобщей истории, но уже через год освобожден от работы, а 3 марта 1955 г. уволен «по собственному желанию». [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 168]

С 1 сентября 1953 г. он был принят на работу в университет. Однако через год появился приказ: «с 25 августа 1954 г. освободить как неудовлетворяющего требованиям высшей школы и допустившего аморальные поступки, порочащие преподавателя». Пострадавший не согласился с такой формулировкой, утверждал,

что докладная записка декана А. В. Жарковой «содержит ряд неточностей, искажений и прямо неверных утверждений». Началось разбирательство, растянувшееся на полгода. В итоге, он все-таки был уволен, правда, с формулировкой «по собственному желанию».

Разбор дела примечателен хотя бы по одной причине. Повторимся — в течение долгого времени в университете существовала практика оценки деятельности преподавателей студентами. Попытки пресечь это к успеху не привели. Вот часть студентов и написала записку, где, в частности, отмечалось: «Мохов плохо читает лекции, ведет со студентами и сотрудниками разговоры о врагах народа, непристойно ведет себя в быту»¹. Инициатор — студент Равикович — принес записку в партбюро, далее она попала на обсуждение партсобрания. И здесь уже преподаватель получил «по полной программе»: «Мохов очень много говорит, не учитывая, полезно это или вредно для окружающих»; «высокомерен, в разговоре в отношении себя любит проводить большие и нескромные аналогии. Очень болезненно реагирует на критику»; «на лекциях смакует бытовые вопросы о личностях... любит сенсации, болтает все, не раздумывая о результатах»...

В итоге было решено: «оставлять его на работе нельзя». Ректор издал соответствующий приказ. А заведующий кафедрой Ф. И. Сурин «за политическую близорукость», за то, что не он, а «студенты-коммунисты и комсомольцы сигнализировали об ошибках преподавателя», получил партийное взыскание².

После краткого анализа преподавательского состава необходимо представить учебный план. По утвержденной в 1954 г. правительством номенклатуре специальностей, государственные университеты обязаны были готовить учителей истории для средних школ по следующим специальностям: история СССР, новая и новейшая история, история средних веков, история древнего мира. И здесь историческое отделение столкнулось с трудностью: «учитывая наличие преподавательских кадров, факультет может готовить учителей только по специальностям история СССР, новая и новейшая история», — отмечалось в годовом отчете за 1954/55 учебный год.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 136. Л. 114.

² Там же. Л. 115—118; Д. 139. Л. 15.

Номенклатура требовала корректировки и учебного процесса. Новый учебный план историков был утвержден министерством 7 января 1955 года. Он включал 3608 часов, из них 2082 лекционных, 1526 практических или семинарских занятий.

№	Наименование дисциплины	Количество часов			Отчетность	
		всего	лекций	практ.	экз.	зач.
1.	Основы марксизма-ленинизма	224	144	80	2,4	1,3
2.	Политическая экономия	214	114	100	6,8	5,7
3.	Диалектический и исторический материализм	140	80	60	6,8	
4.	История философии	70	70		9	
5.	Логика	70	44	26	1	
6.	Психология	54	36	18	5	
7.	Педагогика	64	64		6	
8.	Методика преподавания истории	70	36	34		7
9.	Педагогическая практика	60		60		9
10.	Латинский язык	136		136	2	1
11.	Иностранный язык	270	270		4	1,2,3
12.	Основы археологии	36	36		1	
13.	История первобытного общества и основы этнографии	68	68		2	
14.	История СССР	472	292	180	4,6	2,4,6
15.	Древнерусский язык	36	36		1	
16.	История древнего мира	168	110	58	1,2	2
17.	История средних веков	170	110	60	4	4
18.	История нового времени	338	214	124	6,8	6,8
19.	История южных и западных славян	100	100		3,5	
20.	История стран зарубежного Востока	186	186		5,7	4
21.	История советской литературы	54	54		3	
22.	История одного из народов СССР	104	104		5	
23.	Курсы по выбору	368	220	148	7,8,9	5,6,6,8,9
24.	Физическая культура	136		136		1,2,3,4

Помимо отмеченных дисциплин в учебный план были внесены перечни факультативных дисциплин: историческая география, русская литература, славянская литература, всеобщая литература, литература народов зарубежного Востока, искусство народов СССР, искусство народов зарубежных стран, история педагогической мысли, греческий язык.

Прилагались к плану и курсы по выбору: источниковедение, историография, история одной из стран мира, история социалистической мысли и рабочего движения на Западе, история одной из стран зарубежного Востока, этнография народов СССР.

Ежегодно Ученый совет факультета по представлению декана утверждал из факультативных дисциплин по выбору 5 дисциплин в качестве обязательных для изучения с третьего курса. В итоге студенты должны были за время обучения сдать 37 экзаменов и 35 зачетов.

Студенты писали 4 курсовых работы: по истории древнего мира, по истории средних веков, по истории СССР, на 4 курсе — по специализации. В плане зафиксированы 3 практики: педагогическая — 6 недель, производственная (в архивах, библиотеках, музеях) — 5 недель, в качестве факультативной (но, видимо, обязательной) — 2–3-недельная археологическая, этнографическая.

Итоговой аттестацией являлась сдача двух государственных экзаменов: по основам марксизма-ленинизма и одному из разделов (по специализации) курсов — история СССР, новая история (в учебном плане не фигурировало слово «новейшая»), история средних веков, история древнего мира. Последний этап — защита дипломной работы¹.

Новый учебный план предусматривал подготовку специалистов широкого профиля — учителей истории для 5–10 классов. Отсюда все дисциплины были разделены на обязательные и выборочные. Обязательные изучались все пять лет, а дисциплины по выбору — только с третьего курса. В плане было увеличено количество часов на практические и семинарские занятия, методику преподавания истории, педагогическую практику. План устранял многопредметность, излишнюю отчетность, сокращал рабочую неделю студентов, давал возможность больше времени уделять научной работе.

Однако план имел и серьезные недостатки, главным из которых было нарушение одного из основных принципов изучения истории — принципа хронологической последовательности. Многие курсы (например, история южных и западных славян, история одного из народов СССР) начинали и завершали читать ранее общих

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 125. Л. 62—64.

теоретических курсов по отечественной и всеобщей истории. Студенты и осваивали их плохо — не было необходимой основы для изучения.

Объектом дискуссий стала дисциплина «история партии». Ее в течение двух лет изучали с первого семестра первого курса, параллельно с изучением глубокой древности и средневековья. Явное нарушение принципа хронологии. Но любые предложения перенести дисциплину на 3 курс встречали сопротивление. Обоснование очень простое — первокурсники уже обязаны знать историю КПСС...

И, наконец, последнее — учебный план поставил перед преподавателями-историками очень сложную задачу. Необходимо было разрабатывать новые общие учебные курсы, а главное внимание направить на создание спецкурсов и семинаров. В этом отношении деканат высказывал упреки ведущим преподавателям — М. А. Горловскому, В. В. Адамову, Ф. И. Сурину, Н. А. Бортнику, которые «в течение нескольких лет не разработали ни одного нового курса». Особенно остро стояли вопросы по курсам историографии и источниковедения всех периодов как отечественной, так и всеобщей истории. Очень трудно было и с «обновлением тематики специальных курсов»¹.

И в документах 50-х годов поражает обилие проверок факультета всевозможными вышестоящими инстанциями. Они были не только ежегодными, они были перманентными. И повестка проверок не изменилась. Отсюда и производственные термины: «идейное содержание научной продукции исторических кафедр», «идейное содержание лекций преподавателей».

Да, читать лекции было трудно. Постоянные взаимопосещения, стенографирование лекций, обсуждение их на заседаниях кафедр не добавляли преподавателю оптимизма. Только в 1951/52 учебном году таких заседаний было более десяти. И у каждого преподавателя находили недостатки.

Так Н. Г. Кукановой заметили, что «чтение лекций по тетради, без достаточного контакта со студентами, затрудняет их записывание и вызывает недовольство студентов». А лекции А. И. Серова «читаются еще не на высоком уровне». При обсуждении лекции

---

¹ Сталинец. 16 сентября 1955 г.

К. В. Сальникова на тему: «Античное время Восточной Европы» было отмечено недостаточное использование важнейших указаний классиков марксизма-ленинизма... В лекции В. В. Адамова на тему «Первая буржуазно-демократическая революция в России» недостаточно были использованы важнейшие положения работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», имеющие прямое отношение к этой теме... В лекции Ф. И. Сурина отметили перегрузку цитатами и недостаточный контакт с аудиторией... В лекции Н. Н. Беловой отмечено отсутствие критики взглядов буржуазных историков по вопросу образования государства и нечеткость вывода об особенностях образования Римского государства... В лекции И. Н. Чемпалова было указано на нечеткость характеристики рабочего движения в Венгрии...

Цитировать подобное можно бесконечно. Да и итоги обсуждений были предопределены: «Обсуждение открытых лекций и стенограмм показало, что читаемые членами кафедры лекции соответствуют в основном университетскому уровню, но имеются и недостатки, а потому и впредь необходимо работать над повышением идейно-теоретического уровня лекций»¹. Можно выдвинуть и справедливую претензию преподавателям. Они иногда много обещали. Например, в ноябре 1954 г. решили написать и издать на правах рукописи 14 лекций. 10 января 1956 г. подвели итоги — не было написано ни одной лекции²...

Ежегодно проводились или факультетские, или университетские методические конференции. Обсуждали традиционные вопросы: методика чтения лекций, проведения семинарских занятий, руководство курсовыми и дипломными работами, студенческими научными кружками. Здесь «штатными» докладчиками от историков выступали Н. Н. Белова, Н. А. Бортник, К. В. Сальников.

Но вновь от руководства сыпались упреки: преподаватели «не живут студенческой жизнью», плохо борются с нарушителями учебно-производственной дисциплины. Собираются обсуждать поведение студентов только тогда, когда случаются «вопиющие случаи», когда студентов лишают стипендии или исключают из университета.

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 824. Л. 200—202.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 140. Л. 7—8.

А так как студенты пропускали занятия, по мелочам бедокурили, то с начала 50-х годов вновь развернулась дискуссия о необходимости прикрепления к курсам кураторов-преподавателей. Главный вопрос, как кажется, не решили, — нужны или нет «дядька» или «тетка» на курсе. Что делать куратору — проводить собрания, «песочить» нерадивых, наставлять актив или весь курс...

Но, это нужно особо подчеркнуть, на каждом курсе, во все времена были активисты, объективно именно они несли многочисленные нагрузки. На них опирался деканат во всех начинаниях. В послевоенные годы наиболее активные студенты, отличившиеся в учебной и общественной работе, получали именные стипендии. Так, например, в 1948 г. в университете один студент получал стипендию им. И. Ньютона, один — им. 15-летия ВЛКСМ, пять — им. И. В. Сталина. В числе последних был и историк А. А. Петерюхин, он после окончания вуза долгое время работал доцентом общеуниверситетской кафедры истории КПСС. Позднее стипендию им. И. В. Сталина получали историки Л. Новоселов, В. Патрушев, В. Саматов. Последним в этой когорте был А. Балин, получавший стипендию в 1955/56 учебном году¹.

И, как ни парадоксально, всегда в сложной ситуации оказывались активисты. Недаром студент-историк Ю. Мелентьев писал в 1952 г.: «У нас нередки случаи, когда обилие различных заседаний, порой совершенно ненужных, мешает нормальной учебе. Одни и те же студенты в один день должны принять «активное участие» в заседании научного кружка, в легкоатлетических соревнованиях, в смотре художественной самодеятельности. Отсюда часть общественных мероприятий проходит у нас «вхолостую», не достигает своей основной цели — обеспечить плодотворную учебу»². И, естественно, активисты получали благодарности и льготы со стороны руководства. Многим студентам это не нравилось. В газете «Уральский университет» появилась даже язвительная статья, что секретарей и членов комитета ВЛКСМ — «комитетчиков» — не распределяют в районные школы, они «оседают» в Свердловске³.

---

¹ Сталинец. 14 октября 1953 г.; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 126. Л. 16; ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 103. Л. 33.

² Сталинец. 28 марта 1952 г.

³ Уральский университет. 21 апреля 1956 г.

Несколько неверное обвинение. В городе оставались главным образом выпускники специальности истории ВКП (б) (с 1952 г. — КПСС). А они уже с первого курса «авансом» имели преимущество перед другими студентами. Поэтому неудивительно выражение, опубликованное в газете «Сталинец» в 1953 г.: «все выпускники историко-партийной специальности рекомендованы на работу в высшие учебные заведения или в аспирантуру по социально-экономическим наукам»¹. Для остальных студентов поблажек не было — их ждали школы Урала, Сибири и даже Дальнего Востока.

А вот педагогическая практика продолжала оставаться наиболее слабым звеном в учебной работе начала 50-х годов. Производственная практика (она проводилась в архивах и библиотеках) не вызывала нареканий и на заседаниях Ученого совета получала только положительные оценки. Педпрактика оказалась поистине непреодолимой преградой. Общеуниверситетская кафедра педагогики с 1950 г. практически перестала существовать, курс методики преподавания читался на низком уровне, общее руководство практикой только становилось на ноги. Отметим, что в 50-е годы ее возглавлял историк М. Е. Главацкий.

Ежегодно на Ученом совете факультета рассматривались вопросы подготовки и итогов практики. И хотя результаты в отчетах радовали (посредственных оценок было мало), проблемы решались крайне сложно. Регулярно дискутировался вопрос об оформлении на факультете единого органа руководства практикой, закреплении за ним базовых школ. В 1952 г. были определены школы № 13, 40, 65. В этом же году были внесены изменения в учебный план — курс педагогики перенесен со второго курса на четвертый. Это способствовало улучшению подготовки студентов в качестве учителей средней школы. Общая политика распределения выпускников в школу определилась именно в начале 50-х годов. Выпускник 1953 г. М. С. Карпов четко это отметил на встрече со студентами в 1955 г.: «Я помню тот день, когда нам сказали, чтобы мы постепенно готовились к работе в школе. Многие из нас тогда упали духом. Конечно, сейчас смешно об этом вспоминать, но так было»².

---

¹ Сталинец. 30 июня 1953 г.

² Там же. 8 января 1955 г.

В качестве недостатков постоянно фигурировали «отсутствие повседневного методического и организационного руководства со стороны преподавателей», отмечалось, что «контроль необходимо усилить», «ненормально то, что студенты-практиканты попадают в школу под руководство наших же студентов-выпускников». Остро дискутировался на Ученом совете вопрос чтения курса методики преподавания истории. Кто должен читать этот курс — преподаватели школ или университетские (факультетские) преподаватели. Стремались уяснить, «чем должны заниматься руководители педпрактики от отделения и чем преподаватели школ». Практически единодушно утверждали, что методику преподавания должны читать методисты школ. Тем более, что с 1945 г. в Свердловске был организован городской институт усовершенствования учителей с основной целью — «повышение квалификации учителей и руководящих работников школ, обобщение опыта учебно-воспитательной работы лучших школ и учителей»¹.

Убеждали весьма основательно, с примерами: «наши преподаватели могут читать только книжную методику, а она студентам ничего не дает». На историческом отделении нет опытных методистов. Чтение курса поручили Н. Н. Беловой, но она давно «не работает в школе, она специалист по древней истории, а не по методике преподавания истории». О. А. Васьковский справедливо говорил: «педпрактика — дело для меня совершенно новое. По существу, я только сейчас понял, что такое педпрактика в школе».

С 1954/55 учебного года, по новому учебному плану было увеличено количество часов на педагогическую практику. Она стала проводиться на 4-м курсе как ознакомительная (окрестили ее «пассивной»), а «активная» практика, т.е. ведение студентами учебных занятий в школах, вновь была перенесена на завершающий курс обучения. То есть дискуссий было много. В заключение описания этих проблем, справедливости ради, нужно отметить, что многие преподаватели были противниками «педагогизации» университетского исторического образования. Но объединение с историками пединститута сняло этот вопрос автоматически. И подготовка студентов к распределению в школы стала главной в деятельности коллектива факультета. О том, как она решалась, — в следующей

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1878. Л. 107.

части книги. Здесь лишь отметим, что в 1955 г. из 33 выпускников 23 были распределены в школы. А новый декан (из пединститута) на вечере историков, посвященном профессии учителя, в марте 1956 г. сказал: «Труд учителя сложен, временами тяжел, требует не только знаний, умения, но и самой искренней любви к детям разных возрастов и характеров».

В заключение раздела об учебной работе необходимо отметить, что с 1951 г. в университете начали работать курсы подготовки преподавателей общественных наук. Из вузов Урала и Сибири приехали молодые преподаватели повышать квалификацию. Их стали называть «курсантами общественных наук». Наверное, этот год нужно считать началом, стартом Института повышения квалификации УрГУ. Преподавателей-историков привлекали к чтению лекций «курсантам»¹.

Помимо учебно-методической работы у историков был грандиозный план научной и издательской деятельности. Предполагалось, что четыре преподавателя защитят докторские диссертации и еще четыре — кандидатские. Кафедра истории СССР планировала опубликовать два выпуска Ученых записок объемом в 20 печатных листов, а кафедра всеобщей истории — 3 выпуска по 10 печатных листов. Запланировали издать четыре монографии, из них две заявил Н. А. Бортник. В том числе на 1955 год, к 800-летию со дня казни Арнольда Брешианского, о его общественной деятельности и исторических взглядах. Предполагалось принять 10, а выпустить 4 аспиранта. Было записано и положение о том, что кафедру всеобщей истории (имевшую всего 5 штатных преподавателей!) разделить в 1951 г. на две — древнего мира и средних веков; новой и новейшей истории².

Декан Ф. И. Сурин нарисовал блестящую, но явно нереальную перспективу научного роста. Особенно по защите докторских диссертаций. Ни одна защита не состоялась. Точнее, одна состоялась, но в Ученом совете МГУ не получила необходимого количества голосов для утверждения в ВАК. Археолог К. В. Сальников опубликовал много статей, но диссертацию не написал. Не справились с планами Н. А. Бортник, Ф. И. Сурин.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 121. Л. 138.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 819. Л. 219, 227—232.

С кандидатскими диссертациями ситуация сложилась намного лучше — защитились трое — В. В. Адамов, И. Н. Чемпалов, А. П. Бажова. Последняя, правда, не задержалась на факультете и уехала в Москву. И уже как гость, член редколлегии журнала «Вопросы истории», приезжала в январе 1954 г. в Свердловск для обсуждения с коллегами проблем публикации исторических исследований.

Аспиранты на кафедрах также не появились. Не были изданы и монографии. Причин было много, объективных и субъективных. Одна из них «лежала на поверхности». Для того, чтобы собрать материал для солидной докторской диссертации, историкам всегда требуется время. Поиски документов в архивах, переводы источников и иностранной литературы занимают годы. Обработка и оформление материала — еще годы. Вот этого не учитывали при составлении планов. Приказали составить план — составили. Блестящий, но явно нереальный. По принципу — дальше видно будет...

Читатель не должен прийти к выводу, что автор сознательно жестко критикует научную работу преподавателей. Напротив. Он внутренне убежден, что большая часть коллектива добросовестно работала. Например, публиковали научно-популярные статьи в газетах, к знаменательным датам на факультете традиционно проводились научно-теоретические конференции. Так в 1951 г. преподаватели кафедры истории СССР подготовили конференцию, посвященную 250-летию уральской металлургии. Через четыре года — к 50-летию первой русской революции. С основным докладом «Особенности империализма в России и расстановка классовых сил в буржуазно-демократической революции» выступил В. В. Адамов¹.

Но многие события стопорили дело. Так в 1951 г. кафедра всеобщей истории издала все-таки сборник научных трудов. Он дважды редактировался. Среди авторов были Ф. И. Сурин, Н. А. Бортник, И. Н. Чемпалов, Н. Г. Куканова. На это издание появилась критическая статья в газете «Уральский рабочий». Создали комиссию, состоялось специальное заседание партийного бюро университета. Итог был следующим: «Кафедра некритически отнеслась к выпуску сборника и не выправила вовремя своих оши-

---

¹ Сталинец. 7 ноября 1955 г.

бок». «Неправильно ведут себя некоторые члены кафедры всеобщей истории (Сурин, Бортник, Куканова), никак не могут согласиться с критикой их статей, помещенных в Ученых записках. Между тем, комиссия, созданная ректоратом и партбюро, проверявшая научную продукцию кафедры солидаризовалась с рецензией в «Уральском рабочем» и отметила неправильное реагирование на критику со стороны кафедры»¹.

Решения, естественно, суровые: «В центр внимания работников кафедр еще не встали наиболее важные, узловые проблемы науки, преобладают узкие, частные темы научно-исследовательских работ. Сотрудники кафедр проявляют теоретическую робость в постановке крупнейших проблем исторической науки.

Научная продукция кафедр еще не велика, в особенности недостатает опубликованных работ; ряд сотрудников совсем не имеют опубликованных работ (Куканова, Бажова, Ефременков, Серов). Историки занимаются изучением глубокой древности и далеки от современности. Кафедры совершенно недостаточно занимаются вопросами теории советского общества и новейшей истории зарубежных стран, слабо ориентируют студентов — членов СНО на создание работ по современной тематике... Авторы неопубликованных работ не проявляют достаточной энергии в целях подготовки их к печати, а руководители кафедр недостаточно требовательны к сотрудникам, не имеющим еще печатных работ. Часть преподавателей кафедр не печатаются в центральных журналах»².

Трудно заниматься научными изысканиями после таких решений. В качестве доказательства приведем два примера.

Над темой научных изысканий Н. А. Бортника продолжал висеть идеологический пресс — она многократно подвергалась критике. И, видимо, только в 1954 г., после нижеприведенного текста, отражающего актуальность темы, нападки ослабли: «Монография имеет целью дать характеристику мало исследованного периода народного движения в средние века. Если по восстаниям 1143 и 1374 гг. нет марксистского исследования, то борьба народных масс в период между этими восстаниями совсем не изучена. Между тем,

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 121. Л. 23—34.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 817. Л. 118; ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 132. Л. 110.

характеристика борьбы народных масс Рима против власти папы в указанный период приобретает особо актуальный характер в настоящее время, когда папа открыто перешел на службу американских поджигателей войны. Выявление реакционной роли пап в прошлом поможет глубже понять гнусную роль верхушки современного католического духовенства»¹.

А с 1955 г., когда его имя было упомянуто Е. А. Косминским на X международном съезде историков в Риме, а крупный историк Н. А. Сидоров включил его работы в докторскую диссертацию, в западногерманском журнале также положительно оценили исследования, Н. А. Бортника более не критиковали в плане актуальности научной работы². Видимо с тех пор Наум Абрамович стал вести скрупулезный учет подобных упоминаний — ссылок на свои работы. Он непременно сообщал на лекциях студентам об этом, о значимости своих научных изысканий.

С Ф. И. Суриным вообще произошла пренеприятная история. В 1953 г. он отправил в сектор новой и новейшей истории стран Америки Академии наук СССР материалы докторской диссертации. И получил отрицательный отзыв: «материалы не могут служить основой докторской диссертации. Рукопись написана на низком уровне, подбор и расположение материала случайны, в работе имеется много политических и фактических ошибок»³. Эта рецензия, видимо, подкосила автора, вообще застопорила ход его научных изысканий.

Естественен вопрос читателей: что же еще делали преподаватели? Ответим: писали отчеты. Каждый квартал. Отчеты по научной работе составлялись четыре раза в год! И каждый раз необходимо было изыскивать объективные причины невыполнения плана. Этим многие и заканчивали «усиленные поиски».

На заседаниях Ученого совета и партбюро факультета отчеты заслушивались. Эти органы также регулярно констатировали и вписывали в итоговые решения вполне точные фразы или о коллективе в целом, или об отдельных преподавателях. Цитировать решения можно долго. Приведем лишь немного: «проявил медли-

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 825. Л. 53.

² Сталинец. 14 октября 1955 г.

³ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 87.

тельность в повышении своей научной квалификации, в подготовке докторской диссертации, запланировав ее без учета реальных возможностей», «преподаватели много обещают, мало делают», «много преподавателей не занимаются научной работой. Из года в год за такими лицами числится большая переходящая тема, которая выполняется только на бумаге, в техническом отчете. Научные отчеты или статьи такими сотрудниками не представляются». На университетском уровне такие же выводы: «многие преподаватели научную работу ведут «медленно поспешая». Нет печатных работ годами, на 8-10 лет планируют написание диссертаций. Это особенно характерно для историко-филологического факультета, самого крупного в университете»¹...

В годовых отчетах декана этот труд определялся всегда однозначно: «Все преподаватели ведут научную работу в соответствии с пятилетним планом повышения квалификации. Все дело в том, что одни работают более интенсивно и имеют большие результаты, другие менее интенсивно. В истекшем году усилен контроль за выполнением планов научных работ как со стороны кафедр, так и со стороны деканата».

Не только усилился контроль — преподавателям предоставлялись научные командировки, творческие отпуска доходили до 6 месяцев в году. В 1952/53 учебном году ими воспользовались 7 преподавателей факультета (в их числе М. А. Горловский, Ф. И. Сурин, И. Н. Чепалов). Но успехов все-таки было мало. Поэтому от этой формы повышения квалификации с 1955 г. отказались. Но 1-2 месяца в году для научной работы преподаватель получал практически без проблем. В том числе с выездом для работы в центральных архивах и библиотеках. Так что не вполне искренними были слова Ф. И. Сурина на партийном собрании: «командировок мы не получаем, перегружены учебной работой, заниматься научной можем только во время отпуска».

В заключении годовых отчетов декана всегда присутствовала фраза: «В новом учебном году необходимо поднять уровень научно-исследовательской работы, чаще обсуждать на кафедрах и Ученых советах готовую продукцию, поднять студенческую научную

---

¹ ЦДОСО. Ф 285. Оп. 3. Д. 94. Л. 71; Д. 132. Л. 89; Сталинец. 7 февраля 1952 г., 1 сентября 1953 г.

работу на должную высоту, решительно бороться с беспечным отношением к этому участку со стороны отдельных преподавателей»¹.

Упомянута студенческая наука. Поэтому здесь, наверное, самое время представить краткую историю научного студенческого общества (далее — НСО) в исследуемый период. Писать о нем довольно сложно. Во всех отчетах НСО фигурирует, а вот желающих заниматься наукой было немного. Конечно же, были подлинные активисты — П. В. Гришанов, Т. К. Гуськова, В. А. Саматов, А. В. Бакунин, В. И. Шихов, В. Г. Чуфаров... Они станут учеными. Но науку студенты все-таки старались избегать. И ругать их не нужно — это естественное состояние студенчества во все времена.

Но партийная и иные организации требовали создания студенческой науки, всевозможных кружков и объединений. Уже в 1946 г. партбюро университета констатировало: «научная работа студентов слабая, необходима коренная перестройка руководства кружками. Кружок должен учить самостоятельной работе, проблемы ставить так, чтобы студент сам шел в кружок. Прекратить огульно записывать в кружки студентов». Бюллетень НСО «Знание — сила» выглядит жалко, а качество студенческих докладов слабое. Но, как сказал студент-фронтовик Леонид Худорожков, дело это поправимое — «позади остались памятные дороги войны, ратный труд, впереди — открытая дорога к вершинам науки», Приняли решение — «организовать вновь или возобновить работу научно-исследовательских кружков». У нас нет данных о том, какими методами и силами они создавались, но цифры радовали: 1947 г. — 20 кружков, 300 студентов, 1948 г. — 85 кружков, 700 студентов, в среднем по 8 студентов на кружок. Цифры немного лукавые. А, быть может, и нет. Не зря же первокурсникам настойчиво советовали: «уже сейчас включайтесь в деятельность научных кружков. В будущем это Вам очень поможет». Первокурсники «мотали на ус», куда-либо записывались.

Только поэтому в различных отчетах руководства о студенческой науке в 40-х — начале 50-х годов присутствовала примечательная фраза (цифра менялась) — «около 40% всего студенческого состава вовлечено в работу научных кружков». Именно вовле-

---

¹ См. напр.: ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 817. Л. 46.

чено... А в выступлениях студентов-активистов на собраниях иное мнение: «Из 16 студенческих кружков на историко-филологическом факультете только 2 у филологов работали, остальные числились на бумаге». Или такой вывод: «научные кружки работают слабо. И в количественном, и в качественном отношении они неудовлетворительны»¹. Явно несовместимо с действительностью и убеждение, что руководить НСО должен уважаемый профессор. Ни одного профессора на факультете не было...

...Можно смело констатировать, что до 1948 г. работа кружков на факультете «далее составления планов и разговоров» не двигалась². Исключение составлял археологический кружок, здесь собирались заинтересованные лица. Забегая вперед, отметим, что археологи первыми из студентов отличились и на всесоюзном уровне — в 1955 г. участвовали в первой конференции в МГУ. А остальные кружки находились «в стадии организации». Иные проблемы волновали большинство студентов.

С 1946 г. научные студенческие конференции в университете проводились ежегодно, участвовали все факультеты. В 1947 г. премию второй степени получил отличник 4 курса Ф. Филиппов. А премию третьей степени (200 руб.) присудили студентке 1 курса Т. К. Гуськовой — активной общественнице. Она получила диплом с отличием, ныне Татьяна Константиновна — доктор исторических наук, профессор.

В 1948 г. был опубликован переработанный новый Устав НСО, утвержден специальный билет члена общества. А председателем был избран историк-фронтовик Ф. Филиппов. Кстати, именно историки — В. Саматов, В. Викторов, В. Патрушев — возглавляли НСО университета в исследуемый период.

Основным направлением работы кружков являлась подготовка докладов на факультетский, университетский, городской смотры. Заявляли всегда много — писали мало. Например, в 1949 г. было такое соотношение цифр факультета на университетский смотр: заявили 55 докладов, представили 19, да и те «выглядели жалко».

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111. Л. 75; Сталинец. 11 сентября 1951 г.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 51. Л. 6; Д. 54. Л. 113; Д. 93. Л. 107, 127, 139; Д. 133. Л. 14; Сталинец. 26 марта 1947 г.

Такая же ситуация случилась в 1951 году¹. То есть в ходе подготовки к конференциям ставка делалась на массовость. В итоге качество докладов было низким. Недаром В. В. Адамов и в 1953 г. отмечал: «В кружках все еще имеет место погоня за количеством докладов, необходимо с этой практикой покончить»².

Проводились в университете и теоретические студенческие конференции. Так в октябре 1948 г., в связи с 30-летием ВЛКСМ, — «О советском патриотизме». Историки были активными участниками. Благодарностью в приказе ректора отмечены И. Сушков, В. Плотников, А. Бакунин, В. Калугин, П. Гришанов, Т. Гуськова, Ф. Филиппов, Л. Худорожков, А. Петерюхин.

В декабре 1951 г. в университете была проведена научно-теоретическая студенческая конференция «Социализм и коммунизм». Было заслушано на секциях около 180 докладов, 29 из них выдвинули на городской конкурс. Ректор объявил благодарность историку-второкурснику Ю. Мелентьеву, первокурсникам Равиковичу, В. Чуфарову³.

В 1953—1954 гг. с НСО произошла необъяснимая ситуация. В 1953 г. университет официально занял 1-е место на городском смотре студенческих работ, получили 12 грамот министерства. Среди них — историки В. Красноперова и Р. Соколов. А в 1954 г. деятельность НСО была полностью завалена, и правление общества упразднили. Городская партийная комиссия, проверявшая факультет и университет в целом, в начале 1955 г. зафиксировала: «научный отдел не располагает даже данными о количестве кружков, тем более о числе студентов в них. НСО в университете ликвидировано, все руководство научной работой передано комитету комсомола, который с этим делом не справляется»⁴.

Только с осени 1955 г. началось новое возрождение НСО. Оно связано с именами О.Макаровой, Л. Огородниковой. Одним из главных активистов был Г. Бондарев, историк 2 курса, а позднее — известный многим преподавателям и студентам вуза как доцент

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 122. Л. 36.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 134. Л. 71.

³ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 820. Л. 2—3.

⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 7; Ф. 285. Д. 140. Л. 55.

философского факультета¹. К сожалению, он рано ушел из жизни. Усилиями студентов, жаждущих заниматься научными изысканиями, общество обрело необходимую форму — сюда более «не вовлекались» студенты, сюда стали приходить «искатели». Был создан специальный научный журнал. И, забегаая немного вперед, хотелось бы назвать в этой части книги одно имя — Аллы Ильиничны Романчук, профессора кафедры истории древнего мира и средних веков. Именно она студенткой «подхватила» начинания Г. Бондарева.

...В начале 50-х годов жестко зазвучало требование изучения истории советского общества, «усиления научной работы по уральской проблематике советского периода». Кафедра истории СССР к такому повороту событий была просто не готова. Ситуация «пошла на поправку» лишь тогда, когда сюда прибыли молодые специалисты О. А. Васьковский и Н. В. Ефременков. Первый продолжил аспирантскую тему, но занялся изучением проблем гражданской войны на Урале. А второй в качестве объекта исследования выбрал уральское крестьянство 1920—1930-х годов.

В 1954 г. «прозвучал еще один серьезный звонок». Из Совета Министров СССР и ЦК КПСС — «более решительно освобождать от работы в университетах преподавателей, неудовлетворительно ведущих научную работу». В 1955—1956 гг. истфак и потерял кадры. Их никто «не гнобил», не преследовал, не учитывалась и национальность. Они просто не отвечали требованиям преподавателя высшей школы. Ректор об этом четко заявил: «мы предупреждали этих преподавателей, — выводов они не сделали»².

Таким образом, успехов в научной деятельности историков к концу изучаемого периода было немного. Примечательно, что историкам ни разу не были присуждены университетские премии, которые ежегодно вручались на основании постановления СНК СССР от 22 февраля 1945 г. Сумма первой премии составляла 15 тыс. руб., второй — 10 тыс. руб. Огромные по тем временам суммы!

Тем не менее, в начале 1956 г. ректор на партсобрании вновь оптимистично говорил: скоро защитят докторские диссертации

---

¹ Уральский университет. 28 ноября 1956 г.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 139. Л. 77.

Н. А. Бортник, Ф. И. Сурин, Е. Г. Суров, Н. С. Меерович, В. Я. Кривоногов. Из этого списка двое, Н. А. Бортник и В. Я. Кривоногов, станут докторами наук, но до этого события пройдет еще 10 лет. Более четкий, на наш взгляд, итог подготовки научных кадров за десятилетие подвел Н. А. Бортник. В этом же 1956 г. он сказал: «Если речь идет о качестве подготовки специалистов, то необходимо иметь высококвалифицированные кадры. На факультете из 53 преподавателей 1 доктор, и тот не наш, а из пединститута. Год назад историки подготовили ученые записки, но они не рассмотрены редактором и неизвестно, когда будут напечатаны. Моя статья рецензировалась 7 раз»¹.

2.2. Жизнь студенческая: общественная и личная

Мы уже не узнаем, чем же не удовлетворила редактора статья Н. А. Бортника, если он переделывал ее много раз. Смеем лишь предположить, что она не до конца соответствовала висевшему в то время над всеми термину — «идейное содержание научной продукции». А повышение «идейного содержания» и «идейно-теоретического уровня» распространялось на все сферы вузовской жизни, на всех преподавателей и сотрудников, студентов. Общественно-политическая работа по-прежнему стояла во главе угла.

Недаром начало любого годового отчета изучаемого периода начиналось словами: «Политико-воспитательная работа имеет исключительно большое значение в повышении идейно-политического уровня студентов и преподавателей, в повышении культурного и образовательного уровня, в налаживании сознательной дисциплины. Успехи политико-воспитательной работы зависят прежде всего от того, все ли общественные организации (партийные, комсомольские и профсоюзные), весь ли преподавательский коллектив занимается этой работой».

А в конце всегда присутствовала такая фраза (она хоть и видоизменялась, но суть была одна): «Однако политико-воспитательная работа не носит до сих пор еще систематического, а, главное, действенного характера. Не все преподаватели принимают участие в ней».

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 141. Л. 2.

Руководство и партбюро часто были более жесткими, выносили совсем уж тяжелые решения. Сначала в это верилось с трудом. Если по партийному, гуманитарному факультету принималось такое решение, трудно предположить о состоянии работы на естественных факультетах.

Например, решение партбюро 1953 г. было следующим: «Заслушав и обсудив сообщение т. т. Кускова и Голипада о состоянии политико-массовой работы на историко-филологическом факультете, партийное бюро отмечает, что она поставлена на факультете неудовлетворительно. Результатом низкого уровня политико-массовой работы является слабая трудовая дисциплина и случаи аморального поведения студентов... Преподавательский состав должен повседневно участвовать в воспитательной работе, участвуют единицы, активом партбюро не руководило, в студенческом общежитии своего здания воспитательная работа не проводится...»¹.

Слишком жестко. Но в 1954—1955 гг. вновь последовали подобные выводы, в ректорате было проведено совещание с заведующими кафедрами, появился приказ ректора «О воспитательной работе...». А в октябре 1955 г. на факультете состоялось открытое партийное собрание, где вновь стояла эта проблема. Ректор сказал: «не доходим до каждого студента, а комсомольская организация и преподаватели плохо знают студентов»². Да и вышестоящие проверяющие из горкома партии такого же мнения (уже по университету в целом): «нет единой целенаправленной работы по воспитанию студентов со стороны ректората, деканатов, партийной и общественных организаций»³.

Вновь плохо. Но все-таки автор уверен, что руководство «перегибало палку», оно хотело держать студентов «в узде», ему всего было мало. Но работа была, очень большая, приживались новые формы и начинания. Об этом свидетельствуют документы.

Наверное, лишь работа профсоюзной организации на общем фоне выглядела слабее. Но профсоюз все-таки работал. Дети преподавателей и сотрудников ездили в пионерские лагеря. Путевок

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 132. Л. 60.

² Там же. Д. 140. Л. 13—14.

³ Там же. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 2.

выделялось мало, всех нуждающихся не обеспечивали, но были бесплатные для семей погибших фронтовиков, со скидкой — для низкооплачиваемых. Оборудование пионерских лагерей в трудное время было очень скромным. Это были помещения барачного типа на Исети и Таватуе, или пионерлагерь в деревне Раскуиха 1951 г. — в здании школы располагалось 20 детей, в «новом амбаре» были прорублены окна и получился дом на 80 человек, под пищеблок оборудован пожарный сарай¹.

Ездили студенты, сотрудники и преподаватели в дома отдыха, санатории Урала, Крыма и Кавказа. Привлекательны были туристические походы по родному краю, Алтаю, Кавказу. Студенческий профком всегда требовал «учитывать при распределении путевок не только успехи в учебе, но и участие в общественной работе и политическое лицо человека, т.е. всесторонне»².

Партийная и комсомольская организации работали более активно. Хотя в 50-е годы уже зазвучала фраза: «причина слабой комсомольской работы состоит в изменении контингента студентов, подавляющее большинство их пришло в университет со школьной скамьи», в отчете по историкам есть такая же фраза: «в настоящее время студенты факультета в подавляющем большинстве выпускники средних школ. Партийная прослойка становится все более низкой»³.

С 1952 г. по инициативе комсомольцев физико-математического факультета стали практиковаться тематические комсомольские собрания. Историки провели первое такое собрание — «Лучшие традиции отделения» — в период подготовки к 15-летию. Зачин сделали воспитанники — И. Н. Чемпалов, А. А. Петерюхин, работающий в юридическом институте, А. В. Бакунин — в политехническом институте, кандидат философских наук Л. Н. Коган. Обсуждали проблемы успеваемости (дипломник В. А. Саматов вновь призывал покончить со штурмовщиной, заниматься систематически) и научной работы. Особо звучала тема дружбы и сплоченности коллектива.

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 122. Л. 76.

² Там же. Д. 95. Л. 96.

³ Там же. Д. 139. Л. 113.

25 октября 1953 г. историки праздновали 15-летие. Пригласили выпускников. На официальном мероприятии зачитали приказ ректора, вручили подарки. А далее — концерт художественной самодеятельности и, конечно, танцы. Очень жаль, что не сохранился подготовленный коллективом «фотомонтаж о студенческих буднях прошлых лет». Много утрачено документов... Интересно было бы послушать сегодня, что говорил студентам недавний выпускник, а в 1953 г. — преподаватель школы № 13 А. Лушников. Уверены, что мудрые слова. Кратко его жизненный путь отмечен в первой главе во фрагменте о фронтовиках.

Не очень скромно подвел итоги деятельности факультета действующий студент Л. Загайнов: «недостатки были скромны, успехи огромны, а дел еще больше»¹. А выпускники — они уже тогда работали в разных точках страны, даже в Южно-Сахалинске, вспоминали студенческие дни, своих сокурсников. Вспомнили и Николая Князева, студента первого набора, выпускника 1942 года, первого Сталинского стипендиата среди историков. Именно он, будучи секретарем комитета комсомола университета, на митинге 22 июня 1941 г. первым в числе 136 добровольцев записался на фронт. Но воевать ему не пришлось. А в 40-х годах он работал в отделе агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, руководил прессгруппой антифашистского комитета советской молодежи, с 1950 г. — член редколлегии и редактор иностранного отдела газеты «Комсомольская правда». Из Москвы он писал в университет. В частности такие слова: «Я горд, что жил в Свердловске, что учился в Уральском университете, что воспитывался и работал в Свердловском отряде Ленинского комсомола»².

Во втором семестре 1953/54 учебного года на страницах газеты «Сталинец» прошла общеуниверситетская дискуссия под девизом «Учить студента мыслить!», в которой участвовали преподаватели и студенты. Открыла ее доцент химического факультета А. А. Тагер. Она озабоченно писала: «Чувство неудовлетворенности возникает из-за того, что многие студенты, хотя и добросовестно занимаются, однако не творчески овладевают той отраслью науки, в

---

¹ Сталинец. 28 октября 1953 г.

² О Н. Князеве см.: Сталинец. 29 июня 1946 г., 7 ноября 1947 г., 31 марта 1949 г., 7 ноября 1950 г.

которой хотят стать специалистами. Механически усвоив, заучив учебник, без размышлений, без серьезной критики... такие студенты выглядят начетчиками»¹.

Очень ярко отразил проблему и вступил в полемику с доцентом А. А. Тагер студент 2 курса физико-математического факультета Л. Шеврин. Сегодня он доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, обладатель еще многих титулов и званий. А 56 лет назад в небольшой заметке студент написал: «Необходимо выработать способность научно мыслить! Иногда студент не в состоянии переварить весь учебный материал, опомниться от всех новых наук. Учить студента мыслить, учить его жизни — это значит и помогать ему... Курсовые работы зачастую превращаются в тяжкую повинность, которую терпеливо несут. Далеко не все преподаватели близки к студентам, чтобы можно говорить об их творческом содружестве... Многолетняя студенческая практика выработала самые разнообразные приемы и способы избегать упорного, систематического труда и все это крепко въелось в представление студентов об учебе»².

Сфера тематических собраний, дискуссий, производственных совещаний и диспутов значительно расширилась. Можно перечислить более десятка тем по-настоящему творческих вечеров студентов: «Гордись своей профессией», «Чем прекрасен человек», «О счастье и долге», «О культуре подлинной и мнимой», «О комсомольской романтике», «Откуда берется плесень», «Кто не горит, тот коптит». Даже такие темы: «О семье и браке», «О культуре поведения студентов», «О моральном облике девушки»... Неужели этого было мало руководству? Если мало — состоялись и иные мероприятия.

В учебном плане историков был солидный «филологический блок». Поэтому студенты были всегда активны при проведении тематических вечеров о творчестве писателей, композиторов, художников, коллективных обсуждениях кинофильмов и спектаклей.

В начале 1955/56 учебного года на страницах газеты «Сталинец» появилась новая ежемесячная рубрика — «перекличка» — рассказы студентов факультетов о рядовых, «живых делах». Пер-

---

¹ Сталинец. 28 мая 1954 г.

² Там же. 12 июня 1954 г.

выми выступили геологи, следующими — журналисты. Хорошие статьи, но форма публикаций была суховатой — своеобразно поданные отчеты о проделанной работе.

А вот статья члена бюро ВЛКСМ 2 курса историков Л. Чарнис иная — действительно получился живой рассказ о простых житейских делах: «...на курсе учится более 100 человек, наладили дружбу с влившимися в коллектив студентами пединститута. Валя Кашпурова солист — поет песни из кинофильмов «Верность любви», «Солдат Иван Бровкин», а агитатор Володя Нерезов читает лекции о Ф. Шаляпине, ходим на экскурсии — Верх-Исетский завод, в геологический музей.

Не обходятся без них соревнования по волейболу, лыжам, одними из первых они и в турпоходах. Сложно с участием в научных кружках, но зато полностью согласны с решениями правительства о борьбе с пьянством, хулиганством. И не только согласны, но и начали запись в «движение патрулей» — дружинников. Им особенно неприятны спекулянты билетами у кинотеатров». В заключение статьи итог: «Да, живые дела с неба не валятся. Много еще неполадок, но бюро знает, как организовать учебу и досуг студентов»¹.

Остается дополнить, что через полвека после публикации цитируемой статьи автор познакомился с Людмилой Яковлевной Чарнис. Она не стала профессиональным историком, но всегда работала на «историческом направлении» в научно-исследовательских институтах. Немного удивилась. Но с неподдельной заинтересованностью откликнулась на просьбу помочь восстановить ноты к песне истфаковцев середины 50-х годов.

Вспомнила студенческие годы: «имелся клуб историков, где было пианино и шахматы. Здесь спорили об исторических событиях, обсуждали бытовые неурядицы в общежитии. Особенно активными студентами были А. Ковригин, А. Бобков, К. Покровский. Они создали даже «суды чести», где «прорабатывали» прогульщиков (хотя посещение занятий итак строго контролировалось). Спорт был неотъемлемой частью биографии факультета, поездки на сельхозработы, археологические экспедиции очень сдружили студентов. И до сих пор выпускники 1954—1959 годов ежегодно

---

¹ Сталинец. 17 декабря 1955 г.

встречаются, вспоминают историческое содружество преподавателей и студентов».

Немного скуповато, да еще и с утайкой — Людмила Яковлевна не сообщила, что выпускники этого курса первыми (и единственными) завели журнал встреч. В нем отражена почти полувековая история. Уникальный документ сохранился в музее университета. Он поможет проследить жизненный путь студентов 50-х годов. Необходимо использовать его при написании следующей части книги.

Руководствуясь лозунгом «наше оружие — слово», преподаватели и студенты в 50-е годы продолжали читать лекции для населения, на предприятиях, в учреждениях. Тематика лекций коренным образом не изменилась. Ф. И. Сурин и И. Н. Чемпалов сосредоточились на международной проблематике. Актуально — бывшие союзники в войне с Германией постепенно превращались в недругов, а США стали грозить и атомной бомбой. Н. А. Бортник читал лекции о политике Ватикана — опоре империалистической реакции.

Появилась новая тематика — М. А. Горловский читал лекции о истории Екатеринбурга-Свердловска, К. В. Сальников — о далеком прошлом Урала, О. А. Васьковский — о революции и гражданской войне, Н. В. Ефременков о дружбе народов СССР. Закономерно, что во всех отчетах присутствовал подобный абзац: «Коллектив преподавателей и студентов историко-филологического факультета проводит большую общественную работу как в университете, так и вне университета. Преподаватели и наиболее подготовленные студенты читают лекции по линии общества по распространению политических и научных знаний, областного и городского лекционного бюро, по линии лекторской группы Октябрьского райсовета и на подшефных предприятиях»¹. Цифры лекций и бесед солидные.

К месту необходимо заметить, что в исследуемый период практически все доклады на торжественных университетских заседаниях по случаю событий делали историки, например, В. В. Адамов о Конституции СССР, А. В. Жаркова о дне 1 Мая. А ведь были специалисты по партийной тематике, много кафедр общественных

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 820. Л. 26—27, 79; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111. Л. 82.

наук... Но основную ношу несли именно историки. В 1954 г., например, в актовом зале университета на вечере, посвященном 300-летию воссоединения Украины с Россией, с докладом выступил Н. В. Ефременков. В архивных делах доклад найти не удалось. Так что дополнительных сведений здесь поместить нет возможности. А университетская газета процитировала лишь следующие слова: «Нерушима великая многовековая дружба народов нашей страны, и горе тому, кто пытается ее нарушить»¹.

Крепла и шефская работа. В 1954 г. появился специальный факультетский преподавательский лекторий. Он обслуживал коллективы заводов Уралмаш, РТИ, клуб им. Дзержинского, предприятия и организации Октябрьского района города. Студенты взяли шефство над пионерской организацией школы № 76.

В 1950-х годах студенты и колхозники продолжали оставаться единой семьей. В одной из статей в «Сталинце» это единство отражено очень четко: «Стало традицией у советского студенчества часть летнего отдыха отдавать труду на решающих участках строительства коммунизма». Можно отметить, что «решающих участков» для студентов набиралось много — отметим лишь, что историки в 1954—1956 гг. регулярно «субботничали» на комсомольской стройке — помогали возводить завод железобетонных изделий (ЖБИ сегодня — красивый, благоустроенный район города. В 50-х годах — пустырь, где строился важнейший для домостроения завод).

Но, без сомнения, огромные колхозные поля являлись решающими из «решающих участков». Здесь колхозники без студентов уже не обходились. За факультетами были даже закреплены подшефные колхозы. Они менялись — «Вперед», «Согласие», «Зеленое поле», но, видимо, с 1955 г. историки надолго связали судьбу с колхозом «Ленинский путь», центральная усадьба которого находилась в селе Чувашково Красноуфимского района.

Зимой помогали оборудовать клубы и избы-читальни, собирали и отправляли книги. Удивительно, но были студенты-умельцы по электропроводке, радиофикации и телефонизации колхоза. Оформляли агитпункты, читали лекции и выпускали стенгазеты.

---

¹ Сталинец. 21 мая 1954 г.

С весенними полевыми работами колхозники в основном справлялись самостоятельно. Но и в этот период какой-либо факультет (в марте 1954 г., например, это был физмат) обращался с призывом ко всем студентам (историки всегда откликались первыми) съездить на 10—15 дней на сельхозработы. И ездили, но выезды были не массовыми, короткими по времени, труд оплачивался.

А после сессии — раздолье. Здесь набирали желающих — на сенокос, прополку, силосование. И желающих поработать было много (переплетались романтика летнего отдыха, возможность дешево прожить, заработать хотя бы немного денег). А романтика действительно была — жили на берегу реки в палатках, свои повара готовили вкусные блюда из колхозных продуктов. А о молодежных вечерах с гитарой и даже патефоном не написать весело...

Осень — уже труд обязательный. В товарных вагонах, реже на грузовиках, ехали убирать лук, капусту, картофель. Историки в одном колхозе, но в разных его отделениях. В одной деревне вечером — клуб, кино, электричество, в другой — темнота, развлечение одно — сон на полатах в избе колхозника.

Колхозные дела, в конечном итоге, разбирались в деканате. Тех студентов, которые приносили реальные медицинские справки о состоянии здоровья, «пристраивали к работе на дому» — готовить факультет к учебному году. Рождалась система отработок! А тех, кто приносил справки «липовые», «кто пытался уклониться от поездки в колхоз», ждало наказание вплоть до отчисления. Эта же участь ждала и студентов, кто в колхозе «не горел, а тлел», или же вообще сбегал от деревенского труда¹. В изученных документах таких студентов-историков немного, но они были.

Главной «головной болью» декана и его заместителей была проблема восполнения времени учебного процесса, особенно в первом семестре. Сентябрь (а иногда и начало октября) для обучения терялся. Выход, к сожалению, был одновременно прост и тяжел — увеличение студентам часовой недельной нагрузки, сокращение лекционных часов по курсам.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 185. Оп. 3. Д. 139. Л. 20; Сталинец. 14 сентября 1954 г., 7 октября 1955 г. и др.

Невозможно обойти вниманием и начало целинных эпопей. Они начались с 1954 года, но участия историков в начальные годы проследить пока не удалось. А по 1956 году сведения есть: 97 студентов университета, в том числе историки — В. Башмачников, А. Бобков, Гольдин, К. Дубровская, В. Кучма, Т. Лепаловская, Б. Лившиц, В. Плахин, В. Поддубный, К. Покровский, Н. Репина, Ж. Смирнская, Г. Тимлер, И. Черикова, Ю. Чуйкова — 16 июля выехали в Березовский зерносовхоз Алтайского края¹.

Предоставим слово целиннику, в 1956 г. — второкурснице, ныне здравствующему пенсионеру, Тамаре Лепаловской (Русиновой). После окончания вуза жена офицера работала в школах Челябинска, Сургута, Миасса, занималась общественной работой.

«Отправляли нас в товарных вагонах-теплушках, состав шел вне расписания, мог остановиться то среди леса, а, если на станции, то без всякого предупреждения мог отправиться дальше. В Барнауле нас пересадили в грузовики, и мы долго ехали по Чуйскому тракту, по бокам которого росли тополя, и дорога была очень ровная. Когда нам навстречу попался всадник на лошади, Бобков изрек: «Абориген на местном животном». Доехали до Бийска. Поразило, что в Бийске было много действующих церквей.

Занимались мы тем, что лопатили зерно, чтобы оно лучше просыхало, ездили сопровождающими на элеватор, куда это зерно отправляли. В этих поездках я восхищалась алтайскими просторами, кругом невысокие холмы в предгорьях Алтайских гор.

Мы не только работали, но по вечерам и отдыхали. У нас был с собой мой патефон, и в местном клубе мы устраивали танцы, а иногда и небольшие концерты. Приходили местные ребята и девушки.

Перед отъездом местное начальство устроило нам хорошие проводы: настряпали пельменей и даже нас угостили медовухой. Но тогда были другие времена, и все прошло весело и пристойно.

А вот обратно нас отправили в нормальных (плацкартных) вагонах со всеми удобствами. И хотя наш поезд прибыл в Свердловск глубокой ночью, на вокзале нас встречали наши родные. И это было очень приятно.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 140. Л. 63; Уральский университет. 3 июля, 7 ноября 1956 г.

Вспомнила такой случай — под открытым небом была большая грудa зерна, а передали прогноз, что будет дождь. Вот мы почти всю ночь переносили это зерно под навес, все-таки успели до дождя. До сих помню, что были очень довольны, хоть и устали изрядно».

Скромные воспоминания о большой работе. Работе, за которую многие награждались значком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель». В 1956 г. им был награжден и историк Владимир Плахин.

Характер агитационно-массовой работы не изменился по сравнению со временем второй половины 40-х годов. Поэтому вместо описания этого вида мероприятий, приведем почти дословно текст из годового отчета за 1952/53 учебный год: «В течение учебного года проводилось по три производственных совещания на каждом курсе. В начале года — о задачах первого семестра, итоги первого семестра и задачи второго, задачи весенней сессии. Кроме того в группах проводились летучки по важнейшим вопросам, чаще всего о дисциплине того или иного студента. Большое место занимают в воспитательной работе на факультете политинформации, которые проводились, как правило, по тематике, утвержденной общеуниверситетским партийным бюро. За истекший год коллективом агитаторов групп были проведены политинформации на следующие темы: «О жизни и деятельности И. В. Сталина», «Решения XIX съезда КПСС», «О международном положении (выступление «Правды»)», «противоречия в лагере империализма», «Успехи Китайской Народной Республики» и др.

Среди отдельных агитаторов наблюдается тенденция подменить политическую агитацию искусствоведческой и литературной тематикой, что является неправильным и вредным.

Во время зимней и весенней экзаменационных сессий агитационную работу на курсах проводили преподаватели, хотя далеко не все выполнили это поручение. Не провели политинформаций следующие преподаватели: Ф. И. Сурин, И. Н. Чempалов, Н. В. Ефременков.

Одним из крупных недостатков агитационной работы является отсутствие связи политинформаций с задачами группы, курса, агитация не носит действенного и наступательного характера»¹.

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 824. Л. 103—104.

Автор уверен, что читатели удовлетворены содержанием цитируемого материала. Заметим, что в других отчетах он почти тождествен приведенному, за исключением тематики лекций. Но, видимо, появились вопросы: почему политагитация на литературные и искусствоведческие темы определена как неправильная и вредная. Совершенно нет ответа на последнюю фразу: «агитация не носит действенного и наступательного характера». Какое «наступление» предполагала декан факультета А. В. Жаркова? У нее и к преподавателям были большие претензии: «Политико-воспитательная работа среди профессорско-преподавательского состава имеет такие недостатки. Не все преподаватели охвачены политучебой. Из 43 штатных преподавателей учатся в кружках философии, истории КПСС, международных отношений — 14 чел., в вечернем университете учатся 19 чел. Но далеко не все преподаватели добросовестно овладевают революционной теорией... А необходимость в этом большая, ибо обсуждение диссертаций и статей говорят о слабости методологической стороны»¹.

На наш взгляд, любая агитация, любое слово должны быть направлены на укрепление веры. Во все времена люди во что-то верили. И если агитация не носила «действенного» характера, то вывод один — не было отражения реальной жизни. А шаблон и формализм не исправить никакими «наступлениями».

Студентов, например, не нужно было «загонять» (в отличие от политинформаций) в клуб, на танцплощадку, в спортивный зал. Они шли или бежали туда осознанно.

В ноябре 1945 г. в университете был создан первый кружок художественной самодеятельности. Записались 18 человек. Через год кружков уже было пять — драматический, вокальный, хореографический, струнный, духовой. Первым долгое время руководил известный артист Г. Б. Гецов. Появился и университетский хор. Уже в 1948 г. под руководством А. Г. Ананьина он занял первое место и получил первую премию на городском смотре. Были в его составе и историки — Шуплецова, Финкель и многие другие. В 50-х годах хор возглавил выпускник консерватории В. Серебровский. Именно при нем он качественно преобразился, сумел по-

---

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 824. Л. 105—106.

лучить золотую медаль на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене. И здесь были историки.

В 1946 г. был оборудован и собственный клуб. Руководство им было поручено студенту-историку 2 курса кандидату в члены партии М. Главацкому, ныне заслуженному деятелю науки Российской Федерации. Об этом человеке много еще будет сказано добрых слов. Пока же он четыре года нес тяжелую ношу «массовика-затейника». Было избрано правление клуба, сформировался и художественный совет.

Были успехи, неудачи, частенько ругали и даже наказывали — «за слабую работу клуба он несет персональную ответственность перед партбюро...»; «за отсутствие должного учета и хранения клубного имущества (похищен духовой оркестр)... Главацкому объявить выговор». Но вот и итог деятельности — «он отдавал этому делу всю свою любовь и энергию»¹.

А работы было непочатый край. Клуб был, но «до 7 вечера он чаще всего фигурирует как аудитория № 67, проведение мероприятий зависит от того, свободен ли клуб. Из года в год его ремонтируют понемногу, а нужен ремонт капитальный». Но жизнь улучшалась. В июне 1946 г. в клубе установили киноаппаратуру, студенты впервые получили возможность смотреть в собственном зале звуковые фильмы. Дивный факт для сегодняшних студентов. В те годы на экране — «Бесприданница», «Солистка балета»... А перед сеансом зрители любовались вышивками и картинами, выполненными студентами вуза². Клуб и актовый зал были переполнены, когда в гости к студентам приезжали знаменитые артисты, спортсмены, писатели и поэты. Так, в апреле 1948 г. А. Твардовский читал здесь отрывки из поэм «Страна Муравия» и «Василий Теркин».

В 1946 г. возродилась традиция проводить университетские смотры художественной самодеятельности факультетов. Здесь часто разгорались нешуточные страсти — все старались быть первыми. В 1950 г., когда факультету было присуждено I место, биологи, мотивируя тем, что «не все члены жюри участвовали в смот-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 40. Л. 35; Д. 43. Л. 17; Д. 62. Л. 18 об.

² Там же. Д. 93. Л. 129; Д. 138. Л. 89; Сталинец. 23 сентября 1947 г.

ре», требовали пересмотреть итоги и присудить первенство им. «Мы выглядели лучше», — утверждали они¹.

А на факультете стали традиционными смотры самодеятельности студентов первых курсов. П. С. Томилов в воспоминаниях писал: «На всех факультетах была художественная самодеятельность, конкурсы проходили при набитых битком залах, а на межвузовские конкурсы билеты добывали всеми правдами и неправдами. Довольно часто студенты-историки устраивали культпоходы в кино и театры, иногда даже за счет занятий. Посещали мы и вечера, проводившиеся по праздничным датам, танцы, которые бывали достаточно часто». Слова П. С. Томилова можно подтвердить многочисленными примерами. Отметим лишь сегодня совсем забытые постановки — «Бронепоезд 14-69», «Семья Тараса», «Тайная война», «Русский вопрос», «За тех, кто в море» и другие.

В 1954 г. при клубе было 10 кружков — хореографический, хоровой, вокальный, фортепьянный, симфонический, народных инструментов... А студенты уже требовали купить саксофон и создать эстрадный оркестр. Это желание объяснимо — с 1954 г. в студенческий обиход постепенно вошло слово «стиляги». Газета «Сталинец» обошла вниманием стиляг-историков, но о студентах других факультетов зарисовки появились. Вот, например, — его зовут «Буги-Вуги», по названию модного пошлого фокстрота. Он любит модные, «стильные» танцы. Он щеголяет в фетровых шляпах, в пестрых галстуках².

Кстати, в этой же газете впервые отражен по документам факт, что «почти все девушки в театральном институте курят» и курение дошло до университета. Появились стихи:

*«Журналистки шутки для
Выпускают кренделя
Дымного наркотика
Из розового ротика»³.*

Да, потребности и нравы студентов за короткий период изменялись. Часто не в лучшую сторону. В 1949 г. на студента, только высказавшегося в циничном духе, — «любую девушку можно ку-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111. Л. 56.

² Сталинец. 23 февраля 1954 г.

³ Там же. 27 октября 1955 г.

пить на плотинке», — заводилось персональное дело, рассматривалось в комсомольской организации как аморальный поступок. А в 1956 г. в общежитии можно было прочесть частное объявление: «Завтра новоселье! Соберется тепленькая компания. Будут любители «искусства» — медички, певички, музыкантши — бабешки первый сорт. Приглашаю всех. Горючего будет вдоволь. Кутнем!»¹.

Вообще-то полная тайна в отчетах — фрагменты о случаях «аморального поведения студентов». Факт отражен, названы студенты, но нет главного: в чем же заключалось «аморальное поведение» (ни в одном отчете). А так как протоколов комсомольских собраний за этот период не сохранилось, можно только гадать, какие именно поступки считались деканатом аморальными. Конечно же, моральные принципы были жестко связаны с идеологией. И любой «шаг в сторону» мог обернуться карательными мерами. Выпил лишнего, поиграл в карты в общежитии, — просим на обсуждение в деканат, на заседание комитета комсомола. А если «без разрешения надел сапоги однокурсника, свои продал, а деньги пропил», — неизменно заводилось даже персональное дело, во главу угла которого ставилось «моральное разложение и неустойчивость». Здесь итог определен — отчисление из вуза, наказание по комсомольской или партийной линии².

И все-таки, объективности ради, необходимо констатировать, что огромный творческий потенциал студентов стопорился отсутствием элементарных условий для проведения репетиций. А нередко и своеобразной позицией руководства вуза: «Ректорат с большой неохотой разрешает студенческие вечера, которые являются одним из средств воспитания студентов», — отмечала университетская газета. А на партсобраниях нередко звучали подобные этим слова: «Одна из причин пьянства среди студенчества состоит в том, что им скучно. Нужно дать возможность студентам танцевать, петь. Организация пяти студенческих лекториев — это ненужное дело...»³.

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 104. Л. 22; Сталинец. 23 ноября 1956 г.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 40. Л. 41—42.

³ Там же. Д. 137. Л. 88.

Кстати, следует упомянуть, что в 1954 г. были опубликованы специальные постановления ЦК КПСС по борьбе с пьянством и «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Естественно, постановления обсуждались на партийных собраниях, принимались решения «изжить уродливые явления — пьянство, хулиганство, различные аморальные поступки». А философ М. Н. Руткевич заявлял: «религия отравляет сознание людей, мы недооцениваем атеистической пропаганды, есть мнение даже, что религия самотеком пойдет на убыль, что церковь не вредна»¹.

То есть проблем было много, внеучебное время студенты использовали разнообразно, в зависимости от личных интересов. И помимо культурных мероприятий, историки были активными спортсменами.

Автор не разбивает спортивную жизнь на хронологические периоды. Это обусловлено тем, что мало фактического материала и неизбежны повторы. Поэтому весь материал помещен в этой главе. О работе добровольных спортивных обществ писать сложно, в них часто «записывались», их деятельность фиксировалась в официальных отчетах редко. Иное дело — личное активное участие в соревнованиях, простое занятие спортом.

В 1946 г. было создано университетское спортивное общество «Наука». Начали работать секции шахматно-шашечная (руководитель — гроссмейстер СССР И. А. Болеславский, студент историко-филологического факультета), туристско-альпинистская (руководитель — мастер спорта Г. И. Павлов), лыжная, волейбольная, гимнастическая, боксерская. Уже в отмеченном году шахматисты завоевали I место среди 15 вузов города, а альпинисты впервые пошли в горы Кавказа. Турпоходы проводились и по Уралу — на Азов-гору, Шунут-Камень, с 1952 г. стали традиционными слеты туристов Урала на границе Европа-Азия, где также проводились различные соревнования. В этом же году около главного здания университета был залит каток. Здесь три раза в неделю при электрическом освещении (в то время это было роскошью) под звуки мелодий радио отдыхали студенты, проводились соревнования по конькобежному спорту².

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 137. Л. 89.

² Сталинец. 18 января 1952 г.; 17 января 1953 г.

Лыжные соревнования традиционно проводились в парке культуры и отдыха им. В. В. Маяковского. Университет имел два спортивных зала, но солидной базы ему создать так и не удалось. На соревнованиях по гимнастике, волейболу, борьбе, боксу, фехтованию, тяжелой атлетике залы заполнялись болельщиками сверхплотно. Историки очень редко оставались без призовых мест. Так, в 1956 г. они имели 1-е место в университете по конькобежному спорту, первыми были и на дне бегуна¹.

5 мая 1949 г. была проведена первая легкоатлетическая эстафета на приз газеты «Сталинец». Участвовали 12 команд, которые бежали 7 этапов общей протяженностью более трех километров. И почетный приз был вручен команде исторического отделения. Увы, в изучаемый период подобного успеха историки более не имели. Все остальные годы, включая 1956 г., первыми были студенты физмата, за нашим факультетом прочно закрепился термин «вечно вторые»². Хотя в том же 1949 г. историко-филологический факультет стал победителем первой спартакиады университета. Взяли призы и числом, и умением!

У историков были успехи и в других видах спорта. Например, в 1946 г. состоялся первый в истории университета матч футбольных команд, где историки в финале обыграли журналистов. Кстати, через 10 лет, в 1956 г. историки обыграли и команду физмата, в составе которой выступал студент В. Третьяков, будущий ректор университета.

Радовали и другие спортсмены. Артур Пряхин был чемпионом РСФСР по легкой атлетике среди юношей. Абсолютным чемпионом общества «Буревестник» по фехтованию был Л. Дедюхин. Лидия Чащина ездила на спартакиаду народов РСФСР в составе сборной города по прыжкам в воду, были у историков первые места в университете по волейболу, конькобежному спорту.

Перечислять фамилии спортсменов-историков можно долго — В. Калугин, Э. Иващенко, А. Лушников, Н. Тараторкин, А. Ковригин, Б. Ролейников, Ш. Гохман, В. Бровин... Наверное, это надо для истории. Но тогда может получиться поминальник...

---

¹ Уральский университет. 1 мая 1956 г.

² Сталинец. 12 мая 1949 г.; 13 мая 1950 г.; 8 мая 1951 г.; 11 мая 1952 г.; 9 мая 1953 г.; Уральский университет, 16 мая 1956 г.

И все-таки отметим выпускника 1950 г. фронтовика В.А. Сивкова. После окончания факультета он около 30 лет возглавлял государственный архив Свердловской области. Это был разносторонний спортсмен, лыжник, толкатель ядра, волейболист, всегда лидер в соревнованиях¹. А из первой половины 50-х годов Анатолия Ковригина. Его организаторские способности были удивительны — спортсменами становились все.

С 1949 г. завязалась спортивная дружба студентов Уральского и Молотовского (Пермского) университетов. Ежегодно проводились лыжные соревнования, а также соревнования по шахматам, баскетболу, волейболу. И здесь историки принимали участие, успехи были у обеих команд, главное заключалось в ином — сотрудничестве. Оно продолжалось и в 50-е годы.

Таким образом, общественная и личная студенческая жизнь была многообразной. Она шла своим чередом, даже при плановых «вакцинациях и хирургических вмешательствах» многочисленной когорты кураторов в лице руководства и общественных организаций. Но изученные документы дают основание утверждать, что все их попытки создать, упорядочить и вдохнуть жизнь в одну злободневную проблему в послевоенное десятилетие не увенчались успехом. Поэтому и написано об этом будет кратко. Автор имеет в виду социалистическое соревнование — индивидуальное, коллективное, между преподавателями, академическими группами, даже вузами. Проблему эту обсуждали, принимали решения, даже проводили итоги, но реально из предпринимаемых усилий ничего не вышло.

Естественно, были в эти годы передовики, активисты, успешные ученые и педагоги высшей квалификации, но соревнование к их заслугам, на наш взгляд, не имеет отношения. И награждения, поощрения, занесение имен в Книгу Почета университета они заслуживали иным образом — добросовестным трудом на всех участках работы. Но соблюдать «правила игры» тех времен было необходимо. Поэтому и «соревновались».

Приведем дословно один абзац из отчета за 1950 год: «Факультет принимает участие в социалистическом соревновании между Уральским и Ленинградским университетами. Все кафедры и

---

¹ Сталинец. 27 февраля 1948 г.; 16 июня 1949 г.

научные работники имеют социалистические обязательства. Проверка выполнения соцобязательств соревнования проводится профорганизациями факультета и отделений. Следует отметить, что профорганизации не вели оперативного контроля за ходом соревнования». Красивая фраза — все имеют обязательства, но контроля нет!

Попыток организовать соревнование было много. Даже курьезных. Так, 26 декабря 1945 г. комитет ВЛКСМ учредил Положение о переходящем Красном Знамени лучшей академической группе. И 17 января 1946 г. «без ведома ректора и решения партбюро» опубликовал его в газете «Сталинец». Последовала моментальная реакция вышестоящих — «повышение успеваемости и дисциплины не решается соцсоревнованием», это подвергалось критике и осуждению в 1943 году. Поэтому «учреждение переходящего Красного Знамени лучшей академической группе возрождает порочную практику соревнования, механически перенесенную с производства в вузы, и противоречит постановлению ВКВШ и ЦК ВЛКСМ об отмене соцсоревнования за лучшую академическую группу за успеваемость в вузах»¹.

Начинание отменили. В 1948 г. вузовское партбюро предельно кратко определило: «социалистическое соревнование в загоне»². Через год Ленинградский университет вызвал Уральский соревноваться. Последний вызов принял, но посланцы с берегов Невы для подписания условий не добрались и в 1950 году. Остался незаключенным договор и с горным институтом. В итоге партбюро вынуждено было констатировать: «половина кафедр совсем не соревнуются»³.

Через два года на очередном заседании партбюро вновь были зафиксированы неутешительные результаты: «несмотря на неоднократные запросы профбюро факультетов дать материал о итогах социалистического соревнования за 1951 год, материал не представили химики, географы, геологи, физмат, историко-филологический факультеты. Итоги подводить невозможно,

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39. Л. 4; Сталинец, 17 января 1946 г.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 144.

³ Там же. Д. 110. Л. 146.

соцсоревнование все еще не стало методом работы ряда факультетов и кафедр»¹.

Строгий, но совершенно справедливый вывод. Особенно по 50-м годам. В эти годы многие преподаватели занялись решением иных организационных проблем. Здесь также было своеобразное соревнование. Увы, оно не укрепляло факультет, отняло много времени, сил и нервов.

2.3. Вновь деканы, жаркие скандалы, радостно-грустные итоги

Читатели помнят, что в июне 1950 г. был отстранен от работы декан факультета Н. М. Катериночкин. Ректорат начал поиск подходящей кандидатуры, а исполняющим обязанности был назначен Ф. И. Сурин. Деканом он пробыл чуть больше года. 28 августа 1951 г. партбюро университета рекомендовало ректору назначить руководить факультетом старшего преподавателя кафедры основ марксизма-ленинизма А. В. Жаркову.

Факультетом руководила

Жаркова Анна Вавиловна. Родилась 2 ноября 1906 г. в г. Егорьевске Московской губернии, с 1923 г. — на партийной и преподавательской работе, в 1939—1947 гг. — лектор Свердловского горкома ВКП (б) и преподаватель пединститута, с марта 1947 г. — и.о. зав. кафедрой марксизма-ленинизма юридического института. С 1950 г. — на одноименной кафедре в университете. 26 апреля 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию, а 22 сентября назначена деканом историко-филологического факультета. Освобождена от должности «в связи с переводом на другую работу по разрешению директивных организаций» 20 октября 1954 г. Позднее работала в высшей партшколе, заведовала кафедрой в медицинском институте. С 1963 г. — на пенсии. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 34; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 348. Л. 11.]

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 132. Л. 39—40.

Она пришла в университет в 1950 г. из юридического института, отказывалась быть деканом: «Выполнять работу декана такого большого факультета я не смогу. Считаю, что факультетом должен руководить специалист историк, или литератор, или журналист, я не специалист». Заведующий кафедрой Ф. П. Быстрых заявил, что «заменить Жаркову у нас совершенно некому». Но дискуссия по назначению нового декана завершилась выступлениями ректора Г. И. Чуфарова: «Сурин специалист, но дело у него не идет. Необходимо крепко помочь факультету. Жаркова человек требовательный, волевой, она сумеет заставить людей работать на факультете», и проректора по учебной работе Я. Д. Горлачева: «Факультет огромный, дисциплины и порядка там нет, нужно немедленно дело поправлять»¹.

А. В. Жаркова 3 года возглавляла факультет. Но даже этот «требовательный, волевой человек» не смог пресечь проявления нездоровых отношений в коллективе. Напротив, именно она затеяла очередную нервотрепку и коллективу, и себе. В итоге вынуждена была покинуть и деканат, и университет.

Невозможно обойти молчанием этот очередной скандал по веской причине — он касается одного из уважаемых преподавателей нашего факультета, создателя кафедры и блестящей научной школы. Он не прерывал учебную и научную работу до самой кончины в возрасте 95 лет. Долгие годы грязь, которую на него вылили в 50-е годы, следовала за ним из уст недоброжелателей. На протяжении многих лет она тормозила его рост, аукнулась и на защите докторской диссертации...

А документы оставались в партийном архиве закрытыми для публикации. И в настоящее время несовершенное архивное законодательство стопорит введение в научный оборот сведений, касающихся личностей. И «невдомек» всем законодателям (автор уверен, что это делается специально), что факты о людях, которые ломали жизнь другим, должны быть доступны исследователям. Иначе не будет правдивой истории. А ложь никогда не приводила к хорошим результатам. Кстати, автор не может получить вразумительного ответа — почему документы о реабилитированных в 1950-е годы и сегодня не рассекречены. Люди ведь реабилитиро-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111. Л. 175; Д. 121. Л. 75; Д. 122. Л. 129—130.

ваны, необходимо изучать судебно-следственные дела, дать индивидуальный анализ каждого из них, взглянуть на свидетелей, дававших показания...

...Речь идет об Иване Никаноровиче Чемпалове. В декабре 1953 г. в Высшей партийной школе при ЦК КПСС (ВППШ) он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Итало-германская агрессия против Греции и Югославии и позиция США и Англии (1940—1941)». Любопытно отметить, что первоначальная тема его научной работы была иной — связанной с Уралом — он изучал иностранные концессии в 1920-е годы. В силу обстоятельств выбрал другую тему. На защите присутствовала декан факультета А. В. Жаркова. Защита была успешной. Анкета и необходимые документы были оформлены, оставалось дожидаться утверждения. Но именно оно застопорилось — по «простой» причине: декан попросила Совет уточнить, «указал ли т. Чемпалов в делах, что он сын кулака»¹. Ученый совет ВППШ сделал соответствующий запрос в университет. Здесь была создана комиссия, которая изучила два студенческих дела и дело, оформленное при поступлении на работу в качестве лаборанта. А также запросила документы Челябинского партархива — по месту вступления И. Н. Чемпалова в партию в марте 1943 г. А И. Н. Чемпалов написал заявление в партбюро, просил парторганизацию помочь в утверждении диссертации (написать письмо в ВППШ). Он заявлял, что «ни в ректорате, ни перед партийной организацией он не скрывал своего социального происхождения», говорил ректору (когда ему предлагалась должность проректора по заочному обучению), что у него «с социальным происхождением неблагополучно»².

Комиссия работала долго. Скрупулезно обобщила все автобиографические данные анкет, собрала документы о семье, в которой насчитывалось 15 человек, о том, что «отец занимался мелкой торговлей, то есть был нэпманом», отказался вступить в колхоз, уехал на работу в Миасс, а позднее в Донбасс на строительство железной дороги... Не нашли главного. Поэтому комиссия зафиксировала: «по имеющимся сведениям, сельсовет вынес постановление о раскулачивании, но фактически в жизнь не проведено»³.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 137. Л. 53.

² Там же. Д. 136. Л. 64—65.

³ Там же. Д. 137. Л. 52.

Дело передали на обсуждение в партбюро. Два дня, 11 и 25 мая 1954 г. обсуждали человека, который в 25 лет, имея 6 лет трудового стажа, поступил учиться, затем вынужден был прекратить занятия из-за невозможности вносить плату за обучение, вернулся на завод. В тяжелую военную годину вступил в партию, имел «броню», но ушел защищать Родину в составе Уральского добровольческого корпуса. Был ранен и контужен... И этого человека нужно было обсуждать? С высоты сегодняшнего дня выглядит дико, но шел 1954 год — были и желающие «утопить».

Вот А. В. Жаркова на партсобрании заявила: «при чтении анкеты в ВПШ указывается, что он сын крестьянина, а какого, не говорится. Было бы намного хуже, если бы я задала вопрос непосредственно на защите, ему бы набросали шаров. Я хотела уточнить истинное положение дел. Я написала письмо ректору ВПШ о том, что других компрометирующих данных нет. Я считаю, что поступила правильно»¹.

У декана была поддержка. Но не будем больше подобное цитировать. Нашлись честные коммунисты — преподаватели, аспиранты и студенты. Аспирант 1-го курса В. А. Саматов сказал (по протоколу): «защищает Чемпалова, говорит, что он верный партии человек, хорошо работает, ведет большую научную работу, критикует Жаркову за то, что она сообщила об раскулачивании отца в ВПШ, надо было поступить иначе». Студент 5-го курса, секретарь комитета ВЛКСМ университета В. Тихонов подметил: «тов. Жаркова говорит, что она знала о деле Чемпалова, только хотела выяснить, но я ей не верю». Он и предложил собранию — руководству вуза нужно написать в Москву, «чтобы защита была утверждена».

Так, в конечном итоге, партийное собрание и порешило: на И. Н. Чемпалова за «попытку завуалировать свое происхождение» было наложено взыскание — поставить «на вид», но ректорату необходимо «содействовать утверждению защищенной диссертации»².

Утверждение состоялось, а с сентября этого же 1954 г. кандидат наук И. Н. Чемпалов был назначен (несмотря на то, что отказывался) деканом факультета. Во время его деканства разгорелись

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 137. Л. 54.

² Там же. Л. 52—56.

страсти. В конфликтах участвовали не только историки, но и филологи, журналисты. К великому сожалению нужно констатировать, что в участники событий были втянуты не только партийные, но и беспартийные студенты. А вновь назначенный декан только лишь выполнял решения декабрьского 1954 г. партийного бюро университета. Здесь, в частности, ему вменялось в обязанность «создать спаянные коллективы на кафедрах», «приложить все усилия и навести порядок на факультете, ... добиться, чтобы кафедры и весь преподавательский состав занялся воспитанием студентов. Декану нужно поставить перед заведующими кафедрами задачу — знать хорошо каждого преподавателя»¹.

Факультетом руководил

Чемпалов Иван Никанорович. Родился в 1913 г. в дер. Варламове Чебаркульского уезда. Студент-историк первого набора, в 1940 г. вынужден был оставить учебу и до марта 1943 г. работал на заводе. Участник Великой Отечественной войны, воевал в составе Уральского добровольческого танкового корпуса. В 1948 г. окончил исторический факультет УрГУ, работал лаборантом, ассистентом, заместителем декана. В 1954—1956 гг. — декан историко-филологического факультета. В 1964 г. организовал кафедру новой и новейшей истории, в 1973 г. защитил докторскую диссертацию, с 1976 г. — профессор. Основатель уральской школы балканистики, один из создателей в УрГУ факультета международных отношений, где работал до своей кончины в 2009 г. [Уральский университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 255—256.]

Удивительно скандальным был Ф. И. Сурин. Изучив документы 1940-х годов, автор уверен, что причиной такой ситуации явилась слабая общая подготовка, неудачи в научной и преподавательской деятельности. Трудно найти объяснения тому, что именно заведующий кафедрой являлся лидером разжигания скандалов, которые, в конечном итоге, превращались в перманентные склоки и грандиозные, выражаясь сегодняшним языком, «разборки».

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 136. Л. 178—181.

В 1940-е годы объектами его нападок были М. А. Горловский и всеми уважаемый преподаватель-интеллектуал, первый заведующий кафедрой всеобщей истории, декан факультета А. И. Виноградов. Последнего он обвинял даже в том, что тот «при вступлении в партию руководствовался личными выгодами, которые помогли ему упрочить свое положение на кафедре»¹. А. И. Виноградов вступил в партию почти в 60-летнем возрасте. О каких личных интересах могла идти речь?!

Получив жесткую отповедь со стороны М. А. Горловского и со смертью в 1951 г. А. И. Виноградова, объектом критики «правдоискателя» стала А. В. Жаркова. Она постоянно обращала внимание на то, что Ф. И. Сурин «нездорово реагирует на критику», «потерял партийный такт в своем обращении с коммунистами». В ответ следовали обвинения: «на Ученом совете Жаркова выставила меня как дурачка...», да и вообще «ведет себя как дореволюционная деревенская баба»². И здесь Ф. И. Сурин получил отпор.

Однако появился новый объект — Н. Н. Белова, молодой преподаватель, приехала на кафедру в 1951 г. Когда ее из кандидатов принимали в члены партии, на собрании отмечали, что она «показывает образец умелого сочетания научной, педагогической и общественной работы», единственным недовольным был Ф. И. Сурин. Его выступление заслуживает почти дословного цитирования. Читатели, думается, оценят его по достоинству: «...плохо, что Белова не вступала в комсомол в свое время. Нередко проявляет беспринципность, в работе ее как депутата горсовета имеется ряд недостатков. Так я, лично нуждаясь в квартире, попросил ее помочь мне. Она выразила готовность, но усилий особых не прилагала и не добилась квартиры. В учебной работе имеются элементы зазнайства». Итог голосования: за — 131, против — 1. Причем все выступавшие осудили мнение Ф. И. Сурина.

С И. Н. Чемпаловым у этого человека сложились особые отношения. Уже в 1948 г. он понял, что великовозрастный начинающий ассистент, фронтовик-боец, может составить ему конкуренцию. Ф. И. Сурин понимал, что его назначение деканом, заведующим кафедрой — события временного порядка — от недостатка

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 43. Л. 58.

² Там же. Д. 134. Л. 216—217, 219—220.

высококвалифицированных специалистов. Удержаться на занимаемых должностях будет сложно. Поэтому он всячески притеснял молодого конкурента. Крах интриги А. В. Жарковой он воспринял и как личное поражение. Но в борьбе появились дополнительные козыри — они были выложены на факультетском партийном собрании в марте 1955 г. Дело дошло до личных оскорблений. Партийное бюро университета было вынуждено создать специальную независимую комиссию по проверке «фактов ненормальных взаимоотношений». Первый пункт заключения комиссии для заведующего звучал как приговор: «На кафедре всеобщей истории университета сложилась в течение последних трех лет ненормальная обстановка. Кафедра не работает как единый научный коллектив. Являясь квалифицированной по составу (на кафедре 5 кандидатов наук из 6 работников), 2 работника кафедры имеют 15-летний стаж работы в вузе, кафедра, тем не менее, не играет той роли на факультете, которую она могла и должна была играть».

Далее комиссия зафиксировала, что «в создании ненормальной обстановки» повинны оба преподавателя, но «особенно недопустимым и оскорбительным является выступление т. Сурина, необоснованно оскорбившего и повторившего эти необоснованные обвинения комиссии» и предложила «прекратить распри, наладить дружную совместную работу»¹.

Прочитаем выступление Ф. И. Сурина без сокращений, здесь выложены «главные козыри»: «Вот уже три года идет травля меня со стороны Чемпалова. Меня преследуют за то, что я доказываю, что Чемпалов — носитель кулацкой идеологии. Я утверждаю так не потому, что Чемпалов по происхождению из кулаков, а потому, что он культивирует и проявляет собственную кулацкую психологию. Он демонстрирует капиталистическое отношение к труду по принципу: дать работы поменьше, а денег содрать побольше. Он использует свое положение декана для личного обогащения, ректорат защищает декана, партбюро ему покровительствует»².

Расширенное заседание партбюро было бурным. Выступили члены комиссии, руководители вуза, все члены бюро. Ф. И. Сурин

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 88—88 об.

² Там же. Д. 139. Л. 61.

выступил в том же ключе, что процитировано выше. Добавил еще грязи. Полностью цитировать ее нет никакой необходимости, да и читатель, видимо, устал. Но некоторые дополнительные фрагменты нужно привести — для полной ясности. «...Чемпалов враждебен ко мне. С его стороны по отношению ко мне проявляется даже подлость. Он — карьерист. Со стороны Чемпалова я подвергаюсь настоящей травле. Он охаивает огульно мои лекции. Для этого он пригласил своего приятеля Адамова. При обсуждении они не увидели в лекции ни одной положительной стороны.

На партсобрании факультета Чемпалов заявил, что я работаю, как зав. кафедрой, плохо, что мои статьи низкого качества, что я нахожусь в плену у буржуазных фальсификаторов. Особенно он стал травить меня с того времени, как стал деканом факультета. Травля меня, как честного работника, объясняется непартийным подходом к делу, проявлением враждебной кулацкой идеологии. В основе его деятельности лежит карьеризм, а не интересы дела. Реорганизовав Ученый совет, Чемпалов хотел оградить себя от критики. Метод его работы — это грубое администрирование. Чемпалов страдает манией величия, всех и все критикует, кроме себя. Студентам навязывается Чемпаловская отсебятина. Критикует лекции высшей партийной школы. У него отсутствует скромность...». Итоговая фраза Ф.И. Сурина явно провокационна: «Чемпалов обманул два раза партию. Он недостойн быть руководителем факультета и состоять в рядах партии»¹.

И. Н. Чемпалов не вступил в дискуссию, признал резкость, иногда и вспыльчивость («горяч до грубости»). Но убедил членов партбюро, что кафедра и ее заведующий в научном и учебно-методическом плане работают слабо.

Практически все выступавшие осудили Ф. И. Сурина. В обобщенном виде это сделал ректор Г. И. Чуфаров: «Выводы комиссии были правильны. Тов. Сурина необходимо было продумать свое выступление. Разве можно так выступать старому члену партии? Ведь все выдвинутые Вами обвинения против Чемпалова совершенно неубедительны. Реорганизация Ученого совета была проведена по указанию ректората. А Вы приписали, что Чемпалов это сделал из личных выгод. Нужно указать и Сурина, и Чемпалову на

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 71—72.

недопустимость их взаимоотношений. Потребовать от Сурина коренным образом перестроить работу кафедры. Тов. Чемпалову, как декану, не сходить с принципиальных позиций»¹.

И решение партбюро было корректно мягким: «1. Указать тов. Сурина и Чемпалову на недопустимость установившихся между ними и в целом между членами кафедры нездоровых отношений. 2. Предупредить тов. Сурина, на которого в первую очередь ложится вина за создавшуюся на кафедре нездоровую обстановку, что если он не сделает из этого обсуждения необходимых выводов, в отношении его будут применены более строгие меры партийного воздействия. Обязать тов. Сурина коренным образом улучшить работу кафедры. Принять меры к развертыванию критики и самокритики на кафедре»².

Попытка Ф. И. Сурина продлить конфликт и обострить ситуацию на общеуниверситетском собрании 13 июня 1955 г. закончилась еще большим крахом. В протоколе было зафиксировано: «Выступление коммуниста тов. Сурина вызвало единодушное осуждение со стороны других коммунистов. Свои обвинения в адрес ректората, партбюро, Чемпалова тов. Сурина ничем не обосновывает»³.

Кажется, эпопея подошла к концу, заканчивался и учебный год, подходило время отдыха, осмысления и остывания от дрызг. Была уверенность в том, что ритм работы отделения войдет в норму, и весь факультет будет работать спокойно. Но, увы, декана ждала еще одна неприятность. Готовилась она долго и не на историческом отделении. Вынуждены повторить: в орбиту очередного скандала, кроме преподавателей — членов партии, были втянуты и беспартийные. Более того, что особенно прискорбно, — студенты. Да и по времени очередной скандал был явно некстати.

Дело в том, что начало 1955/56 учебного года ознаменовалось для факультета важным событием. Был опубликован совместный приказ Министерства высшего образования СССР и Министерства просвещения РСФСР от 27 сентября «об объединении отдельных малочисленных факультетов педагогических институтов с факуль-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 75.

² Там же. Л. 76.

³ Там же. Д. 139. Л. 68.

тетами университетов». На основании приказа, на университетской базе, объединялись историки. Дневное отделение пополнили более 150 студентов и 537 студентов-заочников пединститута. Переехал исторический кабинет, пришли новые преподаватели¹.

Нет необходимости сегодня вести дискуссию о факте слияния историков. Очень точно, на наш взгляд, описала ситуацию свидетель события Г. А. Кулагина: «Насколько мне было известно, тогда в университете перспектива слияния истфаков никого особенно не прельщала, а кое-кому откровенно не нравилась, кого-то пугала предстоящая пресловутая «педагогизация». В СГПИ ярыми сторонниками слияния были оба заведующих кафедрами — В. Я. Кривоногов и М. Я. Сюзюмов, ... о самом факте слияния и теперь, спустя пятьдесят лет, скажу так, как думала тогда: не надо было этого делать. Сливали тогда истфаки повсеместно. Объясняли, конечно, «интересами дела». А на поверку, подготовка хороших учителей истории в нашей области понесла от слияния значительный урон»².

С последней фразой Г. А. Кулагиной можно спорить. Но слияние состоялось. На первой полосе газеты «Сталинец» появились слова: «Добро пожаловать, друзья, товарищи. Желаем Вам успехов». Приветствие было приятным и необходимым. Однако ситуация на факультете была далека не радужной. И автор повествования в затруднении ее описать. Опять цитирование? Или более популярно? Представлять всех фигурантов событий... Проанализировав ситуацию несчетное количество раз, автор решил — только обильное цитирование. В противном случае возможно искажение событий. А читатели сами разберутся, сделают выводы.

С одним замечанием. Историю приезда из Винницы в 1949 г. в университет Г. Е. и А. В. Тамарченко, эмиграцию из СССР и жизнь за границей изучают филологи. Сведения о них есть в книге 2010 г. «Уральский государственный университет в биографиях». Нам неизвестен автор биографических статей, но видно, что составлены они на основании книги: Тамарченко Г. Е. Судьба одного семейства: (На крутых поворотах советской истории): Воспоминания. Киев, 2001³.

---

¹ Архив УрГУ. Приказ № 506 от 11 октября 1955 г.; Сталинец. 14 октября 1955 г.

² Кулагина Г. А. Свидетель века. Екатеринбург, 2005. С. 114—115.

³ См.: Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2010. С. 373—376. В подобной книге 2000 г. их биографий нет.

Можно лишь пожелать автору — помимо воспоминаний в будущем более подробно, по документам изучить семилетний период работы супругов в УрГУ. Чутьочку подскажем автору — в 1954 г. партбюро вуза констатировало, что Анна Владимировна «недобросовестно относится к выполнению партийных поручений», в том числе плохо работает в профкоме, в составе художественного совета. Оправдывается тем, что некогда заниматься научной работой»¹. Может быть, изменится позиция, будет снята в очередном издании книги фраза о том, что уволены они из университета из-за конфликта с «деканом историко-филологического факультета, проводившим антисемитскую кадровую политику»². Хлесткое, но искаженное описание факта увольнения в солидном издании...

...Для начала документ — выдержка из протокола заседания партбюро университета, точно отразившая начало событий: «преподаватели кафедры русской литературы — супруги Тамарченко А. В. и Г. Е., Куканов А. М., Алейникова, Китайник и другие организованно выступили 10 сентября 1955 г. против руководства факультета (декана т. Чемпалова), ставя групповые интересы выше интересов дела, противопоставили себя всему коллективу факультета и общественным организациям университета. Объединившись на непринципиальной основе, заручившись поддержкой преподавателей других кафедр (супруга Куканова, Бортник), эта группа поставила своей целью дискредитировать декана т. Чемпалова И. Н., применив недостойные советского преподавателя формы и средства критики, оскорбления («несоветский», «мерзавец», «черносотенец» и др.), приклеивание ярлыка антисемита и т.п.»³.

Да, очередная атака на декана оказалась самой серьезной. Его обвиняли во всех смертных грехах. Естественно, была создана очередная комиссия, она собрала все материалы и представила их в партбюро. На расширенном заседании (были приглашены заведующие кафедрами, все фигуранты дела) выступления были очень строгие.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 137. Л. 167—168.

² Именно такой вывод на стр. 374 и 375.

³ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 164.

Ректор Г. И. Чуфаров: «Судя по протоколу кафедры русской литературы, преподавателей этой кафедры нельзя даже допускать до воспитания студентов. Зачем тут крепкие слова? Это оскорбление. Кукановское выступление — злопыхательство. Куканов весь пропитан злобой. Ему всегда шли навстречу, помогали расти научно... Цель этой группы — обвинить Чемпалова в антисемитизме и столкнуть его с деканства. Основное зло здесь — семейственность. Необходимо сделать так, чтобы Тамарченко не работали вместе, и Кукановы тоже. Это оздоровит обстановку историко-филологического факультета».

Заведующий кафедрой истории СССР М.А. Горловский: «Это позорное дело для университета. Об этом знают не только в городе, но и далеко за пределами Свердловска. Я — не приятель Чемпалова, более, я не люблю его. Но и меня втягивают в это дело. Такого дела у нас никогда не было. Надо кое-кого наказать. Просто так убрать из университета. Надо предупредить, что если Тамарченко не начнут честно работать, то их убрать надо из университета. Чемпалова тоже надо крепко предупредить. Со мной многие говорили о том, что Чемпалов антисемит. Но я отрицаю это со всей ответственностью»¹.

Проректор университета Я. Д. Горлачев: «Чемпалов работает недавно. Ему нужно было помочь в работе. Чемпалов начал наводить порядок, начав с распределения поручений. Но сделано далеко не все. Чемпалов стал бороться за укрепление дисциплины, но до сих пор нарушения дисциплины еще есть со стороны преподавателей. Но преподавателям не понравилась борьба декана за дисциплину. Группа преподавателей решила убрать его. Первую скрипку играют в этой группе Тамарченко и Куканов. Они собирают факты, выискивая все лазейки для нанесения удара. Чемпалова напрасно они обвиняют в изгнании с факультета евреев, путем грубой подтасовки фактов. Напрасному обвинению Чемпалова в антисемитизме надо дать политическую оценку. Это не склоки, не клевета, а разжигание национализма. И это стало достоянием всего города. Цель — сбросить декана с места, прибегая к самым подлым приемам и методам. Надо крепко наказать этих людей,

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 158.

дать им самое строго взыскание. Надо дать этому политическую оценку среди коллектива университета»¹.

Философ М. Н. Руткевич: «Надо, чтобы обсуждение это было последним. Сколько времени оно отняло у десятков людей. Надо прекратить на факультете склоки, подчинить личные интересы интересам дела. Надо правильно относиться к критике. Чемпалову необходимо учесть и изжить свои неправильные методы — администрирование, грубость. Партбюро университета должно принять соответствующие меры к людям, которые разлагают факультет. Надо дружно взяться за работу, развертывать полезную критику. Чемпалов — не антисемит. Развязывать такое политически вредное дело среди беспартийных и студентов коммунистам не к лицу. За это надо отвечать».

Биолог, профессор Г. В. Заблуда: «такого дела я еще не встречал. Конфликт принял такие острые формы, что делалось все, чтобы посильнее облить грязью. Здесь виновато партбюро факультета. Люди, занимающиеся склоками, бездельники. Выступления Куканова и Тамарченко тенденциозны. Они собрали случайные факты (пример с Лившицем), оперируют ими. На кафедре занимаются не деловой работой, а собиранием того, кто, где и что сказал. Декан тоже во многом виноват. Но он молодой, ему нужна помощь. Ему нужно научиться такту, обращению с людьми».

Выступлений было много. И. М. Сушков, секретарь партбюро университета: «Подведем итоги. Положение на кафедре русской литературы нетерпимое. Там было организованное выступление членов кафедры — партийных и беспартийных, носящее политический, опасный характер. Поведение Тамарченко и Куканова непартийное. Они до сих пор продолжают обвинять Чемпалова вопреки рассмотренным комиссией фактам в антисемитизме. Это ведет к раздуванию буржуазной идеологии. Они действуют в интересах групповых, не в интересах интернационального воспитания наших кадров. Надо строго наказать их за это. Их необоснованное заявление — политически вредное. Так можно докатиться до политической диверсии. Они должны осознать, что подобные факты — групповщина и, следовательно, непартийное отношение к критике, приклеивание ярлыков антисемитизма, «черносотенца»

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 161.

и др. ведут к развалу всей работы — научной, учебной, воспитательной на факультете и в университете. Чемпалов тоже виноват. Но большая часть вины лежит на факультетском партийном бюро. Состав его требует немедленной смены. Особенно секретарь факультетского бюро оказался не на высоте».

Итогом заседания явилось постановление из 9 пунктов, где определены наказания провинившимся (их получили только А. В. Тamarченко и А. М. Куканов) и меры по исправлению ситуации.

Общеуниверситетское партийное собрание также прошло бурно. Его протокол занимает 19 страниц. Были зачитаны выводы комиссии и решение партбюро. Но А. М. Куканов вновь заявил: «Групповщины не признавал и не признаю. Я не разжигаю национальную рознь. Люди были оскорблены и затравлены Чемпаловым, нажим осуществляется в основном в отношении людей еврейской национальности». А. В. Тamarченко вновь говорила «о грубом администрировании, зажиме критики... особенно по отношению к национальным меньшинствам», требовала борьбы с шовинизмом и национализмом.

Но секретарь партбюро факультета В. В. Кусков со всей ответственностью заявил: «Выводы комиссии объективны и правильные. Партбюро и я, как его секретарь, не приняли должных мер по склокам. Обвинения в антисемитизме были порождены бестактностью, грубостью декана. Но антисемитизма не было. Чемпалов отмечал не раз с хорошей стороны Г. Е. Тamarченко и других товарищей еврейской национальности».

Это выступление поддержало большинство коммунистов университета. Ярko выступил фронтовик, заведующий кафедрой политэкономии, В. М. Готлобер: «Вся эта склока порождена безделием. Надо разгрузить кафедру от бездельников и заушателей, которые шепчутся по углам»¹. Порцию критики получили и беспартийные — Н. Г. Куканова, которая «груба, недисциплинированна, делит студентов на одаренных и неодаренных, преследуя последних», Н. А. Бортник, который «использовал трибуну факультетского профсоюзного собрания в целях разжигания склоки, демонстрируя ее прямо перед студентами», Г. Е. Тamarченко, дочь которого заявила на работе в колхозе председателю: «Вы развалили

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 139. Л. 93, 95, 99, 103 и др.

работу, вы и выправляйте дело». Этот инцидент привел к групповому отказу студентов работать, часть из них даже самовольно уехала домой.

В очередной раз вынужден был выступить И. Н. Чемпалов. Он повторил, что отказывался от назначения деканом, «знал, что групповщина на факультете процветает давно», сожалел, что «появилась тенденция втравить в наши склоки студентов». Именно к этому времени он, видимо, принял решение и объявил его на собрании — «обновить руководство факультета. Мне работать трудно»¹.

Вот так сложно заканчивался первый семестр 1955/56 учебного года. Отметила сие лихолетье и комиссия горкома партии в мае 1956 г.: «Ни в одном вузе города не приходилось сталкиваться с таким количеством фактов неправильного поведения в быту, ненормальных отношений, разного рода склок и дразг между научными работниками, как в университете», «некоторые преподаватели зазнались, не видят недостатков в своей работе. В поведении не терпят критики в свой адрес». Особо выделили Ф. И. Сурина: «он, как коммунист, должен был помочь общественным организациям, руководству университета решать вопросы в интересах общего дела, вскрыть существо их, внести предложения по улучшению воспитательной работы, способствовать сплочению педагогического коллектива, вместо этого он пытается затянуть развивающуюся склоку»².

Июль 1956 г. принес и радостное событие — факультет официально был разделен на два — исторический и филологический. Деканом исторического был назначен доцент В. Е. Суров — человек, прошедший в пединституте большую жизненную и преподавательскую школу.

Факультетом руководил

Суров Евгений Георгиевич. Родился в 1912 г. в с. Усово Орловской губернии. В 1931 г. закончил Елецкий педагогический техникум, в 1937 г. — Московский пединститут. С 1940 г., после окончания аспирантуры и защиты диссер-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 139. Л. 97, 101—102 и др.

² Там же. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 15—16.

тации, в Свердловском пединституте. Был деканом, заместителем директора по учебной и научной работе. Член партии с 1943 г. С 1950 г. работал в университете на условиях почасовой оплаты. [Архив УрГУ. Личный состав. Д. 134.]

Закончить эту главу, да и книгу в целом, можно официальной справкой, которую подготовил первый декан вновь восстановленного факультета: «Исторический факультет создан в 1938 году. Ряд лет он находился в составе историко-филологического факультета, а с 1956 г. вновь стал существовать самостоятельно. В настоящее время на факультете имеется две кафедры: кафедра истории народов СССР и кафедра всеобщей истории. При этих кафедрах работают соответствующие кабинеты, располагающие научной и учебной литературой и необходимыми для ведения учебного процесса наглядными пособиями. Кроме того имеется археологическая лаборатория и читальный зал, который обслуживает студентов исторического и филологического факультетов.

В составе научных работников факультета находятся — 1 доктор исторических наук, профессор, 7 кандидатов исторических наук, доцентов, 1 кандидат юридических наук, доцент и 1 старший преподаватель.

С момента основания факультета подготовлены и защищены диссертации на степень кандидата исторических наук К. В. Сальниковым, В. В. Адамовым, Ф. И. Суриным, И. Н. Чемпаловым. На факультете создано научное студенческое общество, в котором состоит 20 человек. Кроме того имеются студенческие научные кружки по отдельным историческим дисциплинам.

Основными проблемами, над которыми работают коллективы кафедр исторического факультета, являются: 1. История Урала (главным образом исследование социально-экономических вопросов и истории классовой борьбы на Урале); 2. Археология Урала; 3. Социально-экономические процессы в докапиталистических формациях; 4. Международные отношения накануне и после Второй мировой войны».

Прочитав этот текст, автор понял, что негоже так сухо заканчивать главу. И решил сделать иную концовку. Тем более что стало жаль неиспользованного более «живого» материала — записки бригады ответственных работников горкома КПСС. Они в мае

1956 г. проверяли состояние воспитательной работы в университете, в составе которого было 5 факультетов, 30 кафедр, 2263 студента.

Географический факультет, на одной площадке с которым жили историки с 1945 г., через 10 лет был переведен в Молотовский (Пермский) университет. Кстати, этот факт вызвал отрицательную реакцию со стороны преподавателей и сотрудников. Было принято даже решение партбюро о том, чтобы обком партии ходатайствовал в вышестоящих инстанциях о сохранении факультета: «у них будет восьмой, а у нас закрывают шестой»¹. «Местничество» не поддержало, решение о «целесообразности перевода» не пересмотрели.

Конечно же, примеры, которые приведены в отчете и в решении горкома партии от 1 июня, относились еще ко времени историко-филологического факультета, хотя фигурировал уже самостоятельный истфак. Здесь училось 334 студента дневного отделения, а именно: 1 курс — 77, 2 курс — 101, 3 курс — 53, 4 курс — 80, 5 курс — 23².

Ввиду того, что воспитательная работа в вузе комиссией была признана неудовлетворительной, автор не будет перегружать текст примерами, фамилиями провинившихся преподавателей и студентов. Отметим лишь, что в негативном плане фигурируют только гуманитарии. Но некоторые выводы проверяющих необходимо привести. Тем более что решение горкома станет предметом партийного, комсомольского и профсоюзных собраний в самом начале нового 1956/57 учебного года. Коллектив факультета и вуза в целом обязан был делать выводы. Тем более, потому что о «фактах нездорового настроения среди некоторой части студентов» доложила секретарю горкома КПСС Б. А. Осипову и заведующая отделом школ.

Фразы о том, что «студенты часто не приветствуют лектора при его приходе в аудиторию», могут «спокойно зайти после начала лекции и, не спросив разрешения, остаться или уйти», могут заявить преподавателю, что «хорошо знают историю революции 1905 года и что им нужно читать спецкурс по истории искусства, а

---

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 138. Л. 112—114, 117—120, 130.

² Там же. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 1—33; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 126. Л. 1—8.

поэтому лектор может к лекции не приступать» — это еще «цветочки»¹.

«Ягодки» вот здесь: «При распределении некоторые студенты заявили — согласны работать где угодно, но не в школе, другие не желали выезжать из Свердловска». «За последнее время среди некоторой части студентов проявляются нездоровые настроения, неправильные и вредные взгляды по целому ряду вопросов общественной и политической жизни».

О журнале «В поисках», выпущенном на историко-филологическом факультете, вывод еще более строг: «Студенческую молодежь журнал уверяет, что разваливается гуманитарная наука, ее некому восстанавливать в стране, призывает ничего не брать на веру, во всем сомневаться, не верить в красивые слова, так как по заявлению авторов, провозглашаемые красивые лозунги часто расходятся в жизни с делами»².

Вот рекомендация старшему поколению: «Преподаватель должен стать образцом для студентов, воспитывать в них своим примером социалистическое отношение к труду и чувство ответственности за свою работу в высшем учебном заведении, иметь безукоризненное поведение в быту». Четкие фразы, на что-то намекали (иного слова не подобрать) авторы приведенных туманных слов. С какими «нездоровыми настроениями» и «вредными взглядами» они предлагали бороться... Нет конкретики, есть требование — преодолеть. Поэтому выскажем свое предположение — неужели до высших инстанций дошли «сигналы» о том, что студенты поставили под сомнение честность доклада Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда партии³. Известно, что доклад зачитывался на закрытых партийных собраниях. И отношение к нему было неоднозначным. А что сообщалось закрыто, быстро станови-

---

¹ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 2.

² ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 16, 24—25.

³ То, что доклад был глубоко фальшивым, показал американский исследователь Гровер Ферр в книге «Антисталинская подлость» (М., 2008). Подобных работ (за исключением исследования Е. Прудниковой о Хрущеве и творцах террора) в отечественной историографии не отмечено. Ни в годы советской власти, ни сегодня. Упорно хвалим Никиту Сергеевича и его высокопоставленных подельников (с его подачи реабилитированных). А они отправили на смерть рядовых невинных людей.

лось доступным многим. И автор уверен, что «вредные взгляды» касались именно доклада. Это подтвердят комсомольские собрания в вузах города осенью 1956 г. Настораживает и «туманная» фраза, сказанная на майском заседании партбюро университета: «Студенты особенно интересовались партийными вопросами. Вначале у части студентов наблюдался нездоровый интерес к этим вопросам. Но в результате семинарских занятий это прошло»¹.

Видимо, все-таки не прошло. Иначе не потребовалось бы специального решения горкома КПСС о воспитательной работе в духе идеологии марксизма-ленинизма, передовой статьи в газете «Уральский рабочий» (орган обкома КПСС) под четким заголовком — «воспитательную работу — в центр внимания». Отмечая, что в вузы идут вчерашние школьники, в статье поставлена главная задача — «воспитывать у студентов марксистско-ленинское мировоззрение, патриотизм, преданность Коммунистической партии». А далее опять смутно: «Некоторые преподаватели нередко боятся остроты вопросов, с которыми обращаются к ним студенты на семинарах и консультациях, а студентам не хватает знаний и жизненного опыта, чтобы правильно оценить те или иные факты и явления общественной жизни»². Явно чувствуется кризис. Разлом в решении проблемы воспитания, честности в освещении событий прошлого и настоящего.

И эта концовка, увы, получилась грустной. В итоге появился третий вариант завершения этой части книги. Он состоит из двух фрагментов.

---

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 140. Л. 52.

² Уральский рабочий. 17 ноября 1956 г.

Фрагмент первый. В первой половине 50-х годов историческое отделение окончили 337 студентов. Более 60 человек получили дипломы с отличием. Представим годовые сведения:

Год	Дневное отделение	Заочное отделение	Всего
1951	42	2	44
1952	39	6	45
1953	31	15	46
1954	31	7	38
1955	34	21	55
1956	24	85	109*
Итого	201	136	337

* Резкий рост количества выпускников по заочной форме обучения связан с приходом студентов педагогического института.

В эти годы начала сбываться мечта декана И. Н. Чемпалова укомплектовать кафедры «доморощенными» специалистами. Завершали обучение многие талантливые историки. Они скоро придут на факультет (или будут читать лекции на факультете). Об этих людях с любовью будут говорить многие поколения студентов — А. В. Бакунин, В. П. Викторов, М. Е. Главацкий, П. В. Гришанов, В. Н. Зуйков, В. Калугин, А. Г. Козлов, Л. В. Ольховая, М. А. Поляковская, В. А. Саматов, П. К. Тарасов, П. С. Томилов, Д. П. Чакин, В. Г. Чуфаров, В. И. Шихов... Историками стали Ф. Т. Ермаш, о нем мы написали в разделе о фронтовиках-студентах, Ю. С. Мелентьев, в будущем крупный государственный деятель, в 1974—1990 гг. — министр культуры РСФСР. В 1957 г. заочное отделение истфака окончил В. Я. Мотыль, кинорежиссер, автор более десятка фильмов («Женя, Женечка и «катюша»», «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья» и др.). Он умер 21 февраля 2010 г., последняя его работа — «Багровый цвет снегопада».

Фрагмент второй. Появилась первая песня (а, может быть, гимн) историков. Сочиняли и корректировали ее, видимо, многие. Но авторы все-таки определены — студенты Игорь Куренко и Эдуард Гольдштейн. А чтобы она была четко «историчной», в 2009 г. Маргарита Ионовна Кондрашева — доктор наук, профессор, в 50-е годы — студентка, восстановила и ноты. Публикацией сохраненного и восстановленного закончим этот период истории факультета. Нотное оформление было следующим:

По песне отметим — уже совсем был недалек тот день, когда непобедимый физмат в спорте будет «положен на лопатки».

Пускай не очень знаменитый,
Истфак стал нашею судьбой,
Здесь много нами пережито,
Навеки он нам дорогой.

Припев:

Прошлое — это совсем, друзья, не бренность,
Хоть миновало оно, пускай, давно:
Лучше чтоб видеть нам современность —
В прошлое шире откроем окно.

Недавно сам среди ребятишек
Шумел ты в школе, но бьет час —
Учить девочек и мальчишек

Идет учитель строгий в класс.

Припев:

На полках в нашем кабинете
Стоят пудовые тома,
Вот бы осилить книги эти
И не сойти притом с ума.

Припев:

Все жарче в спорте наши схватки,
Скорее хочется дожить
До дня, в который на лопатки
Физмат удастся положить.

Припев:

Пройдут года, и наша смена
Придет учиться на истфак.
Пусть жизнь играет в этих стенах
И пусть поется здесь вот так:

Припев:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение будет кратким. Солидный объем книги вместил, на наш взгляд, основные вехи жизни историков. Если кто-то из читателей заподозрил автора в умолчании и имеет желание более подробно изучить представленный материал, то может считать, что помощь ему с нашей стороны будет обеспечена. Черновых, подготовительных материалов осталось намного больше — книга дописывалась, переписывалась и редактировалась более трех раз. Был период, когда вообще хотелось прекратить эту очень сложную работу. А уж стихи В. В. Маяковского о том, что

*«Поэзия —
та же добыча радия
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.»*

надолго «засели» в голову автора. Поэтому повторим слова из введения: большую работу проделали сотрудники исторического кабинета О. В. Замятина и И. В. Земскова. Их труд и доброе согласие переделывать и перечитывать написанное заставили автора закончить работу.

То есть необходимо честно признать, что отбор, анализ и размещение материала в «нужном месте» занял много времени. Преследовалась единственная цель — предельно корректно и честно отразить жизнь исторического отделения на фоне факультета. Как это удалось — судить читателю. С 1956 г. оформился единый исторический факультет. Это старт нового периода жизни коллектива.

И последнее. Несмотря ни на какие организационные перемены сегодняшнего времени, коллектив историков останется. Он бу-

дет через три года отмечать славное 75-летие. Закладывать «публикаторскую базу» для этого мероприятия нужно уже сегодня. В юбилейном 2013 году коллектив много сделать не сможет. Поэтому повторим часть текста заключения предыдущей книги о факультете 2008 года: «Факультету необходим архив-музей... Поэтому всем заинтересованным лицам необходимо представить в деканат замечания и предложения по данной книге, новые материалы, воспоминания, документы о преподавателях, сотрудниках, выпускниках факультета, о работе кафедр, кабинетов и лабораторий. Только солидный комплекс документов позволит выполнить задуманные начинания».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. Опубликованные источники

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1945 г. об учреждении нагрудного знака для лиц, окончивших государственные университеты // Свод Законов СССР. Т. 3. М., 1985. С. 416.
2. Постановление Совета Министров СССР от 14 февраля 1947 г. № 291 «О мероприятиях по укреплению материально-технической базы высших учебных заведений и улучшению бытового обслуживания студентов» — ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 279.
3. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 30 августа 1954 г. «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием» // Свод Законов СССР. Т. 3. М., 1985. С. 339—342; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 139. Л. 75.
4. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 30 августа 1954 г. «По развитию и улучшению заочного и вечернего высшего и среднего специального образования» // Свод Законов СССР. Т. 3. М., 1985. С. 343—344.
5. Постановление Совета Министров СССР от 12 апреля 1956 г. № 456 «О новом порядке распределения штатов профессорско-преподавательского состава вузов и разрешения на работу по совместительству» // Известия. 13 апреля 1956 г.
6. Высшая школа. Основные постановления и инструкции. М. 1948.
7. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957.
8. Летопись исторического факультета МГУ (1934—1994 гг.). Б. м. Б. г.
9. *Лихачев Д.* Воспоминания. М.: Вагриус, 2007.
10. Общество и власть. Российская провинция. 1917—1985. Свердловская область. Документы и материалы. Т. 2. 1941—1985. Екатеринбург, 2006.

11. Сталинец (с 21 апреля 1956 г. — «Уральский университет»). 17 января, 1 марта, 23 апреля, 7 мая, 30 мая, 18 июня, 29 июня 1946 г.; 26 марта, 22 октября, 5 декабря, 21 декабря 1947 г.; 27 февраля, 3 апреля, 31 мая 1948 г.; 3 марта, 8 марта, 25 марта, 31 марта, 23 апреля, 5 мая, 7 ноября, 16 ноября, 21 декабря 1949 г.; 8 марта, 5 апреля, 7 апреля, 5 мая, 7 ноября 1950 г.; 16 марта, 11 сентября 1951 г.; 21 февраля, 22 февраля, 28 марта, 1 мая 1952 г.; 3 января, 17 января, 7 марта, 10 июня, 30 июня, 1 сентября, 23 сентября, 28 октября, 7 ноября 1953 г.; 8 января, 13 апреля, 28 мая, 5 июня, 12 июня, 14 сентября, 7 октября 1954 г.; 8 января, 2 апреля, 16 сентября, 14 октября, 7 ноября, 3 декабря, 17 декабря 1955 г.; 14 марта, 21 апреля, 3 июля, 4 ноября, 7 ноября, 17 ноября, 28 ноября 1956 г.
12. Урал XX век. Книга для чтения по истории. Екатеринбург, 1997.

1.2. Неопубликованные источники

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2110 — Уральский государственный университет. Оп. 2. Д. 7, 13, 89, 108, 116, 118, 121, 125, 126, 817, 819, 823, 824, 825, 826. Оп. 4. Д. 127. Оп. 5. Д. 158.
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4 — Свердловский областной комитет КПСС. Оп. 41. Д. 22. Ф. 161 — Свердловский городской комитет КПСС. Оп. 6. Д. 1878, 1879. Оп. 12. Д. 279. Оп. 13. Д. 359, 363. Оп. 15. Д. 357. Оп. 18. Д. 352. Оп. 27. Д. 57. Ф. 285 — Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Оп. 1. Д. 10. Оп. 3. Д. 39, 42, 43, 45, 51, 52, 54, 60, 61, 62, 83, 93, 94, 95, 96, 102, 103, 104, 105, 107, 110, 111, 112, 113, 117, 121, 122, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141.
3. Архив управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области. Ф. 1 — Фонд приказов и распорядительных документов. Оп. 1. Д. 320.
4. Архив Уральского государственного университета. Документы по основной деятельности и личному составу. Д. 45, 92, 134, 168, 171, 181, 218, 285, 303, 348.
5. Музей Уральского государственного университета. Рукописная коллекция истфака.
6. Рукописный фонд археологической лаборатории.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. М., 1957.
2. *Галкин К. Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М. 1958.
3. *Горловский М. А., Чуфаров В. Г.* Уральский государственный университет (краткий исторический очерк). Свердловск, 1956.
4. *Елютин В. П.* Высшая школа СССР за 50 лет (1917—1967). М., 1967.
5. *Историки Урала XVIII—XX вв.* Екатеринбург, 2003.
6. *Кафтанов С. В.* Высшее образование в СССР. М., 1950.
7. *Кожин В.* Россия. Век XX (1939—1964). М., 2002.
8. *Костырченко Г. В.* В плену красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994.
9. *Кулагина Г. А.* Исторический факультет // Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967.
10. *Кулагина Г. А.* Свидетель века. Екатеринбург, 2005.
11. *Леонова Л. С.* Историческому факультету МГУ — 70 лет // Вестник Московского университета. 2004. № 2.
12. *Прудникова Е.* Хрущев. Творцы террора. М., 2009.
13. *Ректоры Уральского государственного университета.* Екатеринбург, 2010.
14. *Уральский государственный университет в биографиях.* Екатеринбург, 2000.
15. *Уральский государственный университет в биографиях.* Екатеринбург, 2010.
16. *Ферр Г.* Антисталинская подлость. М., 2008.
17. *Черноухов А. В., Пундани В. В.* О дате основания Екатеринбурга. (Эпизод из жизни А. Г. Козлова) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург, 2009.
18. *Чуткерашвили Е. В.* Развитие высшего образования в СССР. М., 1961.
19. *Энциклопедический словарь исторического факультета Московского университета.* М., 2004.

А. В. Черноухов

Историческое отделение
историко-филологического факультета
Уральского университета. 1945—1956

Авторская редакция

Компьютерный набор О. В. Замятина
Макет А. А. Сафронов

Подписано в печать 12.12.2010. Формат 60×84 1/16
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура «Таймс»
Тираж 350 экз.

Отпечатано на ризографе в лаборатории оргтехники
отделения архивоведения, документоведения
и информационно-правового обеспечения управления ист. ф-та УрГУ.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.